

СЛАВЯНСКИЙ МИР: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Правительство Москвы
Комитет межрегиональных связей
и национальной политики г. Москвы.

Российская академия наук
Институт славяноведения

Славянский фонд России

СЛАВЯНСКИЙ МИР: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

(Памяти Владимира Константиновича Волкова)

Москва 2006

Ответственный редактор А.В. Карасев

В предлагаемый вниманию читателя сборник вошли некоторые статьи крупного отечественного историка-слависта, члена-корреспондента РАН Владимира Константиновича Волкова. В этих статьях рассматриваются проблемы современного состояния славянского мира, взаимоотношения России и других славянских стран, ключевые моменты истории славянских народов в XX веке. Анализируются причины распада Югославии и возникновения этногражданских конфликтов на ее территории, исследуются вопросы столкновения цивилизаций в Балканском регионе. Рассматривается развитие российской исторической славистики на рубеже XXI века, взаимоотношения славянской идеи и русского национального самосознания в исторической перспективе.

К сожалению, жизнь В.К. Волкова трагически оборвалась в конце 2005 г. Настоящий сборник - это дань памяти большому ученому и большому человеку.

Книга рассчитана на специалистов и широкий круг читателей.

ISBN 5-7576-0201-5

© Институт славяноведения РАН, 2006

Оглавление

Статьи В.К. Волкова

Памяти Владимира Константиновича Волкова (1930 – 2005)	4
Сербия — 200 лет борьбы	10
Вторая мировая война и славянские народы (некоторые размышления в связи с 50-летием Победы)	19
Балканы в системе геополитических интересов России	27
Балканская западня и проблема столкновения цивилизаций	40
Трагедия Югославии (1991-1995)	60
Российская историческая славистика на пороге XXI века: смена исследовательской парадигмы	107
«Славянская идея» и русское национальное самосознание	125

Памяти Владимира Константиновича Волкова (1930–2005)¹

6 ноября 2006 г., не дожив месяца до своего 75-летия, трагически погиб в автомобильной катастрофе член-корреспондент РАН Владимир Константинович Волков – советник РАН, главный редактор журнала «Славяноведение», известный специалист по истории международных отношений в Европе в новейшее время.

В.К. Волков родился 15 декабря 1930 г. в Воронеже в семье железнодорожника, с 1943 г. семья жила в Москве. Поступив в 1949 г. по окончании средней школы на исторический факультет МГУ, В. Волков учился на кафедре истории южных и западных славян, руководимой в то время проф. С.А. Никитиным, где избрал своей специализацией историю Болгарии и Сербии. Хотя со временем круг его научных интересов заметно расширился, он всю жизнь оставался верен избранному в юности магистральному направлению своих научных исследований – истории югославянских народов в новейшее время.

Окончив в 1954 г. с отличием университет, В.К. Волков более двух лет проработал на радио, в редакции вещания на Болгарию и Албанию. Эта работа дала молодому историку опыт изучения международной обстановки во всей ее динамике и непредсказуемости изменений, позволила выработать пригодившееся впоследствии умение оперативно откликаться на актуальные проблемы сегодняшнего дня, не утрачивая при этом взгляд историка, устремленного на выявление исторических корней современных явлений.

Придя в ноябре 1956 г. в Институт славяноведения АН СССР, в сектор новейшей истории, В.К. Волков обратился к теме, работа над которой до 1955 г. была сильно затруднена, если не сказать невозможна вследствие советско-югославского конфликта 1948 г. – речь идет о политической истории Югославии в 1930–1940-е годы. Он занялся изучением современной югославской, а также западной историографии, посвященной народно-освободительной войне в Югославии в годы Второй мировой войны, и опубликовал ряд статей. Молодому историку приходилось учитывать сложнейшие перипетии советско-югославских отношений в 1940–1950-е годы, их противоречивое влияние на концепции югославских ученых, принимать во

---

¹ Опубликовано в «Славяноведение», № 6, 2005 г.

внимание непростые взаимоотношения между народами федеративной Югославии, а также весь комплекс острейших политических проблем межгосударственных отношений на Балканах в 1930–1940-е годы.

Глубокое освоение зарубежной историографии позволило обратиться к самостоятельному изучению, на основе первоисточников, проблем новейшей югославской истории. В этапном для советских югославистов двухтомнике «История Югославия» (М., 1963) перу В.К. Волкова принадлежит ряд глав, и в том числе об экономическом положении и внутривнутриполитической ситуации в стране в 1930-е годы, в канун Второй мировой войны. Но в большей степени его интересовала внешняя политика королевского режима в Белграде. Темой кандидатской диссертации стали германо-югославские отношения в 1930-е годы. Из диссертации, защищенной в 1963 г., выросла монография «Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты. 1933–1938» (М., 1966). Это была одна из первых в отечественной историографии серьезных работ по истории международных отношений на Балканах в межвоенный период. Заслугой автора явилась постановка вопросов о значении балканских стран как неотъемлемого компонента Версальской системы и о роли балканского направления во внешней политике нацистской Германии в ее стремлении расшатать устои этой системы.

В том же 1966 г. вышла и другая монография В.К. Волкова – «Операция «Тевтонский меч»». Автор реконструировал событие, потрясшее в октябре 1934 г. мировую общественность – речь идет об убийстве в Марселе хорватскими националистами при содействии Берлина короля Югославии Александра и министра иностранных дел Франции Л.Барту. Это новаторское историческое исследование было опубликовано также и в Югославии.

Логическим продолжением работ о внешнеполитических проблемах 1930-х годов явились исследования В.К. Волкова по истории Второй мировой войны. Он вошел в круг авторов шеститомной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» (М., 1960–1965), в многотомной «Истории второй мировой войны, 1939–1945» (М., 1973–1982) ему принадлежит важная глава о походе Гитлера на Балканы весной 1941 г., агрессии против Югославии и Греции. По-прежнему занимался он и движением Сопротивления – не только в Югославии, но и в Болгарии.

В 1960-е годы В.К. Волков работал в Инславе под руководством В.Д. Королюка в секторе, занимавшемся историей славяно-германских отношений, начиная со Средних веков и вплоть до новейшего времени. В этот период он опубликовал принципиально важную статью «К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» (1969), основанную на глубоком знании не только международной историографии, но и общественно-политической мысли Нового и новейшего времени.

С 1970 г. около двух десятилетий В.К. Волков руководил в Институте славяноведения и балканистики АН СССР сектором истории международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе. Круг его научных интересов к этому времени расширился с новейшей на Новую историю, и в частности на проблемы истории международных отношений в последней трети XIX в. Он занимался изучением экспансии германского империализма на Балканы в канун Первой мировой войны, исследовал внешнеполитические концепции, сформулированные идеологами кайзеровской Германии, и их конкретное преломление в политике второго рейха на балканском направлении. В 1977 г. под редакцией В.К. Волкова вышел труд «“Дранг нах Остен” и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. 1871–1919». Авторы не упустили из виду и позитивные стороны германского влияния на Балканах, проявившиеся как в оживлении экономической жизни отдельных стран, так и в модернизации культурно-образовательной сферы.

Главным направлением исследований В.К. Волкова в 1970–1980-е годы оставалось все же изучение политического кризиса в Европе 1938–1939 гг., завершившегося развязыванием Второй мировой войны. Он ввел в научный оборот югославские документы об англо-франко-советских переговорах летом 1939 г., опубликовал статьи о реакции на Балканах, в том числе правительств Греции и Турции, на Мюнхенский сговор, затронул проблему гарантий балканским странам со стороны западных держав весной 1939 г. Монография «Мюнхенский сговор и балканские страны» (М., 1978), опубликованная также на сербском и чешском языках, в 1979 г. была защищена в качестве докторской диссертации. Балканы в этой работе рассматривались в качестве арены важных внешнеполитических столкновений, происходивших в ходе подготовки Второй мировой войны. К 50-летию Мюнхенского сговора был приурочен выход коллективного труда под редакцией В.К. Волкова «Мюнхен – преддверие войны» (М., 1988). За ним последовали другие работы с его участием – «Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы» (М., 1989), «1939 год: уроки истории» (М., 1990), два сборника статей по истории международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе в условиях начавшейся Второй мировой войны, с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. (1990–1992 гг.). Принципиально важными для своего времени были его статьи о советской политике на Балканах осенью 1940 – весной 1941 г. с учетом действия пакта между СССР и нацистской Германией.

С конца 1970-х годов сектор, возглавлявшийся В.К. Волковым, обратился также к изучению проблем заключительного этапа войны, послевоенного мирного урегулирования и политических итогов Второй мировой войны. Причем самого В.К. Волкова более всего интересовали положение на Балканах, место Юго-Восточной Европы во внешнеполитических доктринах боль-

ших держав и решениях международных конференций, предопределивших установление Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений.

В 1987 г. В.К. Волков возглавил Институт славяноведения и балканистики АН СССР (со временем переименованный в Институт славяноведения РАН), которым руководил в течение 17 лет, вплоть до конца 2004 г. В сложное для науки время, в 1990-е годы, институт сохранился как крупный научный центр международного значения, в котором ведется разработка широкого круга проблем истории и филологии, работают высококвалифицированные ученые.

Сочетая научно-организационную работу с исследовательской, В.К. Волков участвовал в коллективных трудах «Советская внешняя политика. 1917–1991 гг.» (М., 1993); «У истоков «социалистического содружества». СССР и восточноевропейские страны. 1944–1949 гг.» (М., 1995); «Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран» (М., 1997); «Македония: проблемы истории и культуры» (М., 1999). На страницах «Вопросов истории» (1997. № 2), а также в труде ИВИ РАН «Война и политика, 1939–1941» (М., 1999) он писал о советско-германских отношениях во второй половине 1940 г., ноябрьском визите Молотова в Берлин, о советско-германском соперничестве на Балканах, которое вело к постепенной сдаче позиций СССР, что особенно наглядно показала балканская кампания вермахта в апреле 1941 г. Фундаментальная коллективная монография под редакцией В.К. Волкова и Л.Я. Гибианского «Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг.» (М., 1999) положила начало серии работ «Вторая мировая война и Восточная Европа». В книге, созданной на широкой документальной базе, анализируется весь комплекс международных проблем в Центральной Европе и на Балканах в 1939 – первой половине 1941 гг.

В конце 1980-х годов, когда были сняты идеологические препятствия, стоявшие на пути изучения кризисных явлений в социалистическом лагере, В.К. Волков был в числе историков, быстро откликнувшихся на вызов времени. Его статья 1988 г. (в соавторстве с Л.Я. Гибианским) о советско-югославском конфликте 1948 г., опубликованная в «Вопросах истории», положила начало исследованиям этого значительного события в истории социалистической системы и международных отношений 1940–1950-х годов. Из работ последнего десятилетия следует отметить статьи 2000 г. «Германский вопрос глазами Сталина (1947–1952)», основанную на документах из Архива Президента РФ, а также концептуальную статью о процессе десталинизации отношений в социалистическом лагере после 1953 г.

В 1990-е годы, во время драматических событий, сопровождавших распад федеративной Югославии, В.К. Волков много выступал по проблемам современного балканского кризиса. В его статьях на страницах российской прессы углубленный интерес историка к истокам конфликта сочетался с

полемичностью публициста. В основе позиции В.К. Волкова лежала его убежденность в недопустимости применения иностранной военной силы при разрешении межнационального конфликта в бывшей Югославии.

Наряду с этим В.К. Волков писал об актуальных задачах отечественного славяноведения, о месте славистики среди гуманитарных дисциплин, занимался анализом исторических форм славянской общности и трансформации представлений о славянском единстве. Его важнейшие работы 1990-х годов составили книгу «Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы» (М., 2000). 70-летнему юбилею В.К. Волкова посвящен сборник с участием крупных ученых нескольких стран «Славянские народы: общность истории и культуры» (М., 2000).

Работы В.К. Волкова неоднократно публиковались за рубежом, причем не только в славянских странах. Достаточно сказать о его участии в коллективном труде, опубликованном в США, «The Establishment of Communist Regimes in Eastern Europe, 1944-1949» (Boulder, 1997), а также немецкоязычном сборнике его избранных работ по истории внешней политики СССР «Stalin wolte ein anderes Europa. Moskaus Aussenpolitik 1940 bis 1968 und die Folgen» (Berlin, 2003).

С середины 1960-х годов В.К. Волков многократно выступал с докладами на Международных конгрессах исторических наук, Международных съездах славистов, а также съездах специалистов по изучению стран Юго-Восточной Европы. Он вел немалую научно-организационную работу в международном масштабе, до конца жизни являясь президентом Международной ассоциации по изучению славянских культур при ЮНЕСКО, вице-президентом Международной ассоциации по изучению Юго-Восточной Европы, вице-президентом Международной комиссии историко-славистических исследований при Международном комитете исторических наук (МКИН), председателем российской части двусторонней комиссии историков России и Польши, заместителем председателя двусторонней комиссии историков и архивистов России и Чехии. Одновременно он возглавлял Научный совет по проблемам славяноведения при Отделении историко-филологических наук РАН, являлся членом Национального комитета славистов России и членом оргкомитета по проведению 24 мая каждого года в России Дня славянской письменности и культуры.

Научную деятельность профессор В.К. Волков в течение нескольких десятилетий сочетал с педагогической. Он читал спецкурсы в МГУ, Воронежском университете, преподавал в Дипломатической Академии МИД, выступал с лекциями в американских университетах. Но особенно много руководил аспирантами, успешно защитившими кандидатские диссертации. Сегодня ученики В.К. Волкова плодотворно работают во многих городах России и за ее пределами.

В.К. Волков был автором журнала «Славяноведение» с момента его основания. В самом первом номере «Советского славяноведения» (1965. № 1) была опубликована его статья о внешней политике Югославии в 1935–1936 гг. Впоследствии журнал неоднократно публиковал его статьи о советско-югославских отношениях в 1939–1941 гг. С 2001 г. он был главным редактором «Славяноведения».

В.К. Волков ушел из жизни неожиданно, полный творческих сил и замыслов. В последние месяцы он руководил подготовкой коллективного труда по истории Югославии в XX в. и проектом Отделения историко-филологических наук РАН «Восточная Европа в системе международных отношений в первой половине XX в.». 8 ноября Ученый совет Института славяноведения собирался заслушать отчет В.К. Волкова о его участии в Международном конгрессе исторических наук в Австралии.

Личность яркая и неординарная, талантливый организатор науки и историк–славист, В.К. Волков навсегда останется в памяти тех, кто его знал.

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редакция журнала «Славяноведение»

Сербия — 200 лет борьбы¹

Вступительное слово директора Института славяноведения РАН, члена-корреспондента РАН В. К. Волкова на научной конференции «Двести лет новой сербской государственности» (Институт славяноведения РАН, июнь 2004)

В среде историков существует мнение, что история счастливых народов, как правило, довольно скучная. Продолжая эту мысль, можно сказать, что история сербского народа — исключительно интересна. Это летопись побед и поражений, политических и экономических достижений и срывов, взлетов и падений. Конечно, другие народы также знали дни горя и радостей. Но на долю сербского народа, особенно в последние 100 лет, выпало слишком много испытаний.

Начало новой сербской государственности положило восстание 1804 г. под руководством Карагеоргия (Георгия Петровича). Отмечая его двухсотлетие, мы с высоты исторической дистанции видим, что Первое сербское восстание дало толчок борьбе за освобождение других балканских народов, находившихся под османским игом. Борьба была упорной. Она вскоре получила поддержку со стороны России, которая с тех пор неизменно отстаивала сербские интересы на международной арене, но вначале — в отношениях с Османской империей. Вслед за Первым (1804-1813) последовало Второе сербское восстание (1815) под руководством Милоша Обреновича. В конечном итоге борьба, которую многие исследователи справедливо называют национальной революцией, увенчалась обретением Сербским княжеством автономии в составе Оттоманской империи. Потребовались долгие годы новых войн и дипломатических усилий, чтобы после Русско-турецкой войны 1878-1878 гг. оно обрело полную независимость.

В середине 40-х гг. XIX столетия зародилась и программа объединения всех сербских земель в единое государство. Эта программа, ставшая известной как «Начертание» (одним из ее создателей был И. Гарашанин, давший ей свое имя), стала на долгие десятилетия основой практической деятельности сербской дипломатии. К этой цели стремились и политические течения тех частей сербского народа, которые оказались за пределами стра-

---

¹ Опубликовано в сб.: «Двести лет новой сербской государственности. К юбилею начала Первого сербского восстания 1804 - 1813 гг. Санкт-Петербург «Алетейя» 2005 г. С. 9 -17.

ны. А их, этих частей, было много. Турецкое завоевание Балканского полуострова разбросало сербов по многим землям. Значительное число их проживало на территориях, принадлежавших Габсбургской монархии — в Воеводине, вдоль Военной границы, созданной монархией против турецких нападений, в хорватских землях. В течение XVIII и XIX вв. сербы составляли большинство населения в Боснии и Герцеговине, принадлежавшей до Берлинского конгресса 1878 г. Османской империи, а затем оккупированной Австро-Венгрией (в 1908 г. — аннексированной), и на территории Косова и Метохии (Старой Сербии), бывшей в Средние века центром сербской государственности. Все это уже на ранних этапах выдвинуло на международную арену сербский национальный вопрос, который стал объективно одним из факторов Восточного вопроса, вокруг которого вращалась европейская политика того времени.

Национальные проблемы резко обострились на Балканах в начале XX в. Возникшие на Балканском полуострове при огромной помощи со стороны России молодые национальные государства — Сербия и Греция, Болгария и Румыния, а также Черногория уже не собирались мириться с тем, что населенные их народами территории оставались еще под османским господством. Одновременно оживились национальные движения славянских народов Австро-Венгрии. Возникшая в югославянских землях Габсбургской монархии Хорватско-сербская коалиция, в которую входил ряд политических партий, в 1906 г. получила на выборах большинство в хорватском саборе. Аннексия Австро-Венгрией в 1908 г. Боснии и Герцеговины усилила политическую борьбу. В повестку дня стал вопрос о преобразовании монархии на основах триализма. Ответом австрийских властей стали попытки подавить деятельность оппозиционных партий хорватов и сербов путем фальсифицированных судебных процессов с обвинениями в государственной измене. Наиболее известным стал так называемый процесс Фридьонга в декабре 1909 г. и названный так по имени австрийского историка-публициста, опубликовавшего провокационные статьи с ложными обвинениями в адрес руководства Хорватско-сербской коалиции (особенно одного из ее лидеров — Ф. Супило) в сговоре с сербским правительством с целью отрыва югославянских земель от монархии и образования единого государства. Следствием этих действий стало возникновение на международной арене югославянского вопроса среди других проблем европейской политики.

Цепь кровавых событий на Балканах началась с Балканских войн 1912—1913 гг. Каждая из балканских стран стремилась завершить процесс национального объединения, причем их интересы часто были несовместимы. Сербия неизменно находилась в центре всех этих событий. Они стали прологом Первой мировой войны, изменившей лицо не только Европы, но и всего мира. Именно к этому периоду относится появление в публицистике, а затем и

в политическом лексиконе определения Балкан как «порохового погреба Европы». События того времени были изучены и описаны по горячим следам международной комиссией ученых, организованной американским Фондом Карнеги. Объемный труд комиссии, добрая половина которого принадлежала перу П. Н. Милукова, был завершен ранней весной 1914 г., а опубликован в самом начале Первой мировой войны. Это обстоятельство не дало ему войти своевременно в научный и политический оборот. Между тем в нем дан не только серьезный анализ причин войны и хода военных действий, но и сопровождавшего их взрыву националистических настроений, шовинизма, преступлений против гражданского населения, а также явлений, которые много десятилетий спустя получили название «этнических чисток». Наблюдатели были шокированы, ибо Европа уже успела позабыть о своей средневековой истории. Когда же после Первой мировой войны те же явления проявились в самих европейских странах, заговорили о «балканизации Европы». В данном случае Балканы были оболганы. Просто они стали местом, где явления Нового времени проявились до того, как они охватили «цивилизованные страны». Просто Балканы на несколько лет опередили Европу. С тех пор они не раз становились как бы своеобразной политической лабораторией, чуть-чуть опережавшей свое время. Балканские войны породили национальное соперничество, а также посеяли семена ксенофобии, которые дали зловещие всходы позднее, уже в ходе Первой и Второй мировых войн.

Существует расхожее мнение, будто Первая мировая война началась на Балканах, а Россия вступила в нее из-за Сербии. С внешней стороны факты как будто подтверждают такие суждения. Действительно, поводом для начала военных действий Австро-Венгрии против Сербии стало убийство в июне 1914 г. в Сараево престолонаследника Франца-Фердинанда, а затем Россия объявила мобилизацию: в стране были широко распространены чувства симпатии к сербскому народу. Однако между поводом и причиной — дистанция огромного размера. Как можно упускать из виду, что к тому времени на европейском континенте сложилось два противостоявших друг другу военно-политических блока — Тройственный союз и Антанта? Исследования последнего времени, особенно профессора Ф.Фишера и возглавляемой им школы немецких историков, на ставших доступными документах убедительно показали, что инициатором развязывания войны стала кайзеровская Германия, стремившаяся к достижению статуса мировой державы. Она исходила из той оценки развития событий, что время работает против Тройственного союза. Входящая в него Австро-Венгрия слабела, тогда как входящая в Антанту Россия быстро развивалась. Прогнозы показывали, что уже в скором времени чаша весов будет склоняться в сторону Антанты. Отсюда — необходимость превентивных мер. Они виделись в

скорейшем развязывании войны, чтобы пресечь неблагоприятные тенденции. Так возникла «балканская калькуляция», исходившая из постулата, что если повод к войне возникнет на Балканах, то существуют шансы расколоть Антанту, используя имевшиеся между входившими в нее державами противоречия на Балканах. К тому времени отношения между Австро-Венгрией и Сербией достигли уже стадии «холодной войны», так что за поводом дело не встанет. И он пришел в виде сараевского покушения.

Старый марксистско-ленинский тезис, будто в развязывании Первой мировой войны повинны все империалистические государства, не выдерживает критики. Однако даже в рамках этой системы взглядом война Сербии с самого начала была оборонительной и справедливой. Она боролась против врага, во много раз более сильного и лучше технически оснащенного. В течение года с лишним отбивала она все атаки и сама переходила в наступление, чтобы вернуть утраченные территории. Так продолжалось до осени 1915 г., когда войска Болгарии, вступившей в войну на стороне Тройственного союза, ударили в тыл сербской армии. Началось ее длительное отступление через горы к Адриатическому морю и эвакуация на остров Корфу (Сербская Голгофа). Страна была оккупирована австро-венгерскими войсками. Оккупационный режим проводил политику геноцида против сербского населения, причем не только на ее государственной территории, но и на территории Боснии и Герцеговины и в Косово, положив начало демографическим изменениям, менявшим этнический состав этих земель. Военные потери, массовые эпидемии и голод вели к огромным потерям. Сербская армия продолжила борьбу на Салоникском фронте. Отсюда она осенью 1918 г. начала вместе с союзными войсками наступление, приведшее к освобождению страны и к победе. Хотя Сербия вышла из войны победителем, сербский народ понес, по-видимому, самые большие (в процентном отношении) потери из всех, участвовавших в войне.

В годы войны в югославянских землях проходил процесс, получивший название национальной революции. Этот процесс завершился сразу же после окончания войны созданием 1 декабря 1918 г. нового государства — Королевства сербов, хорватов и словенцев. Решение о вхождении в это государство было принято законодательными собраниями и местными народными вече всех вошедших в него земель. Была ли Югославия (так называли эту страну с самого начала неофициально, а с 1929 г. — официально) искусственным государством? Такой вопрос ставился вначале в публицистике, а затем и в ряде исторических работ, публиковавшихся в новых государственных образованиях, возникших после 1991 г. Ответ на него носил густой налет политического заказа и националистической мотивации. «Исторической ошибкой» называли создание Югославии некоторые хорватские историки. Близки по смыслу были и оценки ряда историков Словении. Но тогда

надо признать «историческими недоумками» тех их политических деятелей, которые поддержали образование этого государства, например, А. Трумбича или А. Корошеца, хотя они оцениваются в нынешних трудах весьма положительно. Для каждого из народов, вошедших в Югославию, ее создание принесло ряд позитивных последствий. Словенские земли (за исключением Каринтии [Корушки] и некоторых других районов) освободились от многовекового немецкого господства и получили возможность развивать свою культуру. Вместе с хорватскими землями они избежали опасности подпасть под иностранную оккупацию (в то время им угрожала Италия). Сербские земли оказались в рамках единого государства. В югославских границах нашел решение сербский национальный вопрос. История показала, что другого решения просто не существовало.

Другое дело, что в новом государстве утвердилась централистская модель во главе с сербской королевской династией. Она не учитывала особенностей исторического развития и политического положения всех входивших в него народов и регионов. Национальный вопрос стал доминирующим в жизни страны в течение всего межвоенного периода. В самый канун Второй мировой войны (август 1939 г.) был сделан первый шаг на пути федерализации страны была образована «Хорватская бановина», объединившая все хорватские земли. В рамках одной административной единицы оказались также все словенские земли, реально пользовавшиеся автономией без официально утвержденного статуса. Однако война не дала возможности развиваться этой тенденции, и о ней приходится судить априорно, в условном наклонении.

Гитлеровская агрессия в апреле 1941 г. положила конец «первой Югославии». Нацисты установили на югославских землях террористический оккупационный режим. С самого начала они взяли курс на искоренение югославской государственности. Территория страны была расчленена на девять частей с сознательным нарушением их экономических, этнических и культурных связей. Оккупанты делали ставку на разжигание национальных противоречий при культивировании антисербского шовинизма. Главным инструментом такой политики должно было стать так называемое «Независимое Государство Хорватия» (НГХ), а несколько позднее к ней присоединилась «Великая Албания».

Средневековые алхимики верили в возможность химическим путем получить в колбе живое существо — гомункулус, а фантасты многократно описывали в своих произведениях — страшилках злобных карликов-гомункулусов, способных на чудовищные злодеяния. Таким политическим гомункулусом, созданным в нацистской реторте, стало «Независимое Государство Хорватия». Во главе этого марионеточного образования нацисты поставили хорватских фашистов-ушастей. История Европы в годы войны —

это бесчисленное количество преступлений, массовые зверства фашистов, уничтожение людей в лагерях смерти, расстрелы мирного населения. Но даже на этом фоне НГХ выделялось садизмом и бесчеловечностью установленного там режима. В это марионеточное «государство» помимо «Хорватской бановины» были включены территории Боснии и Герцеговины, а также Санджака. Оно охватило примерно 40% территории и населения довоенной Югославии, причем сербы составляли треть его населения (из 6,3 млн. чел.). За короткий срок на его территории было создано 24 концентрационных лагеря, превратившихся в инструмент массового уничтожения людей. Особенно страшным был лагерь в Ясеноваце, который стоит в одном ряду с такими чудовищными лагерями смерти, как Майданек, Освенцим, Бухенвальд. В Ясеноваце было истреблено почти 700 тыс. человек — главным образом сербов, евреев и цыган. Практика геноцида сербского населения получила благословение самого Гитлера, который летом 1941 г. дал усташам совет «в течение 50 лет проводить политику национальной нетерпимости». Совет был подхвачен с энтузиазмом. Наряду с лагерями смерти усташаи принялись с помощью католического клира рьяно принуждать сербов к переходу в католичество, применяя в качестве основного аргумента массовые расстрелы населения.

Ответом на усташский геноцид и террор оккупантов стало начало вооруженного восстания, принявшего вскоре характер национально-освободительной борьбы, которую возглавили коммунисты. Первыми поднялись на борьбу населенные сербами районы Лики и Кордуна в Хорватии. В борьбе приняли участие все народы Югославии, она охватила всю страну, все ее регионы. Ее история хорошо известна. Освобождение территории страны от оккупантов и их пособников проходило при участии сил Советской Армии, которая в совместной с югославскими партизанскими силами операции осенью 1944 г. освободила Белград и восточную часть страны. Приняв, особенно на заключительном этапе войны, характер народной революции, национально-освободительная борьба привела к установлению коммунистического режима, а также к восстановлению единства страны, но уже на иных, федеративных началах.

«Вторая Югославия», как называют сейчас возрожденную после Второй мировой войны страну, с самого начала строилась как федеративное государство по советскому образцу, исходя из постулатов ленинско-сталинской национальной политики. Было создано шесть республик — Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Черногория, Македония и Сербия, причем только в составе Сербии имелись две автономные области — Косово и Метохия (Космет) и Воеводина. Административные границы между республиками проводились бюрократическим путем. Никаких опросов населения не было. В адрес установившегося режима в Югославии можно ска-

зять все слова критики, что и в адрес любой другой коммунистической страны. Но одного нельзя отрицать: он сделал все возможное для сглаживания национальной розни, посеянной и усиленно раздувавшейся оккупационными властями и их марионетками в годы войны. Первые 15-20 лет истории «второй Югославии» прошли под лозунгом «братства и единства».

Последующее возрождение и оживление национализма в Югославии связано уже с особенностями развития коммунистического строя, с его социальной структурой, с пороками его теоретических конструкций и политической практикой. Национально-территориальное размежевание республик и автономных областей привело к появлению в них этнобюрократических кланов. Однотипные явления, порожденные одинаковой практикой, проявились как в Югославии, так и в Советском Союзе. Однако в Югославии, вставшей на путь построения своей модели социализма («самоуправляющийся социализм») и децентрализации государственной власти они проявились в политической жизни даже раньше. Бюрократический централизм был спущен с федерального уровня на республиканский. Национальная партократия вела себя в «своих» республиках как в мононациональных государственных образованиях, оттирая на второй план представителей других этносов. С середины 60-х гг. XX в. страна вступила в полосу нарастающих национальных противоречий. Они особенно остро проявились в 1971 г. в Хорватии, вызвав политический кризис. Аналогичные процессы набирали силу и в других регионах (например, в Косово с конца 60-х гг., где впервые был выдвинут националистический лозунг «этнически чистого» края). С начала 80-х гг. начался государственный кризис, в ряде республик стали нарастать сепаратистские настроения.

Для сербов, помимо «косовского комплекса» (практики сознательного выдавливания сербов с территории края, которая некогда была колыбелью сербской государственности), было характерно широко распространенное убеждение, что во «второй Югославии» коммунистический режим сознательно стремился расчленив сербский народ, растащить населявшиеся им территории по разным республикам и областям. Острой критике такая политика подверглась в проекте меморандума Сербской академии наук и искусств. Этот проект не был закончен и никогда официально не обсуждался и не был принят даже за основу. Однако содержание его неоконченного текста было выкрадено и опубликовано в 1986 г., вызвав ожесточенные нападки как со стороны официальных органов Сербии, так и других республик, особенно Хорватии.

«Бархатные революции» 1989 г. в ряде стран Восточной Европы, события «перестройки» в Советском Союзе и его распад в 1991 г. — все это оказало самое непосредственное влияние на судьбу югославского государства, где практически одновременно с ними проходили аналогичные процессы.

Они подверглись анализу и освещению в многочисленных трудах, хотя трактовки в них содержатся разные. Отметим только, что распад Югославии сопровождался этногражданскими конфликтами, ставшими особенно кровопролитными на территории Боснии и Герцеговины. В данном случае следует особо подчеркнуть, в Югославии эти события проходили при прямом вмешательстве в ее внутренние дела из-за рубежа, причем это вмешательство сразу же приняло антисербский характер. Прежние республики были признаны независимыми государствами, а установленные коммунистическим режимом по своему усмотрению административные границы внутри федерации оказались государственными, причем они были гарантированы как неприкосновенные «мировым сообществом», а точнее, западными странами.

Еще в 1992 г., после распада страны, Сербия и Черногория, сохранившие федеративные отношения, образовали Союзную Республику Югославию (СРЮ). Распад прежней югославской федерации означал объективно появление вновь (реставрацию!) сербского национального вопроса, ибо сербский народ снова оказался разделенным. Западные государства (прежде всего страны НАТО) встали на путь дискриминации СРЮ (конкретнее — Сербии), введя против нее экономические и политические санкции и добиваясь (как некогда Австро-Венгрия!) установления контроля за ее внутренней и внешней политикой.

Этапы этой политики известны. Вскоре после Дейтонского диктата (декабрь 1995 г.), завершавшего долгий период этногражданских конфликтов на территории Боснии и Герцеговины и превращавшего ее в протекторат НАТО, последовала новая волна нажима на СРЮ. Эскалация требований завершилась в марте 1999 г. прямой агрессией НАТО против Сербии, территория которой 78 дней подвергалась «гуманитарным бомбардировкам». В ходе этих действий были попорчены все нормы международного права. Принятая 14 декабря 1974 г. Генеральной ассамблеей ООН резолюция, содержащая определение агрессии, оказалась нарушенной во всех ее пунктах. Косово было оккупировано войсками НАТО и выведено из-под контроля сербского правительства. Вслед за этим были предприняты усилия по свержению прежнего правительства. В октябре 2000 г. к власти пришли новые силы, вначале устраивавшие Запад. Однако вскоре нажим на СРЮ был возобновлен. Были предприняты попытки подорвать союзные отношения между Сербией и Черногорией. Они завершились (при участии НАТО) подписанием нового договора об отношениях между двумя странами, а их новое объединение получило название «Сербия и Черногория» (СиЧ). Имя «Югославия», бывшее в употреблении 85 лет, ушло в историю. Сама же Сербия оказалась зажатой в границах, примерно соответствующих состоянию, существовавшему в начале XX в., до Балканских войн.

Действиями НАТО на Балканах была создана и существует кризисная зона, получившая в кабинетах брюссельской бюрократии наименование «Западные Балканы», под которой подразумевается территория бывшей Югославии «минус Словения и плюс Албания». Кризисное состояние подерживается существованием здесь трех национальных проблем — сербской, албанской и македонской. Каждая из них имеет свою историю и особенности, а также перспективы развития. Как будет решен сербский вопрос на этом последнем этапе? Эта задача стоит ныне перед правительством и страной. К такому итогу пришло Сербское государство к своему 200-летию...

Однако жизнь продолжается. История еще скажет свое слово.

Вторая мировая война и славянские народы¹ **(некоторые размышления в связи с 50-летием Победы)**

Торжества, связанные с 50-летием победы над фашизмом, прошли по всей Европе — в Лондоне и Париже, Берлине и Варшаве, в других столицах и, конечно, в Москве — столице государства, вынесшего основную тяжесть борьбы против гитлеровской Германии. Повсюду празднества отличались национальным колоритом, подчеркивали культурные особенности той или иной страны, отражали ее политическое и историческое своеобразие. Торжества отгремели, и сейчас самое время подумать о прошлом, сквозь его призму оценить настоящее, с позиций настоящего заглянуть в будущее. Без таких раздумий юбилей бессмысленны. Выводы же из них неизбежно будут неоднозначными.

О войне в связи с 50-летием ее окончания много писали, оценивая итоги мерками отдельной страны, масштабами истории Европы, истории мира. Каждый из этих ракурсов имеет право на существование. Но для нас не просто интересно, но и поучительно глянуть на события той эпохи под своим углом зрения, оценить ее роль в истории славянских народов. Такая оценка предполагает в первую очередь рассмотрение ее роли для судеб крупнейшего славянского государства — России, которое даже в нынешнем усеченном виде представляет половину всего славянства.

Именно в Отечестве накопилось наибольшее число мифологических представлений, с которыми мы живем по сей день и само существование которых будет мешать нам в будущем. Они тем более опасны, что перемешаны с правдой, и тем изощреннее искажают общественное сознание.

Нынешний юбилей отличался разительным контрастом между величием Победы и плачевным состоянием страны-победительницы.

Действительно, чем дальше уводит нас время от Великой Отечественной войны, тем полнее раскрывается величие подвига, совершенного нашим народом. Правильность этой мысли, впервые высказанной поэтом Сергеем Наровчатовым, с одной стороны, подтвердили своим присутствием на торжествах в Москве 51 зарубежная делегация, 33 президента, 10 премьер-министров, другие почетные гости, Генеральный секретарь ООН Б. Бутрос-

---

¹ Опубликовано в кн: «В.К.Волков. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., Индрик. 2000. С. 329 – 336.

Гали сочли своим долгом выразить признательность народам тем, кто сломал хребет общему врагу.

А с другой стороны: где та держава, которая одержала столь блистательную победу? Ее больше нет. На ее прежней территории существуют теперь независимые государства, переживающие глубокие экономический, политический, морально-психологический и иные виды кризиса. Правопремница СССР — нынешняя Российская Федерация — занимает теперь совсем иное, чем Советский Союз, положение на геополитической карте мира.

Мы привыкли говорить, что День Победы — это праздник «со слезами на глазах». Но слезы тоже бывают разные, и теперь мы уже знаем всю гамму их привкуса. Сегодня в них особенно ощутима та горечь, которая является спутником щемящего чувства утраты. Так что же мы потеряли? Ответ на этот, казалось бы, незамысловатый вопрос будет не так уж прост. В интересах анализа вопрос необходимо разложить на ряд составных частей. И в этот юбилей, как никогда раньше, на них даются разные ответы, о них спорят, и за этими спорами видны разные политические лагеря, взаимоисключающие друг друга идейные ориентации.

Прежде всего: какой праздник мы отмечали — День Победы или день окончания Второй мировой войны? За нарочито стертой формулировкой скрываются глубокие различия во взглядах и оценках. Юбилей Победы принадлежит борцам против фашизма, тем, кто воевал против нацистской Германии, против гитлеровского блока. День окончания войны отмечали те, кто хотел бы уравнивать борцов против фашизма с коллаборационистами. Такие попытки, как правило, стараются прикрыть националистическими знаменами. На территории бывшего СССР мы видели их в Прибалтике, на Западной Украине. Вряд ли кого убедят усилия поставить в один ряд оставшихся в живых солдат и офицеров дивизии СС «Галичина», переименованной задним числом в 1-ю дивизию УПА, с ветеранами Отечественной войны. Они по сей день на разных сторонах баррикады.

По ту же сторону невольны оказались и те, кто не жалеет усилий, чтобы уравнивать фашистский режим с коммунистическим, поставить знак равенства между гитлеризмом и сталинизмом, Гитлером и Сталиным. Каждому из этих кровавых диктаторов история воздала свое. И все же доктрина об избранной нации, расе господ, доктрина борьбы за мировое господство — нечто совсем другое, чем утопическое учение о создании справедливого общества в течение жизни одного поколения, мечты о мировой социалистической революции, о равенстве и братстве всех народов. В этом случае история лишней раз показала, что добрые намерения вкуче с попытками вершить «большой скачок» мстят дорогу в ад.

Здесь мы переходим к другой группе вопросов: кто победил в этой войне? каковы факторы победы? В течение долгих десятилетий с завидным

упорством и постоянством официальная коммунистическая пропаганда твердила: победил советский общественный строй, мудрая политика коммунистической партии — вдохновителя и организатора победы, превосходство экономики и идеологии социализма. Этот пропагандистский штамп создал еще Сталин в своей речи 8 февраля 1946 г. Повторил его в своей речи к 40-летию Победы М.С.Горбачев. «Наш общественный строй непобедим, его жизненные силы неисчерпаемы», — заверяли нас и старались убедить, что именно мы прокладываем путь всему человечеству в светлое будущее.

В 50-летний юбилей Победы мы ясно видим, что коммунистический режим оказался историческим банкротом. Что привело к развалу страны? Те же самые факторы: советский строй, руководящая роль компартии, экономика и идеология социализма, которые завели страну и ее народы в цивилизационный тупик. И это произошло в мирное время, что называется — на ровном месте. Советский строй проявил свою полную неспособность к реформам, к развитию, все более наглядно раскрывая свою истинную суть как авторитарная форма правления, смягчаемая только разгильдяйством. Колхозная система заставила закупать хлеб в мирное время за рубежом за нефtedоллары, демонстрируя неэффеkтивность идеологического сельского хозяйства. Монстр военно-промышленного комплекса иссушал экономику страны, съедал благосостояние народа. Национальная политика привела к развитию этнократических кланов, которые разодрали страну по швам, искусственно созданным самим коммунистическим режимом. Все это необходимо учитывать при анализе исторических фактов, освобождаясь от пропагандистских клише.

Одним из таких клише был упор на факт окончательной победы. О поражениях начального периода войны говорить не любили. Всѐ пытались списать на фактор внезапности нападения. Этот миф сейчас развеян. Но как объяснить столь чудовищные поражения, каких наша страна, наша армия не терпели со времен монголо-татарского нашествия? Конечно, были грубейшие просчеты командования, в первую очередь политические просчеты самого Сталина. Но в них ли только дело? До сих пор наша историческая наука не смогла раскрыть и показать главную, на мой взгляд, причину. Германское нападение на Советский Союз прорвало давно назревавший гнойник, вызвало глубокий морально-политический кризис в стране. В нем суммировались и отразились все эксцессы коммунистического режима: насильственная и бесчеловечная коллективизация, сталинский «большой террор» и репрессии 1936-1938 гг., уничтожение военных кадров, промышленных руководителей, интеллигенции. В первые месяцы войны в германском плену оказались почти 4 млн. солдат и офицеров. Только военными причинами эту цифру не объяснить. Кризис был преодолен не без помощи врага: он никому не оставил выбора. Сопrotивление нашествию росло по мере того, как ста-

новилась предельно ясной целью нацистов: уничтожение Советского Союза как государства, не только порабощение, но и физическое уничтожение едва ли не всех народов страны, особенно русского. Народный инстинкт чутко уловил и правильно оценил степень угрозы. С такой чудовищной опасностью народ столкнулся впервые в своей истории.

За что сражался народ? За свое существование, против угрозы фашистского порабощения и уничтожения. Это не литературная метафора. Сохранившиеся нацистские документы раскрывают апокалиптическую картину «нового порядка», который должен был воцариться, если бы Гитлер выиграл войну. Впрочем, нацисты приступили к осуществлению своих замыслов уже в ходе войны. Широко известны нацистские планы и практика уничтожения евреев, так называемый Холокост, или, по нацистской терминологии, «Endlösung» — «окончательное решение» еврейского вопроса. Менее известен общественности так называемый «Генеральный план „Ост“», предусматривавший очищение от славянских народов Восточной Европы, чтобы предоставить германской расе господ «жизненное пространство». Он предусматривал частично уничтожение, частично переселение подавляющего большинства поляков, белорусов, украинцев и русских за Урал, в Сибирь и превращение оставшихся в бессловесную крепостную рабочую силу. Аналогичные планы разрабатывались по отношению к чехам, а также ряду югославских территорий. Созданный нацистами чудовищный механизм массового уничтожения людей должен был обеспечить реализацию «другого Холокоста», многократно превосходящего первый. Нацисты доказали на деле, что они готовы были осуществить эти людоедские планы. Славянские народы избежали этой гигантской «этнической чистки» благодаря разгрому гитлеровской Германии. В войне против нацизма русский народ и другие славянские народы сражались в буквальном смысле слова за право на существование. Во имя этой цели они шли на жертвы, совершали подвиги.

Большевистское руководство быстро смекнуло, что выиграть войну оно сможет только под флагом защиты Отечества. Обратилось оно и к идеям славянского единства в борьбе против общего врага. Уже 10-11 августа 1941 г. в Москве состоялся первый Всеславянский митинг, призвавший все славянские народы выступить на священную войну против гитлеризма. Это была не выдуманная угроза. Коммунистический режим умело использовал народный патриотизм, национальные чувства в своих интересах. Народ защищал свободу и независимость своей Родины. Режим спасал себя. И он сознательно постарался идеологически истолковать сложившуюся ситуацию в своем духе. Так рождался миф о «единстве партии и народа». Наиболее ярким его проявлением стал лозунг «За Родину, за Сталина». И не вина тех солдат, что шли в бой с этим кличем на устах, свято веря в него. В нем отра-

зились вся сложность, противоречивость, трагизм положения и истории страны. И не только в тот период. Имелись и более глубокие основания.

Еще Салтыков-Щедрин предостерегал россиян: не путайте Родину с начальством. Надо признать, предпосылки такого смешения заложены в нашей национальной психологии (справедливости ради надо сказать — не только в нашей). И они не раз использовались разными режимами (вспомним хотя бы «Жизнь за царя»). Логика правителей была проста: любишь Родину — полюбишь и начальство. Но понимание этого обстоятельства не дает нам никакого основания подвергать сомнению или девальвировать величие народного подвига, чистоту патриотического источника.

К сожалению, 50-летний юбилей Победы послужил поводом для столкновения двух течений общественного мнения — патриотического и национально-нигилистического. Это, так сказать, две стороны одной медали. В сегодняшних условиях именно для второго направления характерно смешение «Родины с начальством», но в ином порядке. Это течение представлено у нас частью самозванных демократов. Стремясь уязвить «начальство» (и порою не без причин), они заодно порочат и Отчество, занимаются, что называется, «осквернением гнезда». Это с их нелегкой руки в определенных кругах стало признаком их «хорошего тона» скептически отзываться о войне и о победе, с каким-то необыкновенным легкомыслием говорить о героизме и патриотизме. У них уже выработался свой набор штампов и словесных оборотов, по которым их легко распознать. Для них распад страны в 1991 г. — исторически обусловленная неизбежность, а не трагическое стечение обстоятельств посткоммунистического мира; Советский Союз они расценивают как «последнюю империю», как бы не замечая, что это было государственное образование совсем иного рода. С таких позиций празднование 50-летия Победы для них — «тоталитарное наследие», «призрачный повод», «имперские амбиции», «неодержавность». Любое отступление от их точки зрения они третируют как «привычный туман из смеси патриотизма и величия»¹. На их взглядах лежит печать нетерпимости, столь хорошо знакомая историкам России по манере поведения в прошлом народников, а несколько позднее — большевиков. Однако эмоции не могут заменить аргументации.

В юбилейных речах, выступлениях, статьях осталась почти незамеченной проблема, которую было бы особенно уместно поставить именно в связи с 50-летием Победы. Временная дистанция дает возможность задуматься над вопросами: какое место занимает Вторая мировая война в событиях XX в., в истории славянства и в истории России? есть ли какая-то логика в тех трех войнах, которые сотрясли человечество — в Первой мировой, Второй мировой и «холодной войне»? что это было: столкновение коалиций, формаций, цивилизаций? что их роднило и что различало?

Если протянуть отдельные линии, заметны глубинные связи между Первой и Второй мировыми войнами. В обоих случаях главным противником России являлась Германия. И германские военные цели на Востоке Европы были наиболее экстремистскими. На больших временных отрезках четче прослеживаются, например, антиславянские германские установки. К сожалению, наша историография, увлекавшаяся общим разоблачением империализма, не донесла до народного сознания ранние германские антиславянские концепции, провокационность лозунгов о мнимой панславистской угрозе, стремление идеологически обосновать еще в годы Первой мировой войны неизбежность столкновения славянского мира с германским. Так что совсем не случайно в годы Второй мировой войны над славянскими народами нависла опасность физического уничтожения. Это не отдельный изолированный эпизод.

Первую и Вторую мировую войны связывает общность геополитической раскладки сил. Глубинные закономерности, несмотря на драматические зигзаги начального периода Второй мировой войны, все же пробились на поверхность. Достаточно посмотреть на сходство состава Антанты с участниками антигитлеровской коалиции. Такое сходство, временами почти тождество, дает основание говорить даже о «новом издании Тридцатилетней войны», где Первая и Вторая мировые войны были как бы ее началом и завершением с 20-летним периодом недолговечного перемирия. Подобный взгляд имеет право на существование. Он подкрепляется еще одной особенностью, роднящей Первую и Вторую мировые войны: обе они разразились и велись главным образом в рамках европейской цивилизации, причем разлом этой цивилизации на западную и восточную части, прошедший как раз по славянскому миру и о котором сейчас так любят поговорить некоторые политологи и философы, не имел в этих конфликтах сколько-нибудь существенного значения.

Наконец, в обеих мировых войнах славянские народы играли самую активную роль. Они же понесли, особенно в годы Второй мировой войны, самые тяжелые потери. Помимо славянских народов СССР, русских, украинцев и белорусов, погибло больше всего поляков и представителей югославенства. Память о них священна.

Послевоенный период составил особый этап в развитии всех славянских народов. Все они без исключения стали объектом социального эксперимента, именуемого «социализм». Эксперимент завершился крахом. Это не могло не сказаться на судьбах славянских народов, на их отношениях между собой. Все они вошли в посткоммунистический мир с тяжелыми «родовыми» травмами, разбежались по «национальным квартирам». Особенно трудным оказалось положение народов, входивших в многонациональные государства. На территории СФРЮ этот распад вылился в этногражданскую войну. Трагедия юго-

славских народов, в которую они оказались втянутыми своими же этнократическими кланами, возникшими на заключительном этапе существования коммунистического режима, — открытая рана на теле славянства. Распался и Советский Союз. Все же созданное на его месте Содружество Независимых Государств, несмотря на все его несовершенство, позволило избежать здесь развития событий по югославскому сценарию. Произошел, наконец, «бракоразводный процесс» между чехами и словаками.

Есть ли в этих событиях какая-то связь с предшествующими эпохами? Да, она наблюдается, хотя только-только начинает осознаваться нами. Приведу только один пример. Возьмите границы нынешней Российской Федерации и сравните их с теми границами, которые были навязаны кайзеровской Германией большевистскому правительству 3 марта 1918 г. по Брестскому миру. Что вы увидите? Это те же самые границы, только измененные в отдельных местах в ущерб России. Тогда даже Ленин счел уместным расценить Брестский мир как «похабный». Ныне эмоциональные оценки отсутствуют. Однако материал для размышлений остается. Коварство истории налицо.

Тем более важно подчеркнуть сейчас, что идеи «славянской взаимности», сотрудничества славянских народов не утратили своего значения, своего творческого потенциала. Оглядываясь назад, можно сказать, что эти идеи, зародившись в XIX в., не смогли полностью проявить себя в XX ст. В значительной мере вина за такое положение лежит на нашей стране. Развитие «славянской взаимности» было вначале пресечено Октябрьской революцией. Долгие годы эти идеи преследовались как проявление идеологии, чуждой коммунистической. Гитлеровская агрессия заставила вспомнить о них вновь, но начавшееся движение было затем использовано коммунистическими партиями в своих корыстных интересах, в интересах захвата и удержания власти, а потом и вовсе подменено идеями пролетарского интернационализма, трактуемого также корыстно и в зависимости от обстоятельств. Уместно отметить, что идеи «славянской взаимности» не дают ни одному народу никаких дополнительных прав. Но на тех, кто разделяет эти идеи, они возлагают обязанность предельно чутко, в полном смысле слова по-братски, строить свои отношения с другими народами, уважать их стремления и потребности, искать согласия и взаимопонимания.

Эйфория народов, вырвавшихся из «„социалистического лагеря" строгого режима», была понятна и оправданна. Но она подходит к концу. Трезвый анализ показывает любому непредубежденному человеку, что праздник возвращения в «европейский дом», так и не наступивший, вытеснен деловыми буднями. Каждый славянский народ испытывает значительные трудности и экономического, и политического, и идеологического порядка. Многие из них можно разрешить на путях взаимного сотрудничества. Понимание такой необходимости начинает проникать в сознание народов. Будем надеяться, что

наступающий XXI век станет свидетелем расцвета идей «славянской взаимности», а главное — соответствующих дел, соответствующей политики.

Время разбрасывать камни прошло. Пришло время собирать камни.

Примечания

1. Эти словесные штампы взяты из статьи: *Афанасьев Ю.* Другая война: Послесловие к торжествам по случаю 50-летия Победы // Известия. 1995. 17 мая.

Балканы

в системе геополитических интересов России

Югославский кризис стал катализатором в процессе осмысления российским общественным мнением и различными политическими силами своих национально-государственных интересов в новой исторической обстановке **Что есть Россия? Каково ее место на мировой арене? Кто ее друзья и возможные союзники в новой системе международных отношений, которая складывается ныне?** Эти и многие другие вопросы выдвинулись в разряд первоочередных и требую г своего ответа

Сложившаяся ныне геополитическая ситуация не имеет аналогов в истории. Некоторые черты унаследованы, естественно, от предыдущих эпох. Она строится на глобальной стратегии, окончательно вытеснившей после Второй мировой войны былой европоцентризм. Сохраняет значение при оценке баланса сил космический компонент с его ракетно-ядерными комплексами, что резко ограничивает число активных участников системы на центросиловом уровне. Набирает вес экологический фактор как неотъемлемая часть современного развития человечества. **И все же уникальность возникшей ныне геополитической модели мира заключается в ее однополярности**, что резко контрастирует со всеми предшествовавшими эпохами, когда равновесие сил строилось либо на основе «европейского концерта», либо поддерживалось в условиях биполярности. **Утрата равновесия указывает на переходный характер сложившейся модели.** Но даже ее временное существование ведет к серьезным деформациям во всей системе международных отношений, придает переживаемому сейчас периоду особую неустойчивость и создает повышенный риск возникновения конфликтов.

Югославский кризис вобрал в себя наиболее характерные черты, огличающие суть происходящих перемен. Одновременно Балканы превратились в геополитический регион повышенного значения.

Немного истории

На протяжении своей истории Россия была самым тесным образом связана с Балканами. Отсюда, из Византии, более чем 1100 лет тому назад на Древнюю Русь пришло христианство. Здесь зародилась славянская письменность, связанная с именами солунских братьев — Кирилла и Мефодия.

Церковнославянский язык остается и сегодня общим языком богослужения у всех православных славянских народов.

Живые культурные и политические связи России с балканскими народами были ослаблены после взятия турками Константинополя (1453 г.) и покорения балканских государств, однако с конца XVII — начала XVIII в. они стали снова набирать силу. На протяжении двух веков имело место девять русско-турецких войн, которые до основания потрясли Османскую Империю. При прямой русской поддержке в XIX в. произошло восстановление государственной независимости балканских народов, находившихся под турецким господством (сербов, греков, румын, болгар). За последние столетия ни одно крупное событие на Балканах не происходило без участия России.

Двадцатый век стал свидетелем новых тенденций на Балканах. Они превратились в объект политической борьбы между военно-политическими блоками: Антантой и Тройственным Союзом — в начале века, НАТО и Организацией Варшавского Договора — во второй половине XX в. Каждая из этих ситуаций имела свои особенности, коренившиеся в особенностях международной обстановки. Различной была и позиция России.

Политику России на Балканах в начале XX в. следует рассматривать в рамках блоковой политики держав Антанты, именно этим объясняется успех инициативы российской дипломатии, содействовавшей образованию Балканского союза в 1912 г. Замысел российской дипломатии, равно как и дипломатии других держав Антанты — Франции и Великобритании, заключался в создании преграды австро-германскому проникновению на Балканы. Ближайшим следствием образования Балканского союза стала война Болгарии, Сербии, Черногории и Греции против Турции, завершившаяся разгромом последней и разделом почти всех ее европейских владений между победителями.

В свою очередь, австро-германский блок приложил максимум усилий для того, чтобы спровоцировать вторую Балканскую войну и побудить Болгарию к военным действиям против своих вчерашних союзников. Усилия австрийской и германской дипломатии имели успех еще и потому, что события показали отсутствие единства у держав Антанты именно в их политике на Балканах. Переплетение противоречий балканских государств между собой с соперничеством великих держав привело к превращению Балкан в «пороховой погреб Европы».

Учитывая европоцентризм тогдашних международных отношений, нет ничего удивительного в том, что именно события на Балканах летом 1914 г. привели к возникновению Первой мировой войны. И главную роль здесь сыграли противоречия между великими державами, в том числе — противоречия между Россией и Германией.

Превращение Балкан в начале XX в. в поле соперничества двух блоков великих держав резко обострило национальные противоречия между балканскими народами, а Первая мировая война повлекла за собой перекройку границ и демографические сдвиги, которые посеяли семена национальной вражды. Версальское мирное урегулирование закрепило новые национально-территориальные сдвиги на Балканах. Важнейшим среди них было образование Югославского государства, что явилось следствием сознательного стремления вошедших в нее народов к объединению. Раздвинулись границы Румынии и Греции. Болгария, потерпевшая вторую национальную катастрофу, была вновь урезана.

После Первой мировой войны, как следствие Октябрьской революции и установления коммунистического режима в стране, влияние России (а точнее — Советского Союза) на Балканах упало до самой нижней точки. С большинством балканских стран до середины 1930-х годов были разорваны дипломатические отношения.

Советская политика по отношению к странам этого региона постоянно колебалась в диапазоне, который определялся, с одной стороны, коммунистическим мессианизмом, а с другой — соображениями национальной безопасности и государственными интересами Советского Союза. В разные периоды преобладала то одна, то другая сторона. В годы Второй мировой войны, особенно на ее заключительном этапе, они слились воедино, что привело к становлению новой концепции советской внешней политики и вылилось в создание такого исторического феномена как «социалистический лагерь» или «содружество социалистических государств».

В годы Второй мировой войны вся территория Балкан была оккупирована фашистскими войсками. Германская оккупационная система сопровождалась стравливанием балканских народов между собой. В созданном оккупантами так называемом Независимом государстве Хорватия проводилась политика геноцида сербского и еврейского населения. Братоубийственная война, казалось, не оставляла перспектив для дальнейшего сожительства югославских народов в рамках одного государства. Вектор развития событий изменила только народно-освободительная борьба под руководством коммунистов. В адрес последовавшего коммунистического режима в Югославии можно отнести все слова критики, что и в адрес любой другой коммунистической страны. Но одного нельзя отрицать: он приложил много сил для преодоления национальной розни. И первые 20-25 лет коммунистического режима в Югославии прошли под лозунгом «братства и единства».

После Второй мировой войны Балканы по-прежнему находились в поле воздействия двух военно-политических блоков — НАТО и Варшавского Договора. В 1960 — 1980-х годах сложившуюся региональную систему ме-

ждународных отношений характеризовали формулой «2+2+2». Она отражала принадлежность двух балканских государств (Болгарии и Румынии) к Организации Варшавского Договора, двух (Греции и Турции) — к НАТО, тогда как Югославия и Албания стояли на позиции неприсоединения и играли роль некоей «серой зоны» в отношениях между двумя блоками. Такая система проявила достаточно большую устойчивость, и более чем 40 лет Балканы не знали военных столкновений. **Это был самый длительный мирный период за всю их историю.**

Что касается Советского Союза, то именно тогда его государственные интересы были обеспечены в наибольшей степени. Балканы не могли быть использованы как плацдарм для нападения на СССР; режим Черноморских проливов строго соблюдался, закрывая проход в акваторию Черного моря военных кораблей нечерноморских стран и в то же время предоставляя выход в Средиземное море советским военным кораблям. Фактически Балканы оказались поделенными на сферы влияния между двумя военно-политическими блоками, каждый из которых имел здесь достаточно прочную опору.

Балканский кризис и современная система международных отношений

Крушение коммунистических режимов в четырех балканских странах, распад Югославии в 1991 г. и практически одновременно — Советского Союза привели к полному изменению геополитического положения Балкан и отношений самих балканских государств между собою. Балканы вновь превратились в нестабильную зону, регион с повышенной конфликтностью. Этногражданская война на территории бывшей Югославии, в Боснии и Герцеговине, являлась эпицентром балканского кризиса, но не единственным его источником. Существуют и другие потенциальные источники напряженности (албанская проблема, македонская проблема, мусульманский фактор и т.д.), которые придают балканскому региону взрывной потенциал, сопоставимый с конфликтной ситуацией на Ближнем Востоке.

Падение коммунистического режима оказало влияние на изменение национально-государственных интересов России. Исчезли все проблемы, связанные с коммунистическим мессианизмом. Ушла в прошлое «холодная война», а вместе с ликвидацией Организации Варшавского Договора исчезла и биполярность мира. Ныне интересы России на Балканах определяются нормальными потребностями государства, заботящегося о своей безопасности и поддержании добрососедских отношений с соседями — ближними и дальними. Россия заинтересована в мирном развитии Балкан, в урегулировании имеющихся здесь конфликтных ситуаций и создании зоны стабильно-

сти. В настоящее время наибольшую непосредственную угрозу представляют этнические конфликты. Здесь интересы России совпадают с интересами других стран СНГ, в первую очередь Украины и Молдавии. Их общие интересы связаны также с соблюдением положений Конвенции в Монтре, которые определяют режим Черноморских проливов и режим Черного моря.

Два обстоятельства объясняют повышенный сегодня интерес российской общественности к проблемам балканского кризиса. **Во-первых**, культурно-цивилизационной близостью России и большинства балканских государств, их принадлежностью к восточнохристианскому православному ареалу. Сюда относятся не только болгары и сербы, македонцы и черногорцы, но также румыны и греки. **Во-вторых**, наличием многих политических параллелей в событиях, послуживших причиной распада многонациональных Советского Союза и Югославии, а также рядом общих следствий.

Все вместе это придает Балканам примерно такое же значение во внешней политике России, какое они занимали, скажем, во второй половине XIX в. Да и позиция ряда европейских держав напоминает расстановку сил времен так называемого «Восточного вопроса», служившего в XIX в. причиной многих кризисов в европейской политике. Однако современная ситуация дополняется совершенно новым явлением: **ныне Балканы стали объектом блоковой политики НАТО, не сдерживаемой никаким противовесом.** Каковы последствия такой ситуации для самих Балкан, для России, для НАТО, для всей системы международных отношений?

В центре балканского кризиса находятся югославские события. Распад Югославии летом 1991 г. создал новую геополитическую ситуацию, в которую оказались втянутыми международные организации, великие европейские державы и США. В результате значение этих событий вышло далеко за региональные и даже европейские рамки.

Хотя распад Югославии был вызван внутренними причинами, внешний фактор сыграл огромную роль в его последующем развитии и придал ему затяжной и односторонний характер. Уже первые сепаратистские действия Словении и Хорватии встретили плохо скрываемое поощрение со стороны различных политических сил на Западе, например итальянских либералов, республиканцев в США. А после одностороннего провозглашения Словенией и Хорватией своей независимости 26 июня 1991 г. в средствах массовой информации Запада была развязана антисербская кампания. Наибольшую активность на этом этапе проявляла Германия, почувствовавшая после объединения свою возросшую силу. Именно германская дипломатия, по общему признанию, несет главную ответственность за преждевременное и юридически не подготовленное признание Словении и Хорватии, что придало югославскому кризису неуправляемый характер. Под ее же давлением 12 государств Европейского Сообщества приняли 17 декабря 1991 г. Декларацию о

критериях признания новых государств в Восточной Европе и на территории бывшего Советского Союза, а также Декларацию о Югославии. Тем самым ЕС, за которым проглядывали контуры НАТО, присвоило себе прерогативы ООН и СБСЕ принимать решения, касающиеся судеб суверенных и независимых государств. Это было крупным нарушением общепризнанных норм международного права, что открыло простор для волюнтаристских действий западных держав и ввело в обиход практику «двойного стандарта» для оценки происходящих событий и поступков участников конфликта.

Влияние Германии в принятии этих решений было столь велико, что побудило многих наблюдателей поставить вопрос: кто же определяет политику НАТО в Европе — Германия или США? Впервые за все время существования НАТО опасения потерять лидерство в этом военно-политическом блоке стимулировали действия американской дипломатии. Она твердо решила взять инициативу в свои руки и потеснить в данном вопросе Германию, не входя, однако, в конфронтацию с нею. Тактически же американская дипломатия как бы продолжила и даже усилила отдельные черты германского курса, ужесточая позицию по отношению к Сербии.

Активизация американской дипломатии в решении югославского кризиса сразу же привела к усилению склонности перейти от политических методов к силовым. В начале 1993 г. новый госсекретарь У. Кристофер выступил с «мирным планом», который походил скорее на «мирный ультиматум». Резко усилился нажим на Союзную Республику Югославию (создана 27 апреля 1992г. Сербией и Черногорией) с целью заставить ее согласиться с проектами урегулирования, дискриминирующими сербскую сторону в Боснии. Под сомнительным предлогом (взрыв на улицах города Сребреница, который, как выяснилось впоследствии, был организован мусульманской стороной с провокационными целями), западные державы провели в апреле 1993 г. через Совет Безопасности ООН резолюцию об ужесточении экономических санкций против СРЮ, хотя она не принимала непосредственного участия в конфликте на территории Боснии. Был поставлен вопрос о военном вмешательстве в югославский кризис в форме нанесения воздушных ударов по позициям боснийских сербов. Результатом стала эскалация конфликта, резкая активизация военных действий со стороны хорватских и мусульманских сил, которые расценили предпринятые меры как «отпущение» их грехов в борьбе с сербской стороной. Наметившееся было политическое урегулирование оказалось сорванным. Возникла угроза выхода конфликта за пределы югославских территорий.

Обострение югославского кризиса весной 1993 г. стало как бы моделью для последующих вспышек такого рода в феврале (так называемый Сараевский кризис) и мае 1994г. (события вокруг г. Горажде). Они обнаружили

наличие своего рода «иракского синдрома» у США и некоторых других стран НАТО, представлений о возможности все перипетии этногражданского конфликта решить путем вооруженной интервенции и в желательном для себя духе.

О собственной политике России в югославском кризисе можно говорить с конца 1991 — начала 1992г., т.е. после распада СССР и прекращения деятельности общесоюзного МИД. Новый курс строился как антитеза прежнему. Во многом он определялся эйфорическими настроениями и ожиданиями тесного сотрудничества с ведущими западными державами, прежде всего с США. Отсюда проистекала готовность подстраиваться под их линию, что сразу же привело к перекосам в оценках событий и ошибкам в практических шагах. Признание Россией в феврале 1992 г. независимости Словении и Хорватии, вслед за западными державами, косвенно как бы подтверждало правомочность деклараций, принятых ЕС. Признание же в апреле 1992г. независимости республики Босния и Герцеговина, мусульманское руководство которой даже не выполнило ни одного из условий, прокламированных ЕС, стало фактически поощрением непримиримой позиции этого руководства. Еще более крупной ошибкой стало участие России в экономических санкциях против СРЮ, не говоря уже об их дальнейшем ужесточении, что придало им характер экономического геноцида.

Эти перекосы и ошибки вызвали внутри страны критику в адрес российского МИД. Она усилилась после выборов в Думу в декабре 1993 г. К тому времени прояснились и многие негативные моменты в политике западноевропейских держав и США. В частности, раскрылась их склонность прибегать к помощи российской дипломатии, чтобы выбраться из тупиков, которые создавались в результате односторонних действий НАТО, как это было после Сараевского кризиса (февраль 1994 г.). В итоге российский курс стал приобретать большую цельность. Он исходил из принципа равной ответственности всех участников югославского конфликта за вооруженные столкновения и «этнические чистки», что воспринималось на Западе как просербская позиция. Был поставлен вопрос о постепенной отмене санкций против СРЮ. Подчеркивалась недопустимость силового решения и необходимость ориентации исключительно на политические средства.

Однако время показало, что западные державы, охотно используя посреднические действия российской дипломатии в затруднительных для них ситуациях, на деле все меньше считались с позицией России. Малая эффективность ее действий объяснялась не только и даже не столько допущенными ею прежде ошибками. Она обнаруживала и делала осязаемым гораздо более значимый и грозный факт: международную изоляцию России, оказавшейся в одиночестве перед лицом военно-политического блока НАТО.

Балканы как геостратегическая ловушка

Балканский кризис ускорил те процессы, которые неизбежно должны были произойти в системе международных отношений. Их суть состоит в замене одной конкретно-исторической модели этой системы (Ялтинско-Потсдамской) на иную, которая пока не получила своего названия. Это сдвиг поистине тектонического масштаба. Такие трансформации раньше начинались в результате крупных военно-политических катаклизмов. Их число можно пересчитать по пальцам. За последние четыре столетия подобная смена происходит пятый раз (после Тридцатилетней войны в Европе и Вестфальского мира 1648 г.; эпохи Наполеоновских войн и Венского конгресса 1815 г.;

Первой мировой войны и системы Версальских договоров 1919-1920 гг.; Второй мировой войны и Ялтинско-Потсдамского урегулирования 1945 г.). Уникальность переживаемой нами ситуации состоит в том, что она происходит эволюционным путем, под влиянием сдвигов, вызванных крушением коммунистических режимов в странах Восточной Европы и СССР.

Встает вопрос: как оценивать источник этих перемен, его причины и характер? За различными трактовками скрываются разные, часто противоположные политические цели. В публицистике нередко можно встретить утверждение, будто крушение коммунистических режимов и распад СССР были вызваны поражением в «холодной войне» («Третьей мировой»). Такие взгляды особенно распространены в странах Западной Европы и в США. Они свидетельствуют не столько об определенном понимании причин произошедших перемен, сколько о корыстном подходе к их последствиям и желании воспользоваться «плодами победы». Настораживает то, что западные страны, в первую очередь военный блок НАТО, во все возрастающей мере действуют в стиле победителей. В политическом плане такая тенденция чрезвычайно опасна. В научном же плане она не выдерживает критики, ибо сводит всю проблему к внешнему фактору.

Разумеется, внешний фактор постоянно оказывал мощное воздействие, но не он был определяющим. Главными же, как всегда, были внутренние причины. Распад коммунистической системы был вызван глубинными противоречиями, заложенными в ней самой. Она проявила свою экономическую неэффективность, тенденцию к застою, неспособность к реформам и стала разлагаться изнутри, как «старый режим» во Франции в конце XVIII в. Можно сказать, что коммунистический строй сгнил изнутри и распался как бы в два приема — в ходе революций 1989 г. в странах Восточной Европы и

в результате событий в СССР, завершившихся в августе 1991 г. неудачным путем и последующим распадом Союза,

Казалось бы, после исчезновения (самороспуска) ОВД, которое произошло уже после констатации окончания «холодной войны», должны были бы последовать соответствующие действия со стороны НАТО, по меньшей мере его трансформация из военного блока в политический. На деле произошло другое. Этот блок продолжил наращивание своего военного потенциала. Более того, он стремится к расширению путем включения в свою орбиту ряда стран Восточной Европы. Его активное подключение к балканскому кризису привело к тому, что блок НАТО впервые применил военную силу за всю историю своего существования, причем на европейской территории и в целях, которые никак нельзя назвать оборонительными. Все это привело к гипертрофии существовавшей однополюсности и деформации сложившейся ранее структуры международных отношений.

Именно в ходе балканского кризиса проявилась деструктивная роль НАТО. В первую очередь она сказалась в резком снижении роли ООН в международных делах. Свое 50-летие эта организация встретила в условиях быстрого падения своего авторитета. Балканские события продемонстрировали, что ООН сдает свои позиции блоку НАТО, который начинает подменять в ряде случаев и Совет Безопасности. На Европейском континенте происходит падение влияния ОБСЕ, причем его функции также переходят к НАТО. События в Боснии свидетельствуют, что ни о какой миротворческой роли этого блока говорить не приходится. Нанося воздушные удары по позициям боснийских сербов, он превратился в прямого участника конфликта. Под прикрытием его воздушного зонтика хорватские и мусульманские войска развернули самые массивные военные действия за всю историю югославского кризиса. Одновременно произошел самый массовый акт «этнической чистки», направленной против сербов. Обезлюдела Сербская Краина в Хорватии. Дороги Боснии забиты сербскими беженцами. Масштабы гонений приняли характер геноцида. НАТО стало прямым пособником преступлений, в которых ранее обвиняли сербскую сторону. Практика «двойного стандарта» в подходе к разным сторонам в этом этногражданском конфликте получила наглядное проявление.

Военное вмешательство НАТО в балканский конфликт превратило ведущийся переговорный процесс в диктат, направленный против сербской стороны. В итоге исчезают перспективы добиться в будущем мирного сосуществования югославских народов без чужеземного вмешательства. Поддерживать такой мир будут натовские войска постоянного базирования. В дополнение к силам быстрого реагирования, уже расположенным на территории Хорватии, вскоре появятся под натовским флагом войска в Боснии (речь идет о контингенте в 50 тыс. человек). Нужды в «си-

них касках» нет уже и сегодня. Это означает превращение Хорватии, Боснии, а возможно и других территорий (Албания? Македония?) в протектораты НАТО, в базы для размещения войск этого блока.

Суэта вокруг Балкан не ограничивается только югославскими территориями. Уже есть сообщения о размещении американских военно-воздушных сил в Албании. Американский военный флот активно осваивает акваторию Черного моря. И по существу, и по букве международных соглашений это является нарушением конвенции в Монтре о режиме Черноморских проливов. Ведутся переговоры о создании баз (пока — ремонтных) в Варне и Констанце. Затрагивает ли это интересы России? И как влияет на геополитическую ситуацию на Балканах?

В российских политических кругах уже давно бытует убеждение, что в ходе югославского кризиса складывается и проходит проверку новый механизм вмешательства во внутренние дела других стран и регионов. Последние события в Боснии продемонстрировали интервенционистские устремления НАТО. Может ли такой механизм быть применен по отношению к самой России в случае, скажем, ее возможных трений в отношениях с каким-либо сопредельным государством? Не будет ли и к ней применена та же политика «двойного стандарта», как ныне к сербской стороне?

Известна многовековая борьба России за безопасность своего «мягкого подбрюшья» со стороны Черного моря, за удовлетворявший ее режим Черноморских проливов. **Ныне все ее прошлые достижения утрачены, а зафиксированные в международных договорах права поставлены под вопрос.** Нет ли, кстати, здесь каких-то тайных пружин, увязывающих российско-украинскую тяжбу вокруг черноморского флота с закулисными ходами мировой политики? Пока что не видно, чтобы эти проблемы волновали российский МИД. Чем объяснить такое спокойствие?

Нынешняя ситуация на Балканах вызывает особое беспокойство как в связи с местом этого региона в системе национально-государственных интересов России, так и в связи с его местом на геополитической карте мира. Балканы, прежде всего, являются стыком Европы и Азии. Через Восточное Средиземноморье они связаны с Африкой. Здесь всегда находилось пересечение мировых торговых путей. Не следует забывать, что здесь располагались последовательно две великие державы — Византийская империя с ее тысячелетней историей и Османская империя, могущественные государства, определявшие развитие международных отношений своего времени. Часть их геополитических преимуществ унаследовала современная Турция, являющаяся членом НАТО. Наметившаяся в последние годы эволюция внешней политики Турции, отбросившей принципы Кемаля Ататюрка, вызвала у ее соседей подозрения, что она встала на путь исторического реванша, претендует на первенство в прежней геополитической зоне Оттоманской Пор-

ты. Быстрое экономическое развитие и демографический рост Турции, население которой составляет более 60 млн. человек, создают серьезную материальную основу для возникновения и реализации таких замыслов. Ее активность на Балканах, в Закавказье и Средней Азии, а также в Крыму и на Ближнем Востоке привлекает к себе пристальное внимание.

Все сказанное выше позволяет сделать вывод, что Балканы превратились в зону повышенного внешнеполитического риска как для России, так и для НАТО, а также США, хотя и по разным причинам. Россия оказалась в международной изоляции, и пути ее преодоления пока трудно различимы. По другому обстоит дело с НАТО. Этот блок вступил в состояние внутреннего дисбаланса, определяемого, с одной стороны, объединением Германии, а с другой — утратой прежнего противника по «холодной войне». Дезинтеграционные процессы, зачатки которых стали уже проскальзывать внутри этого блока, пока тормозятся набранной раньше инерцией. Однако балканский кризис усиливает их. Причем не только в отношении между его региональными членами (Турция и Греция), но и между основными партнерами, т.е. между европейскими державами и США, у которых на Балканах разные интересы. Не исключено, что Балканам суждено стать «пороховым погребом» НАТО. В том же направлении будет действовать и подключение к нему новых членов на Востоке Европы, что еще больше нарушит его внутренний баланс сил. В любом случае есть основания полагать, что развал НАТО — его «светлое будущее». Скорее всего, ему суждено расколоться по линии США — Германия. Дальнейшее направление развития видится в сторону складывания мирового полицентризма с одновременным смещением геополитического центра тяжести в Тихоокеанский бассейн.

Смогут ли США выдержать бремя единственной сверхдержавы в мире? И, может быть, будущие поколения тоже будут говорить: «Все началось с Балкан!»

Что же нам делать?

Анализ событий способен создать впечатление, будто время соскользнуло вниз по хронологической шкале куда-то к концу XIX — началу XX в. и причудливо перемешало старое с новым. Так, вновь возродился пресловутый Восточный вопрос (его олицетворяет сейчас балканский кризис), где противоречия великих держав переплетаются с грызней малых. С другой стороны, сама Россия оказалась отброшенной назад и живет ныне в границах Брестского мира (тогда этот мир его же создатель откровенно называл «похабным»; а как его величать сейчас?). Новые реалии (СНГ, наследие

распавшихся ОВД и СЭВ) у всех перед глазами. Значит ли это, что Россия приперта к стене?

Вряд ли. Однако надо реально оценивать ее внешнеполитические возможности. Несмотря на значительное ухудшение своего геополитического положения (западные границы, Закавказье и Средняя Азия), она по-прежнему сохраняет свое место в координатах «хартленда». Остается она также великой ядерной и военной державой. Трудно переоценить ее потенциальные способности к экономическому сотрудничеству и взаимодополнению с ведущими державами Востока и Запада (прежде всего с Японией, Китаем и Германией). Все эти козыри надо умело ввести в игру.

Пропагандируемая нашим МИД система внешнеполитических приоритетов сама по себе вносит путаницу в понятия. Она пытается выстроить международные задачи в виде некоего железнодорожного состава, где нумерация вагонов определяет уровень их класса. Тем самым как бы теряется из вида единая и неделимая ткань международных отношений. Здесь скорее надо различать проблемы, стоящие в одной плоскости друг с другом, но тем не менее взаимоувязанные со стоящими в иных плоскостях. Другими словами, эти проблемы взаимодействуют не только по горизонтали, но и по вертикали, по диагонали и по другим направлениям в самых причудливых комбинациях, без верха и низа. Разграничение же идет только в интересах систематизации представлений. Балканский кризис органично вплетен в эту ткань и взаимодействует с другими нитями. Итак:

• **Центросиловой уровень** — плоскость взаимодействия между мировыми центрами силы. Эта плоскость искажена сложившейся однополярностью. Идет естественный процесс восстановления баланса сил в глобальном масштабе. Интересам России будет отвечать скорейшее восстановление этого баланса. Но, по-видимому, ее активные действия в данном направлении способны лишь замедлить данный процесс. Пожалуй, самое мудрое — никак не мешать ему. Держать позицию равной удаленности (и равной близости) от всех центров силы, пока не возникнет благоприятная ситуация для выхода из политической изоляции, для восстановления своей созоспособности.

• **Европейский (континентальный) уровень** — плоскость отношений с великими европейскими державами. Последние столетия российская внешняя политика была ориентирована на Европу: отсюда исходила главная угроза ее безопасности. Потенциально этот континент остается одним из самых могущественных центров силы, но былой европоцентризм ныне принадлежит прошлому. Здесь велико влияние исторического наследия. Здесь же — возможные союзники России в будущих дипломатических раскладах. Поэтому в интересах России — выход европейских держав из тени под американским зонтиком.

• **Региональный восточноевропейский уровень** — плоскость отношений с поясом средних и малых стран, расположенных между Балтийским и Средиземным морями, включая балканские страны. Это невралгический пункт российской политики, непосредственно связанный с ее безопасностью. У России нет никаких спорных территориальных проблем в отношениях с этой группой стран. Имеется много общих экономических интересов. В то же время их отношения отягощены историческим наследием. В посткоммунистическую эпоху в ряде этих стран произошло перерождение антисоветизма в примитивную русофобию, охватившую часть их политических сил. Заявления о возможном возникновении угрозы для их безопасности со стороны России носят спекулятивный характер. Присоединение части этих стран к НАТО будет вызовом, брошенным ей недружественной рукой.

• **Уровень СНГ** — плоскость отношений со странами, возникшими на развалинах СССР. Последний же, как известно, сложился на обломках российской государственности в 1917-1922 гг. Таким образом, в течение одного столетия мы наблюдаем второй раз крушение государства, в котором жили. Переключка событий 1917 г. и 1991 г. не представляется случайной, поскольку эти даты обозначают начало и конец единого исторического отрезка. Национальную катастрофу такого масштаба Россия переживала в прошлом только в середине XIII в. в результате монголо-татарского нашествия. Здесь, в рамках СНГ, ее основные национально-государственные интересы. От этой точки надо начинать все измерения.

Все вышесказанное должно подвести читателя к пониманию, что простые ответы бывают только в пропаганде. Реальные же события складываются в замысловатый калейдоскоп, меняющий свою конфигурацию с каждым новым поворотом. Одно из парадоксальных свойств системы международных отношений состоит в том, что проигрыш в одном месте может обернуться выигрышем в другом (и наоборот — для противоположной стороны). Современный балканский кризис — катализатор мировых процессов на всех уровнях, во всех плоскостях. Задача российской дипломатии — избежать усиления и добиться ослабления международной изо

рук для будущего. Главная ее цель — создание благоприятных международных условий для внутреннего возрождения и развития страны.

Политику всегда называли искусством возможного. Искусство же требует виртуозности. Владеет ли ее секретами наш МИД?

Балканская западня и проблема столкновения цивилизаций¹

Глобализация международной жизни, экономических связей и информационного обмена в наши дни сделала мир нераздельным и сильно усложнила его картину в головах людей и особенно политических элит. Поток новостей и разнообразие событий делает многих заложниками мифологических представлений и идеалистических понятий, оставшихся от прошлого и вновь формируемых на наших глазах средствами массовой информации. В результате возросла опасность и для отдельной личности, и для целых слоев населения стать жертвой политической пропаганды, навязывающей определенные клише взглядов и зачастую дающей неверную оценку ситуации. Распространение неадекватных и предвзятых представлений является сегодня и несомненно останется и в XXI в. одним из возможных источников напряженности на международной арене.

Информационные войны, безусловно, будут создавать прямую угрозу международной безопасности. Под этим углом зрения балканский кризис наших дней представляет интересный объект исследований. Тем более интересный, что взгляды преобладающих сегментов общественного мнения и политических кругов в США и России по данному вопросу расходятся диаметрально.

Двадцатый век на Европейском континенте начался двумя балканскими войнами (1912-1913 гг.) и кончается балканским кризисом, вспыхнувшим в 1991г. и пока еще незавершенным. Балканские войны начала века, разразившиеся после почти 40-летнего периода мира в Европе, приковали к себе всеобщее внимание. Однако обе они, особенно вторая («межсоюзническая»), сопровождались военными преступлениями разных сторон, в них участвовавших, по отношению к мирному населению. Вспышка насилия на национальной почве, известная здесь раньше в форме турецкой резни жителей христианских областей, затронула тогда другие этносы. В этой связи американский фонд Карнеги направил на Балканы комиссию, составленную из представителей ряда европейских стран, для изучения ситуации на месте. Комиссия представила отчет, который был написан в самом конце 1913г. и

---

¹ Опубликовано в кн: «В.К.Волков. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., Индрик. 2000. С. 337-357.

опубликован в июле 1914г., несколько дней спустя после покушения в Сараево, ставшего внешним поводом к Первой мировой войне.

Восемьдесят лет спустя, уже на исходе XX в., фонд Карнеги счел полезным переиздать обширный отчет комиссии, чтобы читатели могли сравнить события прошлого с современными процессами. Новое издание увидело свет под названием «Другие балканские войны». Ему было предпослано введение, скорее напоминавшее самостоятельную статью, вышедшую из-под пера Джорджа Ф. Кеннана: «Балканские кризисы: 1913 и 1993 гг.». Заглавие введения, как и самой книги, выдавало намерение перебросить мост между этими двумя датами.

Дж.Кеннан, выдающийся американский дипломат и признанный авторитет в области истории отношений между СССР и США, вступил на новое для себя поле исследований. Его дебют показал, что любому автору могут сопутствовать не только успехи, но и неудачи. Главная мысль Дж. Кеннана сводилась к подчеркиванию схожести событий начала и конца века и неоднократному повторению утверждения, что все это имеет глубокие корни. Снова Балканы создают для Европы аналогичные проблемы. Объяснение, как он считает, состоит в том, что историческое развитие (не только период турецкого господства, но и предшествовавшие века) привело к складыванию на юго-востоке Европы зоны неевропейской цивилизации, которая до нынешнего дня продолжает сохранять свои неевропейские черты, включая те, которые еще меньше соответствуют современному миру, чем тому, каким он был 80 лет назад¹.

Другими словами, балканским народам отказано в принадлежности к европейской цивилизации. Все происходящее — продукт неевропейской цивилизации. Короче, балканская специфика. Неудивительно, что такое объяснение вызвало резкие возражения и серьезную критику. Лучшая из известных мне статей принадлежит профессору Университета штата Майами Марии Тодоровой. В статье «Балканы: от открытия до выдумывания» она убедительно доказала, что взгляды Дж. Кеннана на этот регион представляют собой идеологизированное клише и не выдерживают исторической критики². Что показала Первая мировая война, разразившаяся несколько недель спустя после публикации отчета комиссии Карнеги? Уже в 1914 г. фонд Карнеги направил другую комиссию — для расследования зверств немецких войск против бельгийского населения; ее отчет не был опубликован только из-за тяжелого стечения обстоятельств военного времени. Было столько примеров других аналогичных военных преступлений, что начали говорить о «балканизации» Европы, особенно в период между двумя мировыми войнами. Термин был явно неудачен и случаен. Он закреплял негативный образ региона, связывал его неразрывно с крайними проявлениями национализма и насилия.

Еще больше подобных примеров дали Вторая мировая война, нацистская практика массового уничтожения людей и геноцида целых народов, стравливания отдельных этносов. Разве Холокост зародился на Балканах? Читая введение Дж.Кеннана, подчеркивалось в статье М. Тодоровой, можно подумать, что ничего этого не было в Европе. В результате получилось мифологизированное стереотипное изображение Балкан как региона, где якобы ничего не изменилось в противоположность Европе. Такое идеологическое построение создано по принципу дихотомии: «Запад» (Европа) и «другие», что было особенно характерно для целой школы мышления периода «холодной войны». В итоге М.Тодорова приходит к выводу, что фонду Карнеги лучше было бы образовать новую комиссию для объективного исследования действительных причин современного балканского конфликта, чем перепечатывать старый отчет под новым необоснованным названием³.

Так что же стоит за балканским политическим фетишем? Какую роль играют Балканы в международной жизни? Являются ли они тем пунктом, где происходит столкновение цивилизаций? Ответы на эти вопросы помогут нам понять развитие событий в других регионах мира, дадут основу для серьезных аналогий и размышлений о действительных и мнимых угрозах безопасности в будущем.

«Пороховой погреб» — причины возникновения стереотипа

Обычно выражение «Балканы — пороховой погреб Европы» связывается с утверждением, что именно балканские события начала XX в. и покушение на австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда 28 июня 1914 г. в Сараево вызвали Первую мировую войну. Несмотря на широкое распространение подобных взглядов, часто встречающихся даже в учебниках истории, они дают ложное представление о действительном развитии событий.

В начале XX в. балканские страны оказались в центре политической борьбы между двумя военно-политическими блоками — Антантой (Великобритания, Россия, Франция) и Тройственным союзом (Германия, Австро-Венгрия, Италия). Их противостояние придало новые черты старому Восточному вопросу, связанному с борьбой балканских народов за освобождение от турецкого владычества и соперничеством между великими европейскими державами, стремившимися укрепить свое влияние в этом регионе. Отныне на него стала воздействовать логика блоковой борьбы, равно как и внутривблоковых отношений.

Внутри Тройственного блока интересы Германии и Австро-Венгрии полностью совпадали. Обе они проводили курс на экономическую и политическую экспансию на Балканах и в Турецкой империи, возбуждая опасе-

ния со стороны Великобритании и России. В таких условиях Германия поддержала аннексию Боснии и Герцеговины в октябре 1908 г. Австро-Венгрией. Попытки России добиться созыва международной конференции для обсуждения всего комплекса балканских проблем не имели успеха, ибо не были поддержаны ее союзниками по Антанте — Великобританией и Францией.

Боснийский кризис 1908г. привел к обострению международных отношений и дал толчок к усилению национальных противоречий на Балканах. Национальное движение усилилось не только на землях, входивших в Турецкую империю, но и в югославянских областях Австро-Венгрии, где сложилась хорватско-сербская политическая коалиция. Однако важно, что на Балканах тогда впервые столкнулись интересы двух военных блоков великих держав, и последующие события развивались при их активном участии. При поддержке стран Антанты возник Балканский союз, объединивший Грецию, Болгарию, Сербию и Черногорию, который нанес поражение Турецкой империи в первой балканской войне (октябрь 1912 — май 1913 гг.). Напротив, за решением Болгарии силой оружия пересмотреть итоги войны, которые она считала неприемлемыми, стояли усилия австро-германской дипломатии, решительно толкнувшей царя Фердинанда на развязывание «межсоюзнической» войны (вторая балканская война)⁴.

Но главное состояло в другом. Германские политические аналитики и Генеральный штаб пришли к тому времени к выводу, что время работает против Тройственного союза. Входящая в него Австро-Венгрия слабела из-за усиливающейся в ней национальной борьбы, в ходе которой особую опасность представлял югославянский вопрос. Напротив, быстрое экономическое развитие России укрепляло положение Антанты, а следовательно, ослабляло позиции Тройственного союза. Выход из положения виделся в силовом решении, а именно — в развязывании превентивной войны. При этом принималось во внимание, что именно по балканским проблемам в позициях стран Антанты не было единства. Поэтому, полагало германское руководство, с помощью балканской политики можно добиться раскола общего фронта этих стран.

Историческая школа западногерманского историка профессора Фрица Фишера в 1960-1970-х годах на основании ставших доступными документов раскрыла полную картину так называемой «балканской калькуляции» германского имперского руководства⁵. Последнее приняло в декабре 1912 г. принципиальное решение о начале превентивной войны, как только будет завершена подготовка к ней и возникнет подходящий повод. При этом исходили из расчета, чтобы внешний мотив к войне давал надежду отколоть Великобританию от России, развалить Антанту. Такой повод представился в июне 1914 г. в результате покушения в Сараево. Другими словами, «порохо-

вой погреб» в Европе находился в центре континента, а с Балкан поступила только искра, желанная для тех, кто держал в руках фитиль.

Со временем все страны Балканского полуострова были втянуты в водоворот Первой мировой войны. При этом Сербия, Черногория, Греция и Румыния оказались на стороне Антанты, а Турция и Болгария — на стороне Германии и Австро-Венгрии (вместе с ними они создали уже в ходе войны Четверной союз). Италия же вначале заняла нейтральную позицию, а затем выступила на стороне Антанты. Такая расстановка сил в годы войны разделила потом балканские страны на победителей и побежденных. На развалинах империи Габсбургов в конце войны (1 декабря 1918 г.) возникло новое государство — Югославия (первоначальное название — Королевство сербов, хорватов и словенцев), в которое вошли по решению своих политических представительств все югославянские народы бывшей Австро-Венгрии, а также Сербия и Черногория. Возникшие вновь другие государства от Балтийского моря до Адриатического (Польша, Чехословакия, Венгрия, Австрия) создали новую политическую карту Центральной и Юго-Восточной Европы. Собравшейся в 1919 г. Парижской мирной конференции пришлось признать уже сложившееся положение вещей, хотя местами она вмешалась в конкретное проведение границ.

Распад Австро-Венгрии, крушение Оттоманской империи и Российской империи, создание ряда новых государств привели к возникновению многочисленных спорных вопросов, касающихся как территориальных проблем, так и положения национальных меньшинств. Именно тогда в политический обиход вошел термин «балканизация Европы», закреплявший негативный стереотип восприятия Балкан. Сложившаяся тогда в Европе система международных отношений была следствием Версальского мирного урегулирования, основными творцами которого были Великобритания, Франция и США. Своим острием эта система была направлена против Советской России и побежденной Германии. Балканы оказались на периферии европейских дел. Отличительной особенностью межвоенного периода стала значительная активность малых и средних государств Центральной и Юго-Восточной Европы. Еще в начале 1920-х годов возникла так называемая Малая Антанта в составе Чехословакии, Румынии и Югославии. Эти страны ставили перед собой задачу не только сдерживать венгерские попытки пересмотра границ, но также играть более или менее самостоятельную роль в европейских делах, не быть игрушкой в руках великих держав. На Балканах же в конце этого десятилетия развернулось движение за общеебалканское сотрудничество. Оно развивалось под пацифистскими лозунгами и вылилось в проведение конференций, в которых принимали участие общественные и политические круги всех балканских стран. В 1930-1933 гг. состоялись четыре такие конференции, действовавшие «в рамках и в духе Лиги

Наций». Начавшееся обострение отношений в Европе после прихода гитлеровцев к власти в Германии (январь 1933 г.) побудило их создать политическое объединение — Балканский пакт (февраль 1934 г.), в который вошли, однако, только четыре государства — Греция, Турция, Румыния и Югославия. Отказ Болгарии и Албании вступить в этот союз показывал наличие противоречий между этими группами стран, а также стоявшими за ними великими державами.

По мере возрастания напряженности в Европе накануне Второй мировой войны общая обстановка неизбежно сказывалась и на позиции балканских государств. Мюнхенское соглашение и судьба Чехословакии произвели на них шоковое впечатление⁶. Общим их желанием было оставаться в стороне от конфликтов великих держав. Однако стратегическое положение региона и действия фашистской Италии и гитлеровской Германии не дали им шансов остаться вне сферы войны. Итальянская оккупация Албании (апрель 1939 г.) и нападение на Грецию (октябрь 1940 г.) перенесли военные действия на Балканы. Гитлеровская Германия добилась присоединения к фашистскому Пакту трех держав вначале Румынии (ноябрь 1940 г.), а затем Болгарии (март 1941 г.). В апреле последовала германская агрессия против Югославии, ее оккупация и расчленение.

Война пришла на Балканы извне, была принесена великими державами, в первую очередь фашистскими. Последние перекроили политическую карту региона, создали «Великую Албанию», «Великую Болгарию». Под германским руководством хорватские фашисты образовали так называемое «Независимое государство Хорватия», которая стала главным инструментом гитлеровской оккупационной политики на югославских землях. Они же инспирировали политику геноцида против евреев, цыган и сербов. Начавшееся здесь движение сопротивления невольно приняло черты этнического конфликта (движение сербских четников), хотя революционные тенденции стали вскоре преобладающими в партизанском движении под руководством коммунистов. Среди всех балканских народов наибольшие потери понесли в годы войны югославские, а среди последних — сербы.

Балканы в годы «холодной войны»

Итоги Второй мировой войны прямо сказались на положении балканских стран. В ряде стран (Югославия, Болгария, Румыния, Албания) установились коммунистические режимы. В Греции высадка английских войск помешала коммунистам и руководимым ими силам взять власть в свои руки. Однако вскоре эта политика привела к возникновению там гражданской войны (1946 - 1949 гг.), которая стала одним из стимулов к возникновению

«холодной войны». «Доктрина Трумэна», изложенная 12 марта 1947 г. на совместном заседании обеих палат американского Конгресса, стала одним из основных инструментов политики «холодной войны». В силу ряда причин Балканы

выдвинулись на передний план в самом ее начале, в период формирования двухполюсного мира⁷. Германский вопрос (берлинская проблема) и война в Корее продолжили ее и привели к глобальному противостоянию двух сверхдержав и, соответственно, двух блоков — НАТО и Организации Варшавского Договора (ОВД).

Как видно, роль Балкан в начале «холодной войны» определялась не столько их внутренними проблемами, сколько идеологическим и политическим противостоянием, характерным для двухполюсного мира. Не менее интересной представляется роль балканских коммунистических стран в формировании так называемого социалистического лагеря. Создание Коминформбюро (сентябрь 1947 г.) усилило процесс советизации восточноевропейских стран. В этих условиях возникновение конфликта между СССР и Югославией (весна 1948 г.), коренившегося в значительной степени в конфликте между Сталиным и Тито, имело последствия, выходящие далеко за рамки двусторонних отношений. Югославия была подвергнута ostracism (особенно после решений Совещания Коминформа в Венгрии в ноябре 1949 г.) со стороны других социалистических стран и СССР, разорвавших с ней дипломатические отношения, она подвергалась грубому политическому давлению, сопровождавшемуся бряцанием оружия. Лишь после смерти Сталина и визита советской делегации в Белград в 1955 г. отношения между двумя странами были нормализованы, но и они были подвержены колебаниям, связанным главным образом с идеологическими разногласиями между правящими компартиями. Противоречия между последними неизменно переносились и на межгосударственные отношения.

Первый виток разрядки международной напряженности в середине 1950-х годов оказался на Балканах более длительным и глубоким, чем в других регионах мира. Помимо нормализации отношений с Югославией, СССР постарался снять напряженность в контактах с Турцией, что благоприятно отразилось на обстановке во всем балканском регионе. Во второй половине 1950-х годов Болгария и Румыния стали выдвигать идеи превращения Балкан в зону мира, в зону, свободную от ядерного оружия. Несмотря на известную долю пропагандистского налета и некоторые элементы демагогии, этот курс отражал общее желание стран Организации Варшавского Договора, включая сюда и СССР, не превращать Балканы в объект борьбы двух блоков. Эта линия была молчаливо воспринята также и НАТО. В результате на Балканах в 1960-е годы возникла своеобразная ситуация, которая характеризовалась формулой «2+2+2». За этой формулой скрывалась принадлеж-

ность двух балканских стран к НАТО (Греция и Турция), двух — к Организации Варшавского Договора (Болгария и Румыния) и двух не-присоединившихся государств (Югославия и Албания).

Создавшаяся расстановка сил оказалась достаточно устойчивой и обеспечила Балканам самый длительный период мирного развития за последние три века. Вплоть до лета 1991 г. и этом регионе не было межгосударственных столкновений, а имевшие место кризисные явления достаточно быстро улаживались. За таким положением скрывалась готовность двух блоков рассматривать неприсоединившиеся страны (Югославию и Албанию) как своего рода «серую зону» в отношениях между ними. Именно это обстоятельство стало основой стабильности обстановки в этом регионе. Отдельные же конфликтные ситуации (самым серьезным был конфликт между греческой и турецкой общинами на острове Кипр) решались дипломатическим путем. Казалось, был найден ключ к региональной безопасности. Двусторонние отношения между балканскими странами не выходили за рамки международного права, между ними развивались экономические и культурные связи, чему не мешала их принадлежность к противостоящим международным блокам и организациям (НАТО и ОВД, Европейский Союз с его Общим рынком и Совет Экономической Взаимопомощи).

Однако подспудно в государствах, входивших в «социалистический лагерь», начались процессы, не имевшие прецедентов в мировой истории. В коммунистических режимах в этих странах, добившихся заметных успехов в экономическом и культурном развитии в первое послевоенное десятилетие, обнаружили черты застоя и разложения. В условиях начавшейся научно-технической революции (НТР) здесь стало наблюдаться отставание от уровня и темпа развития ведущих капиталистических держав. Эти процессы, подмеченные уже на рубеже 1950-1960-х годов, обнажили неспособность существовавших режимов к экономическим и политическим реформам, отвечавшим новому духу времени. Они привели в 1960-х годах к кризисным явлениям в ряде стран, обострили внутривластическую обстановку в каждой из них и повсеместно вызвали ужесточение коммунистических режимов, особенно после событий в Чехословакии в 1968 г.

В балканских социалистических странах имели место аналогичные тенденции. Они сопровождались усилением административных методов в руководстве экономикой, партийного контроля в политической и культурной жизни. Падение влияния коммунистической идеологии на народные массы побуждало правящие верхи этих стран прибегать к игре на национальных чувствах народов для легитимации своей власти. Албанское руководство во главе с Э. Ходжой, продолжая старую антиюгославскую линию, само изолировало страну от остального мира, расторгло отношения даже с другими социалистическими странами и вело ирредентистскую пропаганду среди

албанского населения в Югославии. Румынские руководители, возглавляемые Н. Чаушеску, сознательно разжигали националистические страсти, чтобы прикрыть неудачи внутри страны. Одним из рычагов такой политики было ущемление национальных прав венгерского меньшинства в Трансильвании, что периодически приводило к полемике с Венгрией и напряженности в румыно-венгерских отношениях. Такую же роль играл македонский вопрос в отношениях между Болгарией и Югославией. Но наиболее глубокие изменения происходили в Югославии, руководство которой во главе с И.Броз Тито предприняло попытку создать новую общественно-политическую систему социализма, отличную от советской («прямое самоуправление трудящихся»).

Расхождения между югославской и советской системами наблюдались больше в теории, чем в практической деятельности. Правда, югославская система несколько смягчила коммунистический режим, особенно в области культуры, средств массовой информации, расширения связей с внешним миром. Но она сохраняла политическую монополию одной партии (хотя ее переименовали в Союз коммунистов Югославии) и авторитарные черты режима. В национальном вопросе Югославия копировала Советский Союз. Начавшиеся сдвиги в политической системе привели в Югославии к тому, что бюрократический централизм был спущен с общесоюзного уровня на республиканский. В результате Югославия обогнала СССР в процессе складывания этнобюрократических республиканских кланов, а точнее — они проявили себя здесь раньше, чем в СССР. Это явление оказалось общим для всех социалистических многонациональных государств, где правящие партии применяли на практике не только социальную, но и национальную инженерию, опирающуюся на теоретические постулаты марксизма-ленинизма. Эти социальные слои не исчезли вместе с коммунистическими режимами. Напротив, после их падения они сохранили реальную власть, отбросили старую идеологию и, взяв на вооружение националистическую фразеологию, превратились в новый правящий слой — этнократию. Такие метаморфозы особенно заметны были в многонациональных государствах⁸.

В конце 1960 — начале 1970-х годов в Югославии начали обостряться национальные противоречия. Они охватили многие регионы страны (в числе других — Косово с его преобладающим албанским населением), но особенно сильно проявились в Хорватии. Здесь в 1971 г. возникла кризисная ситуация, чреватая перерастанием в гражданскую войну. Тогда развитие конфликта было предотвращено авторитарным вмешательством президента Тито, сменившего хорватское республиканское руководство. Последующие же действия, особенно принятие Конституции 1974 г., усугубили децентрализацию Югославского государства и создали почву для дальнейшей консолидации местных этнобюрократических кланов.

С начала 1980-х годов, после смерти И.Броз Тито, югославская федерация все больше стала приобретать черты конфедерации. В стране развернулась борьба между вышеупомянутыми кланами за сферы компетенции, за бесконтрольное осуществление власти. Эта борьба, приведшая к кризису государственной системы, стала развиваться в сторону сепаратизма. Модными стали лозунги «суверенитета республик». В центре борьбы стояли противоречия между хорватскими и сербскими партократическими группировками, каждая из которых стремилась опереться на националистические слои интеллигенции и привлечь на свою сторону другие общественные силы. Средства массовой информации, представлявшие республики, наполнились взаимными обвинениями, создавая обстановку национальной нетерпимости. Борьба обострялась по мере разложения коммунистического режима. Порожденные им этнобюрократические кланы возглавляли эту борьбу и служили ее главной движущей силой. Без знания социальной анатомии этих движений, сильно отличавшихся от национальных движений в других регионах мира и в рамках иных социально-политических систем, невозможно понять причины их возникновения и особенностей развития.

Югославский кризис и проблемы европейской безопасности

Югославский кризис развивался на международном фоне окончания «холодной войны» и процесса «перестройки» в Советском Союзе. «Бархатные революции» в конце 1989 г. в ряде социалистических стран стали мощным катализатором событий в Югославии. Особенно сильное воздействие оказало свержение коммунистических режимов в соседних Болгарии и Румынии (в последней это сопровождалось кровопролитием). Отклик был немедленным, хотя и своеобразным. В январе 1990 г. на XIV внеочередном съезде СКЮ делегации Словении и Хорватии заявили о независимости своих союзов коммунистов и покинули съезд. Единство партии как несущей политической конструкции коммунистического режима в стране было нарушено. Последовала эскалация сепаратистских действий. В Словении и Хорватии были организованы выборы, новые органы провозгласили суверенитет своих республик, изменение их названий и государственных символов. Особенно демонстративный антисербский характер имели эти действия в Хорватии, где летом 1990 г. была принята государственная символика, которой пользовались в годы Второй мировой войны фашисты-усташи. По Конституции 1990 г. Хорватия провозглашалась государством только хорватского народа (прежде она считалась государством хорватского и сербского народов). Сербскому населению было отказано в праве на культурную

автономию. Все это вызвало негативную реакцию среди сербов в Хорватии, породило у них ирредентистские течения. Наконец, 26 июня 1991 г. Словения и Хорватия по согласованию между собой провозгласили полную независимость и выход из состава Югославии. Кризис перерос в конфликт.

Сейчас трудно сказать, какой характер принял бы этот конфликт и какое решение было бы найдено, если бы не энергичное вмешательство в югославские дела со стороны европейских держав, и в первую очередь — со стороны новой объединенной Германии⁹. Их вначале скрытая, а потом и открытая поддержка придала сепаратистским действиям словенского и хорватского руководства особую агрессивность и демонстративный характер. Они же с самого начала организовали в средствах массовой информации мощную антисербскую пропагандистскую кампанию, придали определенный вектор освещению событий югославского кризиса. Их действия особенно активизировались после распада Советского Союза (август-декабрь 1991 г.). Под давлением германской дипломатии 17 декабря 1991 г. в Брюсселе состоялось заседание министров иностранных дел стран-членов Европейского Союза, которое приняло Декларацию о критериях признания новых государств в Восточной Европе и Советском Союзе, а также Декларацию о Югославии. В декларациях констатировалась готовность Европейского Союза признать независимость тех югославских республик, которые заявят о таком желании и подтвердят признание обязательств, содержащихся в документе о критериях признания новых государств¹⁰. В соответствии с этими документами 15 января 1992 г. последовало признание странами Европейского Союза и некоторыми другими государствами независимости Словении и Хорватии, а позднее — и других югославских республик.

Действия Европейского Союза прямо затрагивали проблемы безопасности на Европейском континенте, а с учетом его веса в международных делах — и на глобальном уровне. Эти действия заслуживают анализа как с точки зрения международного права, так и геополитических последствий. Они могли быть совершены только в обстановке всеобщей на Западе хмельной эйфории после самороспуска Восточного блока и особенно после распада Советского Союза и триумфального успеха «Бури в пустыне» (военная операция против Ирака). Но среди великих европейских держав единства не наблюдалось. На деле за декларациями стояла воля германской дипломатии. Для Франции и Великобритании эти действия представляли собой скорее жертву, принесенную на алтарь Маастрихтского договора и единства ЕС. Тем не менее именно они дали толчок для воплощения на деле идей «нового мирового порядка».

С международно-правовой точки зрения декларации ЕС грубо нарушали принципы Хельсинкского акта (1975 г.), который обязывал уважать территориальную целостность каждого подписавшего его государства. Дек-

ларации изымали Югославию (а частично и СССР) из поля действия этого акта и превращали ее из субъекта международного права в объект дипломатической практики государств ЕС¹¹. Далее, 12 стран ЕС взяли на себя функции, на которые они никем не были уполномочены, и самовольно присвоили себе прерогативы ОБСЕ и ООН принимать решения, касающиеся судеб суверенного и независимого государства. Наконец, декларации ЕС смешивали понятия государственных границ, гарантированных Хельсинкским актом, с административными межреспубликанскими границами внутри югославской федерации, которые отныне приобретали статус государственных. Это вступало в противоречие с правом других наций на самоопределение и открывало возможности применения «двойных стандартов» при решении многих проблем. Все это дало основание одному западному исследователю сделать вывод, что «рождение новых государств на территории СССР и Югославии произошло вне рамок внутреннего и международного права»¹².

С геополитической точки зрения брюссельские резолюции ЕС были активным политическим вмешательством западноевропейских государств, в первую очередь Германии, не просто во внутривосточные дела страны, не входившей в ЕС, а в ту часть «серой зоны», которая разделяла прежде два блока. Поскольку почти все страны ЕС были членами НАТО, это был первый выход единственного оставшегося в мире блока за границы своей ответственности. Исторически он стал первым шагом по созданию «нового мирового порядка», шагом в сторону усиления однополярности мира, расширением вначале зоны ответственности НАТО, а затем и самого блока за счет «серой зоны» и некоторых бывших стран Организации Варшавского Договора. Конечно, этот процесс занял ряд лет и прошел несколько этапов развития. Но первым толчком стали именно брюссельские резолюции декабря 1991 г.

Разумеется, югославский (балканский) кризис не был причиной происшедших в мире изменений. Но он стал катализатором этих изменений, своего рода рычагом, деформировавшим всю систему международных отношений. Фактически решения ЕС отодвинули на второй план ОБСЕ, которая должна была бы решать такие вопросы. Когда же в процессе балканского кризиса миротворческие силы ООН были заменены войсками НАТО, на второй план была оттеснена и ООН. НАТО окончательно вышла на передний план развития событий, и Балканы стали единственным пока регионом, где этот блок продемонстрировал свою военную силу. Однополюсная структура международных отношений проявилась с полной очевидностью. Не менее ясно и то, что такая ситуация носит временный, переходный характер к будущему многополюсному миру. Переходный характер сложившейся ситуации также содержит в себе потенциальную угрозу европейской безопасности.

На самих Балканах и особенно в Югославии брюссельские резолюции ЕС (декабрь 1991 г.) дали мощный стимул развитию сепаратизма не только в Слове-

нии и Хорватии, но и в других югославских республиках. Они создали предпосылки для перерастания кризиса за рамки прежних югославских границ, фактически блокировали переговорный процесс между республиками и придали событиям антисербскую направленность. Вмешательство извне, хотя бы и проводившееся на первых этапах под прикрытием ООН, резко обострило кризис и обеспечило ему длительный, затяжной характер. Особенно трагичное развитие получили события в Боснии и Герцеговине, вылившиеся в столкновение трех этнических общин — мусульманской, сербской и хорватской. Когда в 1994 г. НАТО заменила «голубые каски», она почти сразу же стала соучастником конфликта в Боснии, поддерживая действия мусульманской и хорватской общин против сербской общины (боснийская Республика Сербская) ударами авиации. Продиктованное американской дипломатией в конце 1995 г. Дейтонское соглашение прекратило кровопролитие, но не решило кардинальных проблем югославского кризиса. Более того, оно обострило на Балканах в дополнение к старым вопросам (македонский, албанский) новый — сербский. Он возник вследствие фаворизации одних (хорватско-мусульманская сторона) и ущемления других. Американский профессор Р. Кент имел серьезные основания назвать случившееся «необъявленной войной администрации Б. Клинтона против сербов»¹³.

Балканский (югославский) кризис глубоко и неразрывно связан с перестройкой всей системы международных отношений. В XX столетии так происходит уже в третий раз. В начале века он стал предвестником глобальных сдвигов, приведших в 1914 г. к Первой мировой войне. В 1941 г. кризис на Балканах произошел уже в ходе Второй мировой войны, в канун гитлеровского нападения на Советский Союз. Наконец, в 1991 - 1995 гг. он стал отражением тектонических сдвигов, вызванных роспуском Организации Варшавского Договора и распадом Советского Союза. Но на сей раз кризис еще не завершен. События начала 1997 г. в Сербии, Болгарии и Албании показывают, что этот регион все еще охвачен сейсмическими процессами политической нестабильности. Выборы же, произошедшие в 1997 г. в Союзной Республике Югославии, Хорватии и Боснии, дали убедительное свидетельство, что они могут войти и в грядущее столетие со своими старыми лидерами и старыми проблемами.

К каким же выводам приводит анализ конфликта на Балканах? Какова его природа и степень угрозы европейской безопасности? Соответствуют ли меры по его урегулированию его характеру?

Столкновение цивилизаций или борьба этнократий?

Лежащие на поверхности факты могут легко обмануть доверчивого наблюдателя. Три борющиеся друг с другом этнические группы в Боснии раз-

личаются между собой именно религиозной принадлежностью. Отсюда проистекает большой соблазн расценить конфликт как столкновение различных религиозных групп, тем более что такие войны имели место в прошлом и настоящем в различных районах мира. Черты этого явления присутствуют и в Боснии, в югославском конфликте. Более того, в какой-то мере они воскрешают ситуацию, имевшую место в годы Второй мировой войны.

Другой соблазн заключается в попытке представить этногражданский конфликт в Боснии как столкновение трех цивилизаций — западной (католическо-протестантской), восточно-православной и мусульманской. Однако при ближайшем рассмотрении и этот вариант вновь сводится к столкновению на религиозной почве.

Балканы как геополитическое пространство на протяжении всей своей длительной истории были местом встречи различных цивилизаций, т. е. тем, что носит название «контактная зона». Тем не менее по всем своим параметрам Балканы (а лучше сказать Юго-Восточная Европа) являются частью европейской цивилизации, ее своеобразным субрегионом.

Теория С. Хантингтона о столкновении цивилизаций имеет много уязвимых мест и справедливо подвергается критике с разных сторон. Одним из спорных моментов является неясность границ, разделяющих одну цивилизацию от другой. Особенно очевидно это в случае с европейской цивилизацией. Где ее границы? На каком основании С. Хантингтон отделяет Западную Европу от восточно-православной? Если в основе лежит различие между католицизмом и протестантизмом, с одной стороны, и ортодоксально-православным христианством — с другой, то почему бы на таком же основании не делить мусульманский мир на сунитскую и шиитскую части?

Европейскую цивилизацию нельзя сводить только к одному ее субрегиону — Западной Европе. Никто не будет отрицать принадлежность к этой цивилизации североамериканского субрегиона. После распада советского блока довольно четко выделились центрально-европейский субрегион, балканский субрегион (вобравший в себя как бывшие страны Варшавского Договора, так и страны НАТО и неприсоединившиеся государства) и восточноевропейский субрегион (Россия, Белоруссия, Украина). Выражение, что Европа протянулась от Лиссабона до Владивостока, имеет полное право на существование. При этом еще следует хорошенько подумать, каково место Латинской Америки на шкале цивилизованных ценностей. В любом случае следует признать, что европейская цивилизация представляет собой весьма сложную конструкцию, поскольку каждый из ее субрегионов имеет свои отличительные черты и требует своего подхода к нему. Эти различия не поддаются искусственной нивелировке, несмотря на их общую цивилизационную принадлежность.

Ахиллесова пята теории С. Хантингтона состоит в том, что история человечества дает мало примеров столкновения цивилизаций. Реально можно назвать беспримерный поход до Индии Александра Македонского, завоевательные походы мусульманских правителей в Средние века, вторжение европейских конкистадоров на Американский континент. Колониальная политика европейских держав в новое время носила скорее черты политического и экономического подчинения, чем цивилизационных катаклизмов. Основная же масса войн велась в рамках одних и тех же цивилизаций. Лучший пример тому — история самой Европы. Достаточно назвать только две мировые войны XX в. Именно конфликты внутри одной цивилизации представляют основную угрозу безопасности для современного мира. Другого опыта человечество пока не имеет.

С этой точки зрения конфликт на Балканах дает обильную пищу для размышлений. В его основе лежит борьба этнократических кланов, созданных в годы коммунистического правления, за власть, территорию и собственность. Это было последним преступлением коммунистических режимов перед своими народами. Этнократия приняла эстафету. Используя историческое прошлое, опираясь на националистическую идеологию, создавая образ врага в лице соседнего народа, она смогла втянуть в свою борьбу широкие слои населения, разжечь национальную вражду и нетерпимость. В итоге на месте многонациональной экс-Югославии, где коммунисты декларировали политику «братства и единства», возникли государственные образования, для которых «этническая чистота» является целью их политики. Гонения на нацменьшинства стали смыслом многих военных действий. Сербское население практически полностью изгнано из Хорватии, где «титовская нация» составляет теперь свыше 90%. Аналогичная картина сложилась в национальных общинах Боснии, на которые она разделена в силу Дейтонских соглашений. В Сербии (соответственно в Союзной Республике Югославии) и Македонии присутствуют многочисленное албанское и другие меньшинства. Повсеместно национальные меньшинства подвергаются дискриминации различного рода.

По данным Международного Красного Креста количество погибших в ходе этногражданской войны составляет от 50 до 100 тыс. человек (точное число не поддается пока определению), а количество беженцев, которые были вынуждены покинуть места своего постоянного проживания, превышает 2,5 млн. человек. Наибольшая их часть сейчас приходится на сербское население. «Этнические чистки» представляли собой не случайное и не побочное явление, а сознательную цель военных действий под руководством этнократических кланов с установкой на разжигание национальной розни. И сейчас руководство различных республик и областей делает все возможное, чтобы затруднить и не допустить возвращения беженцев на их прежние мес-

та жителя. Более того, процесс выдавливания еще не ставших беженцами «инородцев» проходит с прежней интенсивностью. Так искусственно нагнетается ксенофобия, побуждающая к эмиграции оставшиеся меньшинства в регионы с их этническими соплеменниками.

Реальная картина боснийской действительности на территории, где разыгрались наиболее трагические события, никак не укладывается даже в отдаленной степени в понятие столкновения цивилизаций. До распада Югославии вся Босния и Герцеговина, а особенно ее главный город Сараево представляли собой почти идиллическую картину мирного сожительства людей различной религиозной принадлежности. Нигде не было столько смешанных браков, как здесь. Нигде не было столько людей, которые вполне сознательно определяли свою национальную принадлежность как «югослав». Такое положение облегчалось общим этническим происхождением (все они — славянского корня), единым сербскохорватским языком, близостью быта и нравов. «Мусульманская нация» строилась коммунистическим режимом и местной этнобюрократией (последней — для обоснования своих претензий на власть) все послевоенные десятилетия. Хорватско-сербское противостояние и лозунги создания в Боснии исламского государства взорвали этот мирный регион. «Комплекс малых различий» (З. Фрейд) оказался для конкретного случая югославских национальных противоречий роковым. Этнократические кланы делают теперь все возможное, чтобы превратить малые различия в большие и окропить кровью проведенные ими границы. Сохранение и углубление сепаратистских тенденций стало для них способом сохранения и увековечения своей власти.

Мир на Балканах и европейская безопасность

С начала 1997 г. на Балканах наблюдалось общее обострение обстановки (кризис в Албании, борьба оппозиции и правительств в Болгарии и Сербии). Усилилась угроза возобновления этнических столкновений в Боснии. Не исключено, что ближайшее будущее таит в себе угрозу новой вспышки напряженности на Балканах, и следовательно, угрозу безопасности в Европе. Дейтонские соглашения, прекратившие кровопролитие, за два года своего существования не принесли умиротворения. По-прежнему остро стоит вопрос: как достичь мира на Балканах?

Состоявшаяся в феврале 1997 г. в Париже конференция, организованная Французским институтом международных отношений (IFRI) и Фондом мира и урегулирования кризисов (председатель Б. Вукобрат) пришла к выводу, что на территории экс-Югославии идет процесс консолидации сепаратизма в каждом из образовавшихся здесь государств. Основной целью правящих

националистических (этнократических) кланов, во главе которых продолжают стоять лица, ответственные за развязывание этногражданской войны, является закрепление собственной власти. Там, где этим кланам противостоят оппозиционные организации и течения, последние сами охвачены ультра национализмом и не могут представлять демократической альтернативы. Во внутренней жизни всех государственных образований господствует этническая нетерпимость, препятствующая решению вопроса о возвращении беженцев в места их прежнего проживания. Там они сталкиваются с атмосферой ненависти, отторжения и не могут наладить нормальную жизнь. Продолжается выдавливание национальных меньшинств из вновь образованных государств, которые становятся все более «чистыми» этнически.

Очень тревожное положение складывается в Боснии и Герцеговине. Дейтонские соглашения закрепили этнический ее раздел, где в каждой из общин происходят те же самые процессы. Однако положение в ее различных частях разное. В мусульманско-хорватской части, пользующейся экономической и политической поддержкой НАТО, идет усиленное переоснащение новейшей военной техникой мусульманской армии. В рамках «миротворческой» программы США происходит обучение мусульманских офицеров отставными американскими генералами. Массово завозится тяжелое вооружение, в том числе тяжелые гаубицы с компьютерной системой наведения и контроля огня. Создающийся военный потенциал далеко превосходит нужды обороны мусульманской части Боснии.

Иная ситуация складывается в боснийской Республике Сербской. В ее политическом руководстве раздоры и раскол. Смена военного руководства и демобилизация деморализовали ее армию, потенциал которой в значительной степени был уничтожен ударами воздушных сил НАТО. Экономика республики все еще испытывает дискриминацию и последствия экономических санкций. Территория республики приобрела по Дейтонскому соглашению конфигурацию, которая затрудняет общение между отдельными ее частями. Это же обстоятельство затрудняет ее оборону. Республика практически не получает никакой экономической поддержки со стороны, в отличие от других общин в Боснии.

Сложившийся дисбаланс сил привел к резкому росту реваншистских настроений мусульманского руководства в Боснии. Они не встречают противодействия со стороны командования войск НАТО, в частности американских представителей, которые все яснее осознают, что Дейтонские соглашения будут продолжать действовать только до тех пор, пока на территории Боснии будут находиться «миротворческие силы» НАТО. Уже начались разговоры, что после их возможного вывода в будущем последует наступление мусульманских войск и оккупация территории Республики Сербской, сопровождаемая изгнанием сербского населения. Не прекращается пропагандистская кам-

пания поддержки предстоящих действий, сопровождаемая обвинениями в невыдаче военных преступников Гаагскому трибуналу¹⁴, в препятствии к возвращению мусульманских беженцев на территорию сербской общины. Эти обвинения подхватываются западными средствами массовой информации и создают психологическую атмосферу, враждебную сербской общине Боснии. Рассчитывать на поддержку Союзной Республики Югославии она не может, поскольку последняя разорена экономическими санкциями и ей открыто угрожает НАТО. Короче, после вывода миротворческих сил вся Босния и Герцеговина может оказаться разделенной между мусульманами и хорватами (населенная ими часть будет присоединена к Хорватии), с последующим проведением крупнейшей «этнической чистки» сербов.

Боснийская проблема и ее Дейтонское решение создали патовую ситуацию. Ее парадоксальность очевидна: способствовал развалу многонациональной Югославии, западные державы, а сейчас и НАТО желают реанимировать многонациональную Боснию и Герцеговину, реинтегрировать три ее общины. Последние же к сотрудничеству не готовы, их отношения не улучшаются. Принуждение со стороны показало свою непродуктивность. Единственным стимулом пока что может стать экономическое сотрудничество. Оно необходимо для всех сторон. Мешает ему всеобщая подозрительность.

Балканские страны (экс-Югославия, Болгария, Албания, Румыния) — район экономического бедствия в Европе. В ряде из них внутренний валовой продукт (ВВП) упал вдвое. Чрезвычайно высок уровень безработицы. Простаивают не только отдельные предприятия, но и целые отрасли народного хозяйства. Продолжают действовать дезинтеграционные тенденции в экономике. Налаживание экономического сотрудничества между странами региона является для них жизненной потребностью. Проекты типа «Регионального подхода» Европейского Союза или Новой американской инициативы о кооперации в Юго-Восточной Европе пока не дают результатов. Очевидна необходимость их собственной инициативы, идущей из их собственной среды и открывающей перспективы экономического сотрудничества с традиционными партнерами, поиски новых путей.

Решение экономических проблем этого региона выходит отныне на передний план обеспечения безопасности в Юго-Восточной Европе. Только на пути преодоления экономических трудностей и подъема экономики можно будет решить насущные вопросы политического переустройства, укрепления демократических институтов и норм. Видимо, не будет преувеличением сказать, что путь балканских стран к сотрудничеству с Европейским Союзом, к чему стремится большинство из них, будет лежать через налаживание регионального сотрудничества, в первую очередь в сфере экономики.

Решение балканских проблем — это нахождение форм сотрудничества в рамках единой большой европейской цивилизации, с участием всех ее суб-

регионов. Попытка решить ее по линии двусторонних связей по формуле «Европейский Союз — Балканы» завела проблему в тупик. В развязывании этого узла противоречий большую роль может сыграть партнерство США и России. В двусторонних российско-американских отношениях в Европе Балканы явно претендуют на второе место после вопроса о расширении НАТО на Восток. Общее между этими двумя проблемами заключается в том, что обе они связаны с перспективами безопасности в Европе.

Сотрудничество России и США в урегулировании балканских проблем может быть весьма действенным при условии их взаимного доверия. Последнее же постоянно подвергается все новым испытаниям. Доверие неделимо, и оно не сможет существовать в одной проблеме и отсутствовать в другой. Установление такого доверия на Балканах было бы важным компенсирующим моментом, способным сгладить недоверие, связанное с расширением НАТО. Тем самым доверие превращается в составную часть безопасности как в глобальном, так и в региональном масштабе. Установление доверия между Россией и США помогло бы преодолеть укоренившиеся подозрения между участниками балканского конфликта, что открыло бы путь к решению затянувшейся трагедии. Введя свои войска в Боснию, НАТО взяла на себя моральное обязательство поддержания мира в этом регионе и попала в ею же созданную западню¹⁵. Выбраться из нее поодиночке не удастся. Созданная проблема еще долго будет оставаться невралгическим пунктом европейской безопасности. После распада Югославии во всем регионе Юго-Восточной Европы возникла совершенно новая ситуация без аналогов в прошлом. Она еще не осознана аналитическими службами, продолжающими мыслить старыми категориями. Требуются новые подходы и глубокое осознание происшедших перемен, особенно в области национальной психологии. Наиболее оптимальным их решение будет возможно на пути российско-американского сотрудничества.

При ретроспективном взгляде на историю Балкан XX в. трудно отделаться от мысли, что этот регион был своего рода испытательным полигоном, на котором развитие национальных отношений и противоречий на шаг-два опережало темпы развития в других регионах мира. Хотелось бы надеяться, что поиски решения балканских противоречий сегодня помогут найти методы подхода к аналогичным ситуациям в других регионах завтра.

Примечания

¹ The Other Balkan Wars. A 1913 Carnegie Endowment Inquiry in Retrospect with a New Introduction and Reflections on the Present Conflict by George F. Kennan. Washington, P. C., 1993. P. 13.

- ² Todorova M. The Balkans: From Discovery to Invention // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. № 2. P. 453 - 482.
- ³ Ibid. P. 457.
- ⁴ Писарев Ю. А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985.
- ⁵ Эта школа представлена многими именами и выдающимися исследованиями. В первую очередь следует назвать работы самого Ф. Фишера. См.: Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914-1918. Düsseldorf, 1961; Idem. Weltmacht oder Neidergang. Deutschland im Ersten Weltkrieg. Frankfurt a. M., 1965; Idem. Krieg der Illusionen. Die deutsche Politik von 1911 bis 1914. Düsseldorf, 1969; Idem. Juli 1914: Wir sind nicht hineingeschlittert. Das Staatsgeheimnis um die Riezler-Tagebuch. Eine Streitschrift. Hamburg, 1983.
- ⁶ Волков В. К. Мюнхенский сговор и балканские страны. М., 1978.
- ⁷ См.: Kunihiilm B. The Origin of the Cold War in the Near East: Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey and Greece. New York, 1980; Acheson D. Present at the Creation. New York, 1969.
- ⁸ Волков В. К. Этнократия—непредвиденный феномен посттоталитарного мира // Политические исследования. 1993. № 1
- ⁹ Aht. H.J. Hat Genscher Jugoslawien entzweit?// *Europa-Archiv*. 1993. № 12. S. 353.
- ¹⁰ Югославия в огне. Документы, факты, комментарии (1900-1992). Современная история Югославии в документах. М., 1992. Т. 1. С. 192-193, 193-194.
- ¹¹ По сути дела, то же можно сказать и о Советском Союзе, хотя подписание 8 декабря 1991 г. Беловежского соглашения несколько смягчало ситуацию.
- ¹² Cassese A. Sell-determination of People. Cambridge, 1995. P. 273.
- ¹³ Kent R. K. Contextualizing Hate. The Hague Tribunal, the Clinton Administration and the Serbs // *Dialogue. Revue trimestrielle d'art et de sciences* (Paris). 1996. Vol. 5. № 20. P. 16-32.
- ¹⁴ О юридической неправомерности и пропагандистском характере деятельности Гаагского трибунала писалось уже много. Одну из последних статей см.: Kent R. K. Contextualizing Hate...
- ¹⁵ Лучшим из имеющихся исследований сложившихся на Балканах противоречий считаю книгу профессора С. Аврамовой «Негероическая война Запада против Югославии». В настоящее время она опубликована только на сербскохорватском языке: Avrumova S. Postherojski rat Zapada protiv Jugoslavije. Novi Sad, 1997. Будем надеяться, что она сможет появиться в печати и на других языках.

Трагедия Югославии (1991-1995)¹

Югославский кризис имеет комплексный, многослойный характер, а следовательно, и многообразные причины. Прежде всего, его нельзя рассматривать в отрыве от таких событий, как революции 1989 г. в странах Восточной и Юго-Восточной Европы, последовавший вслед за ними распад «социалистического лагеря», а затем (после провала путча в августе 1991 г.) и Советского Союза. Крах социализма как общественного строя, мировой системы и политической идеологии прямо затронул и Югославию, которая переживала те же процессы (хотя и в специфической форме), что и другие социалистические страны.

Политический кризис Югославии, давно назревавший, разразился в начале 1990-х годов в коренным образом изменившихся международных условиях. Распад СССР означал конец двуполосного мира. Радикальное изменение глобальной расстановки сил было усугублено в Европе фактом объединения Германии. В годы «холодной войны» Югославия являлась своего рода буферной зоной между странами НАТО и Организацией Варшавского Договора. Эта особенность ее международного положения, а также активная роль в движении неприсоединившихся стран и авторитет среди государств «третьего мира» придавали Югославии такое политическое значение, которое выходило далеко за рамки ее реального веса в международных делах.

Неудивительно, что события в Югославии приковали к себе внимание всего мирового сообщества. Прежде всего, они затронули интересы соседних государств (Австрия, Венгрия, Румыния, Болгария, Греция, Албания), т. е. отразились на проблемах всего региона Юго-Восточной Европы. Более того, активные действия ряда европейских государств (в первую очередь Германии и Италии), а несколько позднее и США привели к интернационализации югославского кризиса, придали ему международное звучание. События в Югославии сразу стали объектом рассмотрения Европейского Сообщества (ЕС), Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), НАТО, а также Совета Безопасности ООН.

Переплетение внутривнутриполитических и международных проблем превратило югославский кризис в сложный узел противоречий, нуждающихся в системном, комплексном анализе.

---

¹ Опубликовано в кн: В.К. Волков Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., «Индрик» 2000 г. С. 223-271.

Была ли Югославия искусственным государством?

Такой вопрос часто ставится в современной публицистике и звучит в политической полемике, особенно в новых государственных образованиях, возникших на территории СФРЮ. Даваемые на него ответы находятся в прямой зависимости от позиции, которую занимает в настоящее время та или иная сторона.

Современные политические интересы опрокидываются, таким образом, в прошлое и распространяются на трактовку исторических событий. Так, «ошибкой» названо образование Югославии в 1918 г. в брошюре, опубликованной в конце 1991 г. группой хорватских историков. Эта брошюра (своего рода полуофициальная «историческая справка») была задумана как историческое оправдание и обоснование провозглашения независимости Хорватии.

Все исследователи, занимавшиеся историей образования Югославии, достаточно единодушно отмечают, что это государство не являлось случайным конгломератом разнородных земель. Его возникновение в 1918 г. стало следствием сознательного стремления югославянских народов к объединению. В конце XIX— начале XX в. приверженцев идей национального единства югославянских народов — сербов, хорватов и словенцев — было несравненно больше, чем сторонников концепций создания «великой Сербии» или «великой Хорватии». Среди социал-демократических партий балканских народов была популярна идея балканской федерации как способа решения национальных проблем в этом регионе, всегда отличавшемся национальной чересполосицей. Создание Югославии произошло на фоне огромных изменений, являвшихся следствием Первой мировой войны и распада Австро-Венгрии.

В новом государстве, однако, из всех возможных форм политического устройства победила централистская модель. Унитарное Королевство сербов, хорватов и словенцев во главе с сербской династией Карагеоргиевичей не учитывало особенностей исторического развития и политического положения входивших в него народов и регионов. Поэтому национальный вопрос в течение всего межвоенного периода являлся той осью, вокруг которой вращалась внутривнутриполитическая жизнь государства. Кризисы на социальной и национальной почве регулярно сотрясали страну. Главными были сербско-хорватские противоречия. Их обострение привело к военномонархическому перевороту в январе 1929 г. Однако он показал только бесперспективность поиска решения национальных проблем на пути установления авторитарного режима. В канун Второй мировой войны Югославия вступила на путь федерализации.

В августе 1939 г. на основе соглашения между правительством и хорватскими политическими лидерами была образована автономная «Хорватская бановина», объединившая хорватские земли. Начавшаяся мировая война не дала возможности развиваться этой тенденции.

Конец «первой Югославии» (такое название получил в историографии период ее истории между двумя мировыми войнами) положила гитлеровская агрессия в апреле 1941 г. Нацистская политика на Балканах, нацеленная на стравливание народов, оставила мрачное наследие в их национальной психологии. Основным орудием оккупационного режима стало так называемое «Независимое государство Хорватия» (НГХ), в состав которого нацисты включили всю Боснию и Герцеговину, а также Санджак. Под покровительством гитлеровцев хорватские фашисты-усташи развернули здесь массовый геноцид сербского и еврейского населения. Страна прошла через жуткие кровавые испытания. Даже на фоне массовых преступлений фашизма в Европе НГХ выделялось садизмом и бесчеловечностью установленного там режима. Усташский террор вызвал ответную волну среди сербских националистов, объединявшихся в четнические формирования. Схватки усташей с четниками, особенно кровопролитные в Восточной Боснии и Герцеговине, носили черты национально-религиозной войны с обеих сторон, которые не щадили также и мусульманское население.

Расстановку сил и вектор развития событий в Югославии изменила народно-освободительная борьба под руководством коммунистов. Партизанское движение наносило мощные удары по НГХ и всему оккупационному режиму. Его победа в войне привела к восстановлению единства государства, которое выдержало такие испытания. Сам факт возрождения Югославии свидетельствовал о том, что в толще народной жизни центростремительные силы преобладали над центробежными, о жизненной силе идей объединения близкородственных народов. «Вторая Югославия» с самого начала строилась коммунистами во главе с И. Броз Тито как федеративное государство по советскому образцу. Страна была разделена на шесть республик и две автономные области (обе — в составе Сербии). Федерация на деле была централизованным государством, скрепленным единственной правящей партией — коммунистической. Как и в Советском Союзе, при проведении внутренних административных границ между республиками никаких опросов населения не проводилось. Они были установлены бюрократическим путем. В адрес установившегося режима можно было сказать все слова критики, что и в адрес любой другой коммунистической страны. Но одно нельзя отрицать: он сделал все возможное для сглаживания национальной розни. Первые 15-20 лет его истории прошли под лозунгом «братства и единства». Последующее возрождение и оживление национализма в Югославии связано уже с особенностями развития коммунистического строя, с его соци-

альными особенностями, с пороками его теоретических конструкций и политической практики.

Наследие Тито: «самоуправляющийся социализм»

Югославия, после разрыва Советским Союзом отношений с ней в 1948 г., первой из европейских социалистических стран начала отход от сталинской модели коммунистического господства. Однако вскоре она задержалась на первых этапах этого пути. После крушения коммунистического эксперимента не только в Югославии, но и в Советском Союзе и других европейских странах можно дать более глубокую оценку югославских попыток построить альтернативную модель — «самоуправляющийся социализм».

Теоретически югославская модель строилась, исходя из критики советской системы, используя накопленный к тому времени социал-демократический и иной идеологический арсенал. В Советском Союзе, считали югославские теоретики, произошло перерождение социалистического строя. Главный порок советского режима они видели в этатизме, под которым понимали сращивание партийного аппарата с государственным при подчинении первым второго. В результате рабочий класс оказался отстраненным от власти, которая перешла в руки «нового класса» — партийно-государственной бюрократии. Последняя взяла в свои руки также и экономику, превратив общенародную собственность в государственную, т. е. в бюрократическую. Эта критика была справедлива, но она отражала только часть (и может быть, не самую главную часть) правды. В данном случае важно констатировать другое, а именно — что югославские теоретики (Б. Кидрич, Э. Кардель и др.) исходили из постулата научности коммунистических теорий, которые надлежало претворить в жизнь «истинным» путем.

Основы новой политической системы в Югославии складывались в течение 1950-х — начала 1960-х гг. и строились на принципах «прямого самоуправления трудящихся». Реформы затронули государственное устройство и вводили сложную делегатскую систему политического представительства в разных областях общественной жизни. КПЮ была преобразована в Союз коммунистов Югославии, который в апреле 1958 г. принял новую программу, суммировавшую все эти взгляды. Основной ячейкой общественного устройства провозглашались коммуны (общины), местные органы самоуправления, которые как бы противопоставлялись Советам. На предприятиях вводилось рабочее самоуправление, что должно было подчеркивать социалистический характер собственности и производственных отношений. Конституция 1963 г. закрепляла созданную общественно-политическую систему самоуправления, хотя на этом ее развитие не завершилось.

На деле югославская система самоуправления лишь несколько смягчила коммунистический режим. Особенно это сказалось в области средств массовой информации, культуры, расширения связей с внешним миром. В целом же югославская система сохранила автократические черты, что наиболее наглядно проявилось в культе И. Броз Тито и его безграничной власти. В то же время идеологические постулаты самоуправления и децентрализации привели к тому, что бюрократический централизм был опущен с общегосударственного уровня на республиканский. Помимо общего центра, представленного СКЮ, армией, службой безопасности и федеральными органами, возникли политические центры в республиках и автономных краях. Вокруг них началось формирование этнократических (этнобюрократических) кланов, что для многонациональной Югославии имело далеко идущие последствия.

Под термином «этнократия» следует понимать новый общественный слой, элементы которого возникают вследствие коммунистической социальной инженерии и экспериментов в области национальной политики. Его становлению способствовала марксистско-ленинская теория национального вопроса с ее нацеленностью на национально-территориальное размежевание. На практике она привела к ■ утонченному национализму и насаждала его под лозунгами интернационализма. Мало какой другой принцип подвергался таким манипуляциям в истории, как «право наций на самоопределение вплоть до полного отделения». В коммунистическом варианте он вел к созданию автономных единиц (будь то федеральные республики или области), территориальных по форме и национальных по содержанию. Национальная партократия вела себя в них как в мононациональных государственных образованиях, оттирая на второй план представителей других этносов. Эти тенденции скачкообразно возросли, когда коммунистические режимы вступили в полосу кризиса. Но окончательно этнократия складывалась в момент крушения этих режимов и набирала силу в посткоммунистическом обществе. В ряды этнократии как нового правящего слоя вливались часть старой партократии, бюрократические слои, управленцы в экономической сфере, дельцы «теневой» экономики, а также националистическая интеллигенция. Удельный вес ее составных частей варьируется в каждом отдельном случае. Общей чертой всех этнократических кланов является их стремление к национально-авторитарным формам правления, борьба за власть и собственность, за полный контроль над «своей» территорией при полном игнорировании и непризнании за другими этносами тех прав, которых она добилась для обоснования своей власти. Без учета этих особенностей социальной анатомии посткоммунистических многонациональных обществ (будь то территории бывших СССР или СФРЮ) невозможно понять истинную подоплеку

этнических столкновений и конфликтов на огромной территории от Адриатического моря до Тихого океана.

В Югославии процесс складывания этнократических кланов в республиках и автономных областях проходил интенсивнее, чем в Советском Союзе, в силу особенностей ее политического устройства. Националистические настроения, ставшие заметной чертой политической жизни страны уже в 1960-е годы, имели другую социальную базу, чем в «первой Югославии», но широко использовали прежнее идеологическое наследие. Основным, как и в прежние времена, стало противоречие между хорватским и сербским этнократическими кланами. Федеральное государство во главе с Тито, подметив эти тенденции, сочло наиболее опасным сербский клан и нанесло по нему упреждающий удар. В 1966 г. был смещен со своих постов А. Ранкович, которому ставились в вину сопротивление реформам и приверженность унитаризму, под чем понималось преобладание сербов в федеральных органах власти. Следствием явилось резкое оживление националистических течений в Косово среди албанцев и в Хорватии.

Период 1968-1971 гг. был заполнен национальными выступлениями в Косово, демонстрациями белградских студентов, обострением ситуации в Хорватии. Обстановку подогрело начавшееся в конце 1970 г. обсуждение предлагавшихся конституционных поправок, предусматривавших расширение прав республик, их приравнивание к «государству». В Хорватии развернулась широкая кампания против ее «ограбления» другими республиками, выкачивания из нее федеральными властями валютных поступлений и т. д. Националистические элементы, сгруппировавшиеся вокруг культурно-просветительской организации «Матица хорватская», повели антиюгославскую пропаганду под лозунгом «возрождения Хорватии». Она усилилась после того, как весной 1971 г. руководство Союза коммунистов Хорватии (С. Дабчевич-Кучар, М. Трипало и др.) обвинило своих критиков в «заговоре» против него и попыталось опереться на «массовое движение». К политической борьбе подключились средства массовой информации, ставшие разносчиком националистической идеологии.

Положение в Хорватии привело в 1971 г. к политическому кризису в Югославии. Хорватское руководство выступило с требованиями расширения своих прав в рамках федерации. Впервые прозвучали слова о «суверенитете республики». Вспышка национализма сопровождалась антисербскими выпадами. На ряде предприятий стали подсчитывать, сколько рабочих и служащих принадлежит к той или иной национальности. В сербских селах встревоженное население организовало караульную службу. Были выдвинуты идеи распространения принципов федерализма на СКК, что подрывало его единство. Федеральное руководство Югославии расценило развитие событий в Хорватии как сепаратистскую линию. По словам И. Броз

Тито, страна оказалась на грани гражданской войны. Кризис был разрешен авторитарным вмешательством Тито. Хорватское руководство было смещено. Как свойственно любому авторитарному режиму, эти действия сопровождались репрессивными мерами, которые придали националистам нимб борцов за национальные идеалы.

События в Хорватии не были изолированным явлением. Аналогичные процессы наблюдались и в других республиках, и в автономных областях. Югославское руководство во главе с И. Броз Тито видело их причины не в социальных сдвигах и принципиальном несоответствии своих идейных установок политическим реалиям, а в незавершенности политических реформ. Новым шагом в их развитии стала Конституция 1974 г., усугубившая децентрализацию Югославского государства. Наряду с расширением прав республик практически равные права были предоставлены автономным областям Косово и Воеводина, что было расценено в Сербии как подрыв ее единства. В Конституции 1974 г. явственно проглядывали черты конфедерации. Она не создала механизма разрешения новых противоречий, не предотвратила последующих кризисов и только способствовала ослаблению центральных органов федерации. В таких условиях центробежные тенденции подпитывались самостоятельными устремлениями бюрократических элит, усилились процессы складывания республиканских этнократических кланов. Единство страны на деле было поставлено в зависимость от единства СКЮ, а судьба последнего — от личности И. Броз Тито.

Кризис государственности в Югославии

После смерти И. Броз Тито в 1980 г. национальные проблемы Югославии превратились в «ось» политической жизни страны. Обострение межнациональных отношений наблюдалось повсеместно. Но наиболее сильно оно проявилось в автономной области Косово начиная с 1981 г. Это была самая отсталая часть Югославии как в экономическом, так и в культурном отношении. В старой королевской Югославии албанское население испытывало национальные притеснения и произвол сербской бюрократии. В годы войны оккупанты создали на Балканах «великую Албанию», куда включили, помимо территории собственно Албании, также большую часть Косовской области (по тогдашней терминологии — Косово и Метохию), западные части Македонии и часть северо-западной Греции.

В послевоенной Югославии на положение албанского населения оказывал сильное влияние факт разрыва отношений с СССР после 1948 г. Руководство «социалистической» Албании вело антититовскую пропаганду среди албанского населения Югославии. В свою очередь, югославское руково-

дство предпринимало ответные меры. В итоге в автономной области Косово и Метохия сдерживалось развитие албанской культуры, ущемлялись национальные права. Поэтому национальные выступления 1968 г. приняли здесь массовый характер. После них были намечены и стали проводиться меры по ускоренному развитию экономики региона, особенно с учетом высокой рождаемости и, соответственно, быстрого роста населения. Изменилась кадровая политика. В г. Приштина открылся один из самых крупных университетов страны (при этом из более чем 50 тыс. студентов примерно две трети обучались на гуманитарных факультетах). Конституция 1974 г. наделила автономную область Косово правами, практически уравнивавшими ее с другими республиками.

Однако в условиях экономического застоя в стране, повсеместного высокого уровня безработицы, складывания местных партократических элит и роста республиканского самостийничества в Косово стал быстро набирать силы албанский национализм. В общественной жизни началось вытеснение сербского языка, свертывание его преподавания, изгнание профессоров-сербов из Приштинского университета. Широкое распространение получили идеи сепаратизма и ирредентизма. Наиболее радикальное крыло националистов выдвинуло лозунг создания «этнически чистого Косово». Сопутствовавшая ему травля проживавших здесь сербов и черногорцев преследовала цель добиться их массового выселения за пределы области. Идеи «этнической чистки», зародившиеся впервые в среде албанских националистов, были позднее подхвачены всеми националистическими течениями в Югославии и принесли кровавый урожай.

В ходе бурных демонстраций и других форм массовых выступлений в марте-апреле 1981 г. центральным стал лозунг «Косово — республика». По существу сепаратистский, он опирался на программное положение коммунистов о праве наций на самоопределение вплоть до полного отделения. Только республика, а не автономная область, обладала по югославской Конституции правом выхода из федерации. Этот лозунг был поддержан местным партийным руководством. Его приветствовали радикальные националисты, а одна из их организаций выпустила даже географическую карту «новой великой Албании». Столкновения демонстрантов с милицией привели к жертвам с обеих сторон. В Косово были введены воинские части, фактически установлено военное положение, по краю прокатилась волна репрессий. Чрезвычайные меры не привели, однако, к стабилизации положения. Усилился процесс вытеснения сербов и черногорцев из Косово. Пресса наполнилась сообщениями об осквернении сербских культурных памятников. Напряженность не спадала и в последующие годы.

Ретроспективный взгляд на косовские события 1981 г. показывает, что именно с них начался кризис югославской государственности, приведший

десять лет спустя к ее распаду. Это было десятилетие прогрессирующей дестабилизации федерации, когда происходила своего рода цепная и неуправляемая реакция нарастания национальных противоречий. В первую очередь косовские события разбередили национальные чувства сербов. В их самосознании Косово занимает особое место. Здесь в Средние века находился центр сербской государственности. В 1389 г. там произошла решающая битва с турецким войском, предводительствуемым султаном Мурадом. Поражение сербов определило последующую судьбу Сербского государства: в середине XV в. оно попало под османское господство. Эти исторические события легли в основу косовского цикла сербского эпоса с многочисленными песнями, сказаниями и легендами. Он в значительной степени воздействовал как на формирование сербского национального самосознания, так и на оценку общественным мнением современных событий.

В конце XVII — XVIII в. резко изменился национальный состав населения Косово. Под влиянием политических причин сербское население в большинстве своем покидает его. Несколько волн переселенцев устремляются на север (в частности — в Воеводину), а на их место турецкая администрация селит албанцев. С течением времени последние стали здесь большинством. В начале 1980-х годов сербы и черногорцы составляли вместе только 8% всего косовского населения. Албанизация Косово — открытая рана в сербском национальном сознании. «Косовский комплекс» широко использовался различными политическими течениями Сербии в борьбе за власть, стал объектом их манипуляций. Однако его существование — объективный фактор, с которым приходится считаться.

Для сербов, помимо «косовского комплекса», характерно широкое распространение убеждения, что во «второй Югославии» коммунистический режим сознательно стремился расчленить сербский народ, растащить его территории по разным республикам и областям, свести Сербскую республику к границам «Белградского пашалыка» (административная единица в Османской империи XVIII в.). Особую критику вызывала Конституция 1974 г., которая наделяла сербские автономные области Косово и Воеводину такими правами, что выводила их как бы за рамки республики. Все эти моменты нашли отражение в меморандуме Сербской Академии наук и искусств (1986 г.), в котором содержались также горькие оценки итогов экономических реформ и развития системы самоуправления, заведших страну и общество в тупик. Этот меморандум подвергся ожесточенным нападкам со стороны официальных органов Сербии и других республик, но особенно — в Хорватии.

Для хорватского национализма характерно было отрицательное отношение к федерации вообще: его идеологи считали и «первую», и «вторую» Югославию темницей для хорватского народа. Острые хорватского национализма всегда было направлено против сербов. Распространялись тезисы о

«засилье сербов» — как в федерации вообще, так и в Хорватии в частности, о преследовании хорватов федеральными властями, об ожидающей их демографической и экологической катастрофе, об экономическом ограблении республики. Характерной чертой хорватского национализма являлось его переплетение с католическим клерикализмом. Из этого источника проистекали идеи о принадлежности хорватов к «западной цивилизации» (в противоположность православным сербам), а также жалобы на преувеличение масштабов усташских преступлений против сербов в годы Второй мировой войны. Широко распропагандирована была концепция борьбы за «чистоту хорватского литературного языка», его освобождение от «сербизмов» (как известно, сербы и хорваты говорят на одном языке — сербскохорватском, в котором незначительные местные диалектные особенности не совпадают с национальными границами). Наличие массовой хорватской эмиграции в Европе (особенно в ФРГ) и США способствовало распространению таких взглядов в западных странах и их средствах массовой информации.

Клерикально-католическая окраска всегда была присуща и словенскому национализму, что роднило его с хорватским. Но в 1980-е годы его идеологи делали упор на экономические проблемы, подчеркивали высокий уровень словенской промышленности и культурного развития населения республики. На разные лады склонялось мнение о том, что «в Югославии работают одни только словенцы». Обратной стороной этой мысли были утверждения, согласно которым Словения отчисляет непомерные суммы в федеральный бюджет, особенно в фонд содействия отсталым краям, которые развиваются, следовательно, за ее счет. При этом сознательно закрывались глаза на то обстоятельство, что федерация служила основным рынком сбыта для продукции словенской промышленности. В первой половине 1980-х годов размышления на эти темы, проповедь национального эгоизма и национальной замкнутости стали заметной чертой общественно-политической жизни Словении.

Новым явлением было зарождение мусульманского национализма. Ему предшествовало возникновение «мусульманской народности». Этот процесс хорошо виден на примере переписей населения в стране: в 1948 г. они фигурировали как «мусульмане неопределенные» (т.е. затруднялись назвать свою национальность), в 1958г.— как «югославы неопределенные», в 1961 г.— как «мусульмане» (категория этнической принадлежности), в 1971 г.— как «мусульмане в смысле народности». Сам факт определения национальности по принадлежности к определенному вероисповеданию — явление уникальное, и он отражал специфику Боснии и Герцеговины, где единый этнос раскололся именно по этому принципу: католики считали себя хорватами, православные — сербами, а мусульмане выделились в особую группу, которая осознала себя как отдельную этническую общность. Такое развитие определило и идейную направленность движений, представлявших ее. Наи-

большую известность приобрел документ «Исламская декларация», в котором провозглашалась цель образования исламского государства в Боснии и Герцеговине (с возможным подключением в будущем к нему Косова и Санджака). Ставилась задача исламизации мусульман и введения исламских принципов во все сферы жизни. В Декларации нашли отражение принципы исламского фундаментализма. «Ислам — это идеология, панисламизм — это политика», — говорилось в ней. В целом же она повторяла основные программные положения организации «Молодые мусульмане», сотрудничавшей в годы Второй мировой войны с германскими оккупантами.

Националистический бум, охвативший всю страну, был вызван новой политической и экономической ситуацией, постепенно вызревавшей в рамках системы самоуправления и децентрализации. В начале 1980-х годов югославская государственность все более приобретала черты конфедерации, при ослаблении связей между республиками и областями. СКЮ переживал идейный и организационный кризис, утратил черты единой и централизованной партии и сам встал на путь федерализации. Республиканские и областные бюрократические кланы стремились к политическому полновластию, подкрепленному экономической автаркией. Практически начал распадаться единый югославский рынок. «Экономический национализм» привел к складыванию восьми обособленных народнохозяйственных комплексов — по числу республик и автономных областей. Этот поразительный факт наиболее наглядно проявился в функционировании восьми замкнутых электроэнергетических систем. Аналогичная картина наблюдалась в банковском деле, в промышленной политике и т.д. Ориентация на первостепенное удовлетворение местных нужд создавала обстановку, когда контакты с зарубежными партнерами ставились выше развития межреспубликанских связей. Дезинтеграция в экономической сфере явилась грозным предзнаменованием политических конфликтов.

В таких условиях бюрократия нашла в национализме свою подлинную идеологию. Она служила ей средством мобилизации масс и манипулирования ими с целью обеспечить себе поддержку в борьбе с другими бюрократическими кланами в федеральных органах. Национализм стал идеологическим оправданием собственных эгоистических действий и поступков. В то же время аналогичные меры других бюрократических кланов подвергались критике по принципу «в чужом глазу сучок заметен...». Средства массовой информации, также разошедшиеся по «республиканским квартирам», наполнились резкими выпадами и едкими комментариями в чужие адреса, создавая в стране обстановку национальной розни и нетерпимости.

Реальная картина политической жизни в 1980-е годы в Югославии осложнялась также тем обстоятельством, что в каждой республике внутри бюрократических кланов шла борьба между двумя группами (фракциями) пре-

тендентов на власть, а именно — между, так сказать, «легитимными» наследниками «самоуправленческого социализма», с одной стороны, и национальной бюрократией этноцентристского толка — с другой. Обе эти группы апеллировали к националистической интеллигенции и пользовались демократическими и популистскими лозунгами. Эта борьба внутри отдельных республиканских кланов не мешала им, однако, блокироваться на федеральном уровне для отстаивания своих интересов. Такая блокировка с начала 1980-х годов все чаще принимала форму антисербских коалиций. Лозунг «слабая Сербия — сильная Югославия» часто служил оправданием для своекорыстной политики, например поддержки албанского сепаратизма в Косово со стороны хорватского и словенского руководства, чтобы добиться для себя большей свободы действий.

Отмеченные особенности ярко проявились после прихода к власти в Сербии нового руководства во главе с С. Милошевичем. Оно взяло курс на «спасение Косова» от полной албанизации; используя популярные идеи «антибюрократической революции», повело борьбу за вытеснение с партийных и государственных постов представителей протитовской фракции; поставило задачу восстановить суверенитет Сербии над автономными провинциями Косово и Воеводина. Аналогичные изменения произошли и в Черногории. Одновременно шла резкая критика Конституции 1974 г., началась подготовка к изменению Конституции Сербии.

Действия сербского руководства вызвали ответные выступления албанцев в Косово, где не прекращались митинги, демонстрации, забастовки протеста. Беспokoйство охватило руководство Хорватии и Словении, где развитие событий в Сербии было расценено как «партийный переворот». Эти проблемы обсуждались на специальных пленумах ЦК СКЮ в декабре 1987 г. и в июле 1988 г. Однако принятые на них решения остались без последствий, что свидетельствовало об ослаблении роли СКЮ в политической системе Югославии, о дестабилизации федерации.

Дезинтеграционные процессы наблюдались повсеместно. С лета 1987 г. прекратил существование Союз писателей Югославии: он стал первой общегосударственной организацией, распавшейся под напором национальных антагонизмов. Повсеместно стал обсуждаться вопрос о необходимости создания «третьей Югославии», т.е. полного переустройства страны на новых принципах, поскольку старые («вторая Югославия») изжили себя. Высказывались самые разнообразные точки зрения, отражавшие позиции отдельных республик и их руководства. На крайних позициях стояли Хорватия и Словения, где развивались идеи «асимметричной федерации», в которой эти две республики занимали бы особое положение, а их связи с остальной частью страны носили бы конфедеративный характер.

С середины 19 80-х годов во все возрастающей степени руководство Словении начало проводить курс на обособление от югославской федерации, осуществление мер, направленных на «вестернизацию» внутренней жизни республики, широко используя идеи «еврокоммунизма». Наряду с демократизацией общества, особенно в сфере средств массовой информации, эта линия вылилась в резкую критику сербского руководства и его действий, в поддержку тех сил в других республиках и автономных областях, которые занимали антисербскую позицию (даже если они отстаивали узкокорыстные интересы). Это придало отношениям внутри федерации конфронтационный характер.

Еще дальше пошли националистически настроенные оппозиционные круги словенской интеллигенции. Они опубликовали в журнале «Нова ревия» (1987 г.) «национальную программу», подводившую к идее образования независимого государства. Из их среды послышались громкие голоса критиков «сербского шовинизма»: последнему приписывались стремление к «косовизации» Югославии, желание ввести «единый югославский официальный язык», обеспечить Сербии «ведущую роль на Балканах». Крайние национал-радикалы шли еще дальше, развивая тезисы об «оккупации» Словении и частях ЮНА как об «оккупационной армии». Начавшаяся перепалка средств массовой информации вылилась в пропагандистскую войну между Словенией и Сербией.

«Бархатные революции» в Восточной Европе и события в Югославии

Дальнейшее развитие политических процессов в Югославии невозможно понять без учета влияния международных факторов. Во второй половине 1980-х годов начавшаяся «перестройка» в Советском Союзе служила и фоном, и катализатором событий во всех социалистических странах Восточной Европы.

Революции 1989 г. в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы ускорили политические процессы в Югославии, которые развивались в том же направлении. Однако здесь они оказались неразрывно связанными с национальными противоречиями; что придало событиям совершенно иной характер. Начало новому этапу, приведшему к распаду страны, положил XIV Внеочередной съезд СКЮ, состоявшийся 20-22 января 1990 г. в Белграде, которому суждено было стать последним. На нем делегации Словении и Хорватии заявили о независимости своих Союзов коммунистов и покинули съезд. В итоге СКЮ лишился руководящих органов и распался на независимые республиканские организации. Распад единого СКЮ стал предвестником дезинтеграции федерации. Хотя ее органы продолжали

функционировать, их реальная власть начала падать, а центр тяжести политического руководства окончательно переместился в республики, где власть перешла к соответствующим эгнократическим кланам. Одновременно обострились отношения между республиками. Так, на рубеже 1989-1990 гг. в ответ на некоторые антисербские действия словенского руководства последовал бойкот словенских товаров в Сербии, поддержанный секретными решениями сербского руководства.

Весь 1990 г. был заполнен подготовкой и проведением выборов на многопартийной основе, а также первыми шагами вновь избранных республиканских парламентов. С начала года повсеместно стали возникать новые политические партии, преимущественно на национальной основе. В апреле 1990 г. состоялись выборы в Словении и Хорватии. В обеих республиках коммунисты потерпели поражение. В первом случае к власти пришла «Демократическая оппозиция Словении» (ДЕМОС), хотя председателем Президиума Словении был избран старый коммунистический функционер М. Кучан, во втором — «Хорватское демократическое содружество» (ХДС), а его лидер Ф.Туджман (в прошлом — генерал титовской службы безопасности) стал председателем Президиума Хорватии. Следует подчеркнуть, что в обеих республиках возникла новая монополия одной партии, хотя и на другой основе, чем прежде коммунистическое единовластие. Первые же действия Словении и Хорватии были однотипными; вновь избранные органы провозгласили полный суверенитет республик, заявили об изменении их названий (из них было выброшено прилагательное «социалистическая») и государственных символов, провозгласили примат их законодательства перед союзным (федеральным), приступили к формированию своих вооруженных сил. Тем самым делался решающий шаг в сторону развала федерации.

Несмотря на сходство действий, различия в условиях привели в Хорватии к тяжелым последствиям. Еще летом 1989 г., когда из хорватской Конституции были исключены положения о сербском языке как языке сербского населения республики, раздалась протесты, которые власти постарались приглушить репрессиями. Однако летом 1990 г. сопровождавшая прокламирование суверенитета Хорватии так называемая «революция символов», где вновь была принята вся та государственная символика, которой пользовались усташи, вызвала у сербской части населения аллергическую реакцию. Эти символы, отражавшие внутреннюю сущность происходивших перемен, нельзя было рассматривать как безобидный театральный реквизит. Их смысл прояснялся шовинистическими антисербскими лозунгами и действиями хорватских экстремистов. Требования сербского населения гарантировать его права путем предоставления территориальной автономии были тогда отвергнуты новым хорватским руководством. В ответ в населенной преимущественно сербами Сербской Крайне (центр — город Книн) бы-

ла провозглашена своя республика и принята декларация о суверенитете и автономии сербского народа. Так возникло сербское ирредентистское движение в Хорватии, которое поставило цель не допустить своего отрыва от Сербии. Эти события наложили печать и на развитие ситуации в других частях страны.

В ноябре-декабре 1990 г. прошли выборы на многопартийной основе в остальных четырех югославских республиках. Наибольшее значение имели выборы в Сербии. Здесь еще летом 1990 г. Союз коммунистов заявил о своем самороспуске и вместе с республиканским социалистическим Союзом трудового народа создал Социалистическую партию Сербии (СПС). Выборы проводились по новой Конституции, принятой в сентябре. Предвыборная борьба, в которой приняли участие десятки партий, отличалась напряженностью и накалом страстей. Проявившиеся сепаратистские тенденции в Словении и Хорватии давали повод строить политические программы на противопоставлении им линии на сохранение целостности страны. СПС, возглавляемая С. Милошевичем, выступила с резкой критикой долголетней деятельности старого коммунистического руководства во главе с И. Броз Тито, обвиняя его в том, что оно довело страну до дезинтеграции и кризиса. Она строила свою программу на подчеркивании прав человека и демократических свобод, ориентации на рыночную экономику и выдвигала лозунг «Сильная Сербия в сильной Югославии». Итоги выборов принесли ей три четверти мест в Скупщине (парламенте), а ее лидер С. Милошевич стал председателем Республики Сербия. Сходные результаты принесли и проходившие одновременно выборы в Черногории.

Итоги выборов в Сербии были с беспокойством встречены в Словении и Хорватии, руководство которых увидело в них подтверждение правильности своих сепаратистских намерений. Преобладающим мотивом комментариев в западных средствах массовой информации были рассуждения на тему «возвращение в прошлое», а также «удара по югославскому единству». Начиная с этого времени, на Западе стали складываться антисербские пропагандистские стереотипы, отразившиеся впоследствии на развитии политических событий.

Выборы в Боснии и Герцеговине, а также в Македонии принесли разные результаты. В последней ни одна из партий не получила большинства, так что национальная партия (ВМРО — Демократическая партия македонского национального единства), набравшая несколько больше голосов, чем коммунисты, не смогла добиться преобладания в парламенте, а президентом Македонии был избран К. Глигоров, представитель старой политической элиты. Что касается Боснии и Герцеговины, то там выборы прошли практически по национальным партиям и достаточно точно отразили соотношение трех основных этнических групп в республике. По тому же принципу были

избраны и руководители республики, причем председателем Президиума стал мусульманский лидер А Изетбегович. Сам ход выборов показал возрастание межнациональной напряженности, так что будущее республики по существу оказалось связанным с будущим югославской федерации, в первую очередь с отношениями между Загребом и Белградом.

Выборы на многопартийной основе во всех республиках сопровождались принятием новых республиканских Конституций, в ряде случаев — с декларациями о независимости, в которых оговаривался приоритет республиканских законов перед союзными. Итогом стали фактический распад единого конституционного порядка в стране и возникновение параллельных конституционно-правовых систем (по числу республик). Ненормальность сложившейся ситуации была ясна всем. С конца 1990 г. началась серия заседаний, встреч и консультаций как на уровне Президиума СФРЮ (союзные органы продолжали свою деятельность) с участием представителей всех республик, так и на двустороннем республиканском. Был рассмотрен ряд различных проектов изменения отношений в рамках югославской федерации. Эти встречи помогли выявлению позиций сторон, но в то же время вскрыли их растущие расхождения. Сербия и Черногория стремились сохранить федерацию; Македония и Босния и Герцеговина склонялись к конфедеративному устройству, а Словения и Хорватия выступали за союз самостоятельных и суверенных государств, обставляя его такими условиями, которые выдавали их стремление к выходу из федерации.

Попытки найти политический выход из кризиса наталкивались на нежелание сторон идти на взаимные уступки. Задавала тон в этом процессе Словения, уже приступившая к формированию собственной армии. Словенские предложения об «асимметричной федерации», в которой две республики (Словения и Хорватия) пользовались бы кон-

федеративными правами, а остальные составляли бы федерацию, преследовали на деле цель разъединения страны, отмежевания от федерации. Прогрессирующий паралич федеральных органов власти привел к тому, что переговоры вышли на межреспубликанский уровень. Встреча «шестерки» президентов 6 июня 1991 г. только подчеркнула наличие противоречий, особенно между Сербией и Хорватией по вопросу о положении сербского населения в последней. Было принято решение провести в каждой республике референдумы о будущем статусе Югославии. Однако они так и не состоялись. Сделанные 26 июня 1991 г. по согласованию между собой заявления Словении и Хорватии о своей полной независимости создали новое положение и открыли новый этап в развитии югославского кризиса.

Этногражданская война в Югославии

Односторонние заявления Словении и Хорватии о независимости и выходе из федерации ставили остальных ее членов и все мировое сообщество перед лицом свершившихся фактов. Сразу же возникло несколько проблем, к решению которых никто не был готов: является ли односторонняя декларация о независимости достаточным основанием для международного признания самопровозглашенного государства? Имеет ли федерация как общепризнанный субъект международного сообщества право на защиту своей целостности? Где пределы права наций на самоопределение? Каковы принципы определения границ новых государств? Эти и многие другие вопросы, связанные с правопреемственностью государственных образований, никогда не обсуждались, не было и теоретических проработок их решения. Все они немедленно стали актуальными с лета 1991 г. под влиянием югославских событий. Еще в большей степени актуализировали их события, связанные с распадом Советского Союза в конце 1991 г., причем многие подходы к югославским проблемам создавали определенные международные прецеденты.

Перерастание государственного кризиса в вооруженный конфликт имело свои особенности в каждой из отделившихся республик. В Словении сигнал был подан решением республиканских властей установить свой пограничный и таможенный контроль на границах с Австрией и Италией. При отсутствии соответствующих соглашений с федеральными органами такие действия нарушали общее экономическое пространство и задевали права других республик, поскольку вставал вопрос о границах и праве контроля за ними. Проблема обострялась и тем обстоятельством, что буквально за несколько дней до того было подписано соглашение Словении с Союзным Исполнительным Вече, по которому Словения отказывалась от самостоятельного взимания таможенных пошлин и гарантировала соответствующие отчисления в союзный бюджет. Теперь же речь шла совсем о другом: располагает ли союзный центр средствами настоять на своем решении? Фактически это была проба сил. И федеральные власти отреагировали соответствующим образом, направив югославскую армию взять под контроль пункты перехода границ. Однако ЮНА натолкнулась на вооруженный отпор словенских войск. Последнее было неожиданностью для югославского командования: армейские части не имели приказа стрелять, не располагали боеприпасами, их передвижения носили характер внутреннего перемещения войск. Если бы армия развернула боевые действия, то, по оценке западных военных экспертов, через 2-3 дня вся Словения лежала бы в развалинах. Поэтому основные жертвы (их общее число — 56 убитых и около 300 раненых) пришлось на части федеральной армии, тем более что словенская сторона полностью находилась в курсе всех ее планов и перемещений. Удививший весь мир неожиданный отвод армейских частей с

территории Словении в середине июля 1991 г. был вызван событиями в Хорватии, принявшими иной оборот.

Если в Словении конфликт принял характер противостояния между федеральным центром и этой республикой, добивавшейся независимости (причем центр здесь явно проиграл), то в Хорватии вспыхнули этнические конфликты. Они затронули районы с преимущественным или преобладающим сербским населением. Помимо Сербской Краины (г. Книн), конфликты охватили восточную часть Славонии, Баранью и Западный Срем, где возникла вторая сербская автономная область (центр — г. Вараждин). Отказ хорватского руководства от предоставления двум сербским областям автономии, которая гарантировала бы их права, создал конфронтационную ситуацию. Посылка туда хорватских войск и националистических добровольческих отрядов привела к кровопролитию и антисербским эксцессам. В ответ возникли сербские отряды самообороны. Вину за начавшуюся гражданскую войну хорватские власти постарались возложить на Сербию. Руководство последней не стояло, естественно, в стороне и оказывало поддержку сербским силам как в Хорватии, так и в Боснии и Герцеговине. Впрочем, его действия в этом плане практически ничем не отличались от мер хорватского руководства в поддержку хорватских сил в Боснии и Герцеговине.

В гражданскую войну, вспыхнувшую в Хорватии, оказалась вовлеченной и югославская армия. Ее действия носили двоякий характер. С одной стороны, она выполняла указания федеральных властей по обеспечению контроля за государственными границами страны.

С другой — старалась разъединить враждующие стороны — хорватские формирования и отряды сербской самообороны и добровольцев. ЮНА не ставила перед собой стратегических целей вроде похода на Загреб, о чем постоянно говорила хорватская сторона, обвиняя ее и Сербию в агрессии. Военные столкновения охватили именно те районы Хорватии, где проживало сербское население. Эти районы и подверглись разрушениям (например, районы городов Вараждин и Осиек), а их население понесло значительные жертвы, причем пострадали не только сербы, но и хорваты. Несомненно, однако, что без участия частей ЮНА число жертв этногражданской войны было бы гораздо большим.

Сказанное выше не следует понимать как попытку оправдать действия сербской стороны и югославской федеральной армии. Факты свидетельствуют о том, что было бы несправедливо возлагать всю вину на одну лишь сербскую сторону, а в хорватской видеть только невинную жертву. Между тем именно так стала изображать дело практически с самого начала значительная часть западных средств массовой информации. В этом, собственно, и состояла хорватская стратегия. Отказывая сербскому населению в тех правах, которых добивалась для себя, а затем становясь в позу жертвы сербской

агрессии, хорватская сторона многими действиями (блокада казарм, нападение на мелкие подразделения, гонения на сербское население и т.д.) сознательно провоцировала ответную реакцию федеральной армии. Целью таких действий было добиться международного признания Хорватии как независимого государства. Вторым шагом в этом стратегическом замысле являлось использование международного признания как мощного инструмента принуждения, чтобы заставить федеральную армию очистить контролируемую ею территорию (до трети общей площади Хорватии). В целом такая линия была направлена на интернационализацию югославского кризиса, на использование внешних сил, готовых поддержать Хорватию в ее борьбе против Сербии и остатков югославской федерации.

Кризис югославской государственности сопровождался сужением базы федеральных органов, составленных из представителей всех республик, входивших в федерацию. Но даже несмотря на это, они предпринимали шаги к предотвращению кровопролития в ходе этнических конфликтов. Так, именно Президиум СФРЮ обратился в начале ноября 1991 г. к Совету Безопасности ООН с просьбой немедленно направить в очаги конфликтов в Хорватии миротворческие силы ООН. По мере отъезда представителей Словении, а затем и Хорватии из федеральных органов в них, естественно, увеличивался удельный вес других республик, в первую очередь Сербии и Черногории. Это давало основания враждебным югославской государственности силам (в первую очередь этнократическим кланам отколовшихся от нее республик) идентифицировать «центр» с Сербией и строить на таком отождествлении свою пропагандистскую линию. История этого периода полна фактов как скрытого, так и открытого противодействия представителей отдельных республик усилиям федеральных органов по прекращению конфликтов и разведению враждующих сторон. Особой однозначностью отличались действия хорватского представителя в Президиуме СФРЮ С. Месича. Когда этот орган принял в августе 1991 г. решение о создании комиссии, которая совместно с хорватскими властями должна была добиться прекращения огня, Месич призвал к непризнанию этой комиссии, а Сербию объявить агрессором. Его деятельность продолжалась до тех пор, пока в начале декабря 1991 г. Хорватия не приняла решения выйти из федеральных органов. Возвратившись в Загреб, Месич заявил: «Спасибо за оказанное мне доверие бороться за интересы Хорватии на том участке, который был мне поручен. Думаю, я выполнил задание — Югославии больше нет».

Ряд аналитиков, в том числе и германских, пришел к выводу, что этногражданские конфликты в Хорватии вылились в пропагандистскую войну средств массовой информации, которая вышла далеко за рамки Югославии. Победителем стала хорватская сторона, сумевшая получить поддержку большинства органов СМИ в Западной Европе (прежде всего в Германии и

Австрии) и в США. Проигравшими оказались югославская федерация и Сербия, на которую возлагалась ответственность за этнические конфликты. Односторонность таких оценок была очевидна. Но за ними скрывался не поиск истины, а определенные политические интересы, вылившиеся в конечном итоге в признание независимости Словении и Хорватии, а затем и других республик, и в заявлении о прекращении существования Югославии в ее прежнем виде.

Посылка «голубых касок» в Хорватию для разъединения конфликтующих сторон принесла определенные результаты, хотя главную роль здесь сыграло установление примерного равенства сил. Однако и это умиротворение часто нарушалось, причем наибольшую агрессивность проявляли хорватские формирования.

Эпицентр югославского кризиса все время смещался. С наибольшей силой этнические конфликты разразились в Боснии и Герцеговине. Проведенный здесь в конце февраля 1992 г. референдум по вопросу независимости республики привел на деле к ее развалу. Сербь, составляющие треть ее населения, бойкотировали референдум и образовали Сербскую республику Босния и Герцеговина (Боснийская

Крайна). Хорватское население (17,3% населения республики), среди которого усилилось влияние экстремистской проушташской Хорватской партии права, также оформилось как обособленная этническая группа со своим политическим руководством. Появились и экстремистские «зеленые береты» среди мусульман (они составляли 43% населения республики, насчитывавшего всего 4,4 млн. человек), приехали добровольцы-моджахеды из ряда мусульманских стран. Итоги плачевны. Каждая из этнических групп находится в конфликте с двумя другими, сложилась ситуация «войны всех против всех». Хотя все три стороны несут свою долю ответственности за этнические конфликты, отношение к ним международной общественности, формируемое средствами массовой информации, разное

Различия в отношении к участникам конфликта окончательно сформировались весной 1992 г. К тому времени, после признания независимости Македонии, только две республики — Сербия и Черногория заявили о своей решимости жить и дальше совместно и создали 27 апреля 1992 г. новое федеративное государство — Союзную Республику Югославию (СРЮ). Именно на нее и была возложена ответственность за этнические конфликты в Боснии и Герцеговине, а 30 мая 1992 г. Совет Безопасности ООН ввел экономические санкции против новой, «третьей» Югославии.

Последующие события показали, что эти санкции никак не отразились на дальнейшем развитии конфликтов в Боснии и Герцеговине. Но они поставили СРЮ в положение «мальчика для битья», а против сербского народа ввели на деле принцип коллективной ответственности (осуждаемый между-

народным правом) за действия, которые совершало его руководство, но не только оно одно.

Мировое сообщество и югославский кризис

Невольно возникает вопрос: в чем причина столь односторонних оценок, получивших распространение в западных средствах массовой информации и в правящих кругах ряда европейских стран и США? Им, безусловно, хорошо известны факты, свидетельствующие о том, что ответственность за разжигание национальных конфликтов лежит на этнократических кланах разных республик, которым удалось втянуть в свою борьбу за власть, территорию и собственность широкие слои населения, используя националистические идеи как мобилизационные лозунги. Ответственность за такое развитие событий лежит на хорватских правителях не в меньшей степени, чем на сербских, Ф.Туджман — не больший демократ, чем С Милошевич. И если соответствующие факты не предали гласности, а на многие из них просто закрыли глаза, что исказило картину событий, то причину, по-видимому, надо искать в специфических интересах ряда стран Европейского Союза и НАТО.

Позиция западных держав прошла через несколько этапов развития. Первоначально большинство из них, так же как и Советский Союз, стояли на позициях желательности сохранения единства Югославии в том или ином виде. Более того, государственный кризис и признаки дезинтеграции Югославии вызывали тревогу не только ее соседей, но и Европейского Сообщества и других международных организаций. Однако реакция западной прессы и отдельные нюансы политики ряда европейских государств раскрывают тот факт, что сепаратистские действия Словении и Хорватии встречали тайное или плохо скрываемое поощрение со стороны различных политических сил (например, итальянских либералов, республиканцев в США и т.д.). Звучали слова о необходимости поддержать «некоммунистические» республики Югославии, тогда как сербское руководство стало почти повсеместно называться «необольшевицким». За показной идеологизацией оценок скрывались, однако, определенные геополитические интересы. И они ясно проявились после провала путча в августе 1991 г. в Москве и начала распада Советского Союза.

Параллелизм между процессом распада Советского Союза и позицией европейских держав в ходе развития югославского кризиса наводит на размышления. Вряд ли здесь будет уместно говорить о совпадении событий по времени. Так, трудно отрешиться от мысли, что итоги украинского референдума о независимости 1 декабря 1991 г. и последовавшая затем беловежская

встреча были расценены отдельными сторонами как зеленый свет для их действий. Первой пришла в движение германская дипломатия. ФРГ заявила в декабре 1991 г. о намерении признать независимость Словении и Хорватии еще до рождественских праздников. 17 декабря 1991 г. в Брюсселе состоялось заседание министров иностранных дел стран — членов ЕС, которое приняло Декларацию о критериях признания новых государств в Восточной Европе и на территории бывшего Советского Союза. В ней содержались ссылки на Заключительный акт Хельсинкского Совещания, Парижскую Хартию, принципы самоопределения, Устав ООН, права человека, права национальных меньшинств и этнических групп. Ряд ее положений уточнялся в принятой в тот же день Декларации о Югославии, в которой констатировалась готовность ЕС признать независимость тех югославских республик, которые заявят о таком желании и подтвердят признание обязательств, содержащихся в документе о критериях признания новых государств. В соответствии с этими документами 15 января 1992 г. последовало признание странами ЕС и некоторыми другими государствами Словении и Хорватии, а позднее — и других югославских республик. В феврале 1992 г. последовало признание независимости Словении и Хорватии Российской Федерацией. Тем самым российская дипломатия косвенно признала правомочность документов, принятых ЕС.

Между тем эти документы с самого начала вызывали глубокое недоумение. Прежде всего, во-первых, бросалось в глаза то, что составлявшие в ЕС 12 государств взяли на себя функции, выходявшие далеко за рамки добровольного посредника, и присвоили себе prerogatives СБСЕ как региональной организации и ООН принимать решения, касающиеся судеб суверенного и независимого государства. Во-вторых, декларации ЕС как бы создавали правовую основу для легализации односторонних действий отдельных республик, поощряли сепаратистские настроения и игнорировали существование югославской федерации как субъекта международного права. В-третьих, в декларациях ЕС смешивались понятия государственных границ и административных межреспубликанских границ, что вступало в противоречие с правом наций на самоопределение и открывало возможности применения «двойных стандартов» при решении многих проблем. Последнее обстоятельство заслуживает более пристального внимания. Встает вопрос: как соотносятся декларации ЕС с положениями Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе? В нем принцип нерушимости границ и уважения территориальной целостности государств был признан одной из основополагающих норм международного права. Но Хельсинкский акт гарантировал границы Югославии, а не административные границы ее республик. Эта юридическая норма, а также Хельсинкский

акт оказались нарушенными. Противопоставление им юридически неконкретизированного права наций на самоопределение вплоть до отделения в трактовке деклараций ЕС подразумевало деление наций на две категории: за одними такое право признавалось, для других отрицалось (и как ни странно — со ссылкой на тот же принцип нерушимости границ). Очевидно, что такой «двойной стандарт» открывал простор для произвольного толкования международного права и волонтаристских действий, вплоть до вмешательства во внутренние дела других государств. Многоопытные дипломаты европейских стран как будто не заметили этих противоречий. За такой позицией, надо полагать, скрываются разные мотивы и расчеты, связанные с их традиционными геополитическими представлениями, далеко не всегда совпадающими друг с другом.

Из всех стран Европейского Сообщества Германия наиболее решительно выступила в поддержку Хорватии и внесла наибольший вклад в международное признание ее независимости. С точки зрения Белграда, тогдашний германский министр иностранных дел Г. Д. Геншер полностью перешел на хорватские позиции в ходе югославского кризиса. Это принесло ему крайне нелестные эпитеты в сербской прессе и обвинения в стремлении к гегемонии на Балканах — давней цели Германской империи, а затем «третьего рейха». Конечно, такие оценки представляются крайними. С другой стороны, трудно понять причины, заставившие германскую дипломатию занять столь одностороннюю позицию, которая носит как антиюгославский, так и антисербский характер, особенно если учесть историческое сознание и воспоминания сербов, связанные с годами антигитлеровской борьбы.

Югославский кризис оказал заметное воздействие на многие стороны развития международных отношений. Так, стали заметно снижаться значение и активность такого инструмента, созданного с целью предотвращения конфликтов на Европейском континенте, как СБСЕ. Напротив, возросла роль ЕС, за которым просматривались контуры НАТО. В последнем же настолько усилилось влияние объединенной Германии, что на рубеже 1992—1993гг. стал подниматься вопрос: кто же будет определять политику НАТО в Европе — ФРГ или США? Эти проблемы пришлось решать администрации президента Клинтона, пришедшей к власти в январе 1993 г.

К тому времени югославский кризис имел уже сложную дипломатическую историю, включавшую его многократное обсуждение в Совете Безопасности ООН, отраженное в ряде резолюций, вереницу европейских конференций, многосторонних и двусторонних встреч, деятельность специального посланника Генерального секретаря ООН С.Вэнса и уполномочен-

ного Европейского Союза Д.Оуэна² по решению боснийской проблемы, которые выработали план ее урегулирования (план Вэнса-Оуэна). Этот план предусматривал создание на территории Боснии и Герцеговины девяти кантонов по национально-территориальному принципу и одного смешанного (столица края Сараево). План, как все подобные проекты, был далек от совершенства, фаворизировал хорватскую общину и ущемлял сербскую. Косвенным образом он свидетельствовал об искусственном характере идеи создания республики Босния и Герцеговина, которая всегда была административной единицей, входившей в состав крупного государства.

Новый этап в политике США учитывал сложившуюся к тому периоду ситуацию в развитии югославского кризиса, однако ее движущие пружины заключались в их глобальных геополитических интересах, далеких и от Югославии, и от Балкан в целом. Они исходили из желания укрепить руководящую роль США в НАТО, взять инициативу в свои руки и потеснить в этом вопросе Германию, не входя, однако, в конфронтацию с нею. Тактически американская дипломатия как бы продолжила и даже усилила отдельные черты германского курса, ужесточая позицию по отношению к Сербии. Энергичное подключение к урегулированию югославского кризиса стало первым крупным шагом администрации Клинтона в области внешней политики. Новый госсекретарь, У. Кристофер, выступил в начале февраля 1993 г. с планом разрешения кризиса, который состоял из шести пунктов. В нем был учтен опыт работы комиссии Вэнса-Оуэна. Он содержал моменты, выдававшие стремление предотвратить образование в Боснии и Герцеговине мусульманского государства даже на части территории. Предусматривалось усиление контроля за развитием событий в Македонии и Косово. Для проведения в жизнь решений, которые будут достигнуты, не исключалось применение военных акций ООН, НАТО и даже самих США, что было новым мотивом. В целом этот «мирный план» походил на «мирный ультиматум». К такой характеристике подталкивало и предложение создать трибунал ООН для суда над военными преступниками на югославских землях. Единственный исторический прецедент — Нюрнбергский трибунал — имел в качестве юридической основы безоговорочную капитуляцию гитлеровской Германии. Правовая база подобного предложения вызывала много вопросов и сомнений.

Но главное — США сохранили «презумпцию виновности» Сербии и сербской стороны. И это обстоятельство очень скоро проявило себя. Последовал мощный политический нажим на боснийских сербов с целью заста-

² Впоследствии С. Вэнс и Д. Оуэн стали сопредседателями Координационного комитета Женевской конференции по бывшей Югославии.

вить их принять план Вэнса-Оуэна. Их возражения не выслушивались, поправки отклонялись, давление нагнеталось, прослеживалось желание перейти от политических методов к силовым. Повод для такого развития в создавшихся в Боснии и Герцеговине условиях найти было нетрудно. Им стали события вокруг г. Сребреница. Из этого осажденного города мусульманские силы устраивали рейды на окрестные сербские села. В ответ на творимые ими зверства сербские силы подвергали Сребреницу артиллерийскому обстрелу. Поводом для перехода США и западных держав к силовым актам послужил взрыв, жертвами которого оказались многие люди, стоявшие в очереди за хлебом. Обвинив в случившемся сербскую сторону³, западные державы провели 17 апреля 1993 г. в Совете Безопасности ООН резолюцию об ужесточении экономических санкций против СРЮ, т. е. против Сербии и Черногории.

Сам факт, что санкции были направлены против стороны, непосредственно в конфликте не замешанной и не имевшей отношения к вызвавшему их поводу, наводит на грустные размышления. С этого времени США открыто взяли курс на лидерство в решении югославского кризиса по своему сценарию. Президент Клинтон отдал распоряжение использовать американскую военную авиацию для сбрасывания продовольственной помощи в осажденные мусульманские города, объявил воздушное пространство Боснии и Герцеговины «зоной, закрытой для полетов», боевые самолеты США и других стран НАТО стали осуществлять патрулирование этого пространства. Был поставлен вопрос о непосредственном военном вмешательстве в югославский кризис в форме нанесения воздушных ударов по позициям боснийских сербов. Итогом явились скачкообразный рост напряженности в конце апреля — начале мая 1993 г. и угроза эскалации войны на югославской территории.

Рост напряженности сопровождался очередной волной антисербской пропаганды и замалчиванием причин, побудивших боснийских сербов отказаться от принятия многих пунктов плана Вэнса-Оуэна. Подчеркивая только внешнюю сторону дела, т.е. то, что сербские силы контролировали примерно две трети всей территории Боснии и Герцеговины, западные средства информации не раскрывали действительных реалий. Исторически сложилось так, что большую часть сербского населения составляли сельские жители, а мусульмане в значительной части — городское население. В преимущественно горной стране, какой является Босния и Герцеговина, главную роль играет качество территории, а не ее размеры. По плану Вэнса-

---

³ Позднейшие расследования установили, что взрыв был организован мусульманской стороной с провокационными целями

Оуэна сербы теряли бы четверть территории, на которой они проживали веками. Отводимые им кантоны занимали самые бедные земли. Из 31,4 млрд. долларов, как было оценено все достояние Боснии и Герцеговины, на долю мусульман пришлось бы 18 млрд., хорватам отошло бы 7,3 млрд., а сербам — только 6,1 млрд.; из 920 км железнодорожных путей 500 приходилось бы на мусульманские кантоны, 260 — на хорватские и только 160 — на сербские; из 1200 км современных шоссе сербам уступалось лишь 200; из 3900 мегаватт энергетических мощностей существующих электростанций мусульмане получили бы 1765, хорваты — 1200 (при этом под их контролем находились бы все десять крупных гидроэлектростанций), а сербы — всего 905 мегаватт. В распоряжении сербов не было ни одного из заслуживающих внимания месторождений бокситов, свинца, цинка, железной руды или соли и, соответственно, крупных промышленных предприятий. Все эти факты широко обсуждались на сессии парламента Сербской Республики Боснии и Герцеговины в середине мая 1993 г., который после длившегося 17 часов заседания отклонил план Вэнса-Оуэна. Практически ни один из отмеченных фактов не попал на страницы и телеэкраны западных средств информации.

Мусульманская и хорватская стороны восприняли ужесточение санкций против Сербии как отпущение грехов и усилили антисербскую активность. Вскоре, однако, стали разрастаться столкновения между ними самими. Несмотря на запрет торговли оружием с Боснией и Герцеговиной, мусульманская сторона получила значительное количество вооружения и стала наносить чувствительные удары по хорватским позициям, особенно в районе города Мостар. Ответом было введение на боснийскую территорию подразделений хорватской регулярной армии. Несмотря на общеизвестность этих фактов, международное сообщество не прореагировало на них.

Весеннее (1993 г.) обострение югославского кризиса под влиянием активного вмешательства США отодвинуло наметившуюся было перспективу политического разрешения этногражданской войны на территории Боснии и Герцеговины. В то же время обнаружилось наличие своего рода «иракского синдрома» у ряда западных стран, и прежде всего у США, в подходе к югославскому кризису, представлений о возможности разрешить его путем вооруженной интервенции.

Россия и события в Югославии

Отношение российской дипломатии и общественных сил к событиям в Югославии во многом определялось сходством процессов, сопровождавших распад СССР и Югославии. Они протекали почти параллельно, хотя юго-

славские события развивались несколько опережающими темпами и в иной динамике. Несмотря на общность многих черт (кризис и крушение коммунистических режимов, однотипность социальной анатомии посткоммунистического общества и т.д.), наблюдались, однако, и очень существенные различия.

Во-первых, разную роль сыграли центральные органы власти. В СССР федеральный центр также противостоял сепаратистским тенденциям республиканских этнократических кланов (их существование — общая черта). Но попытка советского центра взять под контроль развитие событий в стране в августе 1991 г. была расценена демократическими силами Российской Федерации как путч и привела к его поражению. Демократические силы в Москве, Ленинграде, других крупных городах, а также российское руководство во главе с Б. Н. Ельциным рассматривали национальные движения в республиках как своих союзников в борьбе против коммунистического центра и режима в стране. Во-вторых, российское руководство стремилось к налаживанию равноправных отношений с другими республиками, признало провозглашение ими независимости и вместе с несколькими из них положило начало складыванию нового сообщества — Содружества Независимых Государств (Беловежская декларация декабря 1991 г.). Это позволило в значительной мере снять остроту проблем, связанных с границами и этническими меньшинствами, т.е. тех проблем, которые стали непосредственной причиной этнических конфликтов в Югославии. В-третьих, этнократические кланы на территории бывшего СССР стали складываться позднее, чем в Югославии, и не смогли ! оказать такого влияния на события. Главное, что эти слои не находились у власти в России. Только в последнее время, наблюдая казавшееся вначале странным братание коммунистов с националистами, мы осознали взрывоопасность этой смеси, составляющей оппозиционный лагерь курсу реформ и демократического развития.

В Югославии, напротив, сербская этнократия идентифицировала себя с федеральным центром, что наложило печать на весь ход развития событий на начальном, решающем этапе. Одностороннее и бескомпромиссное провозглашение независимости Словенией и Хорватией придало с самого начала процессу распада федерации конфликтный характер, не сопровождалось соответствующими усилиями по налаживанию сотрудничества с другими республиками. В массовом сознании сербского населения жили воспоминания о геноциде со стороны хорватских фашистов-устьашей во время войны. Отказ Хорватии гарантировать права сербского населения путем предоставления ему территориальной автономии привел к возникновению сербского ирредентистского движения вначале в Хорватии, а затем в Боснии и Герцеговине. Отсутствие адекватных форм правового урегулирования таких проблем остается заметным пробелом в международном праве.

О собственной политике России в югославском кризисе можно говорить с конца 1991 начала 1992 г., когда произошел распад СССР и прекратило свое существование общесоюзное Министерство иностранных дел. Правопреемственность Российской Федерации в международных делах отнюдь не означала продолжение того курса, который намечался в последний период существования Союза. Напротив, в ряде случаев новый курс строился на антитезе прежнему, и югославские события входили в этот ряд. Новый подход к ним определялся многими обстоятельствами: собственным опытом российского руководства и его участием в Беловежских договоренностях; эйорическими настроениями и ожиданиями тесного сотрудничества с ведущими державами, и прежде всего с США, отношениям с которыми давался абсолютный приоритет; отсутствием понимания, что распад СССР стал исходным пунктом для изменения подхода западных держав и США к проблемам Восточной Европы, включая югославский кризис, да и к самой России. Все эти особенности привели к тому, что

российская дипломатия не выработала самостоятельной линии и допустила перекосы в оценках и ошибки в практических шагах.

Прежде всего, она отошла от тезиса об ответственности всех участников югославского кризиса за вооруженные столкновения и кровопролития и перешла на ту точку зрения, что вина ложится на Сербию и ЮНА. Подход с такой меркой к развитию конфликтной ситуации на территории Боснии и Герцеговины привел к серии шагов, которые уводили в сторону от объективной ее трактовки. Был попросту проигнорирован факт ответственности мусульманской стороны за эскалацию напряженности и ее перерастание в вооруженный конфликт. Последующее признание государственной независимости Боснии и Герцеговины, последовавшее в конце апреля 1992 г., было фактическим поощрением непримиримой позиции мусульманского руководства, хотя формально оно продолжало линию, заложенную признанием независимости Словении и Хорватии.

Но самой крупной ошибкой российской дипломатии стало ее участие в экономических санкциях против Союзной Республики Югославии. Попытки объяснить этот шаг выявили две группы аргументов, которыми могли руководствоваться лица, принимавшие участие в выработке такого решения. Первая группа соображений исходила из имевшихся тогда приоритетов, при которых главное внимание уделялось развитию отношений с западными державами и США. При подобной системе ценностных ориентации российская дипломатия просто не могла позволить себе выступить против инициативы этих стран, вылившейся в решение Совета Безопасности ООН примерно наказать Сербию и Черногорию. Помимо конфликта с Западом, такие действия могли бы быть истолкованы как одобрение силовых действий югославского федерального центра, ассоциируемого с Сербией, и дали бы повод

подозревать Россию в аналогичных намерениях по отношению к странам СНГ и государствам Восточной Европы, которые внимательно следили за событиями и на бывшем советском, и на бывшем югославском пространствах, делая сравнения и проводя параллели между ними.

Несомненно, приведенные соображения нельзя сбрасывать со счета. Первейшая задача дипломатии — не допустить международной изоляции своей страны, не поставить ее в невыгодное положение. Но в таком случае возникает вопрос об уровне разумной достаточности принимаемых мер. Надо ли было обязательно голосовать за санкции и занимать позицию даже более жесткую, чем многие их инициаторы? Или было бы достаточно воздержаться от голосования? Последнее было бы более логичным, если учесть, что незадолго до принятия санкций российская дипломатия не допустила исключения Югославии из ОБСЕ, что, кстати, встретили с пониманием большинство участников.

Вторая группа аргументов, имевшая весьма циничный характер, высказывалась в основном в западных средствах информации. Там обратили внимание на совпадение по времени решения российской дипломатии поддержать санкции с ее же просьбой к западным кредиторам предоставить России мораторий на погашение внешних долгов сроком на пять лет. Увязав воедино эти действия, сторонники такого взгляда назвали поддержку санкций «валютным решением», вызванным надеждами на финансовую помощь Запада. Сам факт появления подобной версии свидетельствовал о подрыве престижа российской дипломатии в глазах западных средств массовой информации.

Поддержка санкций против новой Югославии вызвала волну критики в адрес российского МИД внутри страны. Критические голоса принадлежали разным частям политического спектра, хотя чаще — течениям, настроенным оппозиционно по отношению к президенту и правительству. Это дало повод некоторым поверхностным или предубежденным наблюдателям связать критику санкций с критикой исполнительной власти и наклеить на них общий ярлык. Однако такие оценки продержались недолго. Возобладали более серьезные взгляды тех, кто увидел за начавшейся полемикой запоздалый процесс осознания национально-государственных интересов России.

Центральным моментом для российских аналитиков стали параллели между развитием югославского кризиса и событиями в России и на территории СНГ. Причем параллели зачастую проводили сами участники югославского кризиса. Так, во время визита в Киев в 1992 г. хорватский лидер Ф. Туджман особо подчеркнул, что, с его точки зрения, Хорватия сыграла такую же роль в распаде Югославии, какую Украина — в развале Советского Союза, и делал вывод о необходимости сотрудничества двух стран. Особое внимание привлекала роль внешнего фактора в развитии кризиса. Склон-

ность западных держав к силовому вмешательству и наличие у них «иракского синдрома» наводили также на размышления более общего характера. Не подменяют ли органы Европейского Союза и НАТО сложившиеся ранее международные организации, призванные разрешать возникающие кризисы (например, ОБСЕ и СБ ООН)? Не вырабатывается ли постепенно новый механизм вмешательства в конфликт, разразившийся между бывшими республиками югославской федерации? Не отрабатывается ли в ходе югославского кризиса модель вмешательства в других регионах мира? Не сможет ли впоследствии та же дипломатическая техника быть применена в случае конфликта в рамках СНГ? Эти вопросы представлялись многим российским наблюдателям далеко не праздными⁴

События в Югославии давно уже привлекали их внимание как своеобразная лаборатория отрицательного опыта.

Не прошло мимо наблюдателей и то обстоятельство, что план Вэнса-Оуэна был выработан без участия российской дипломатии. Оценка данному факту могла быть только одна: Россию начали «мягко» отстранять от югославского урегулирования. Бросалось в глаза отсутствие реакции западных держав на начатые весной 1993 г. хорватской армией военные операции в Сербской Краине. Одновременно хорватские части вели боевые действия против мусульман в Боснии, а также игнорировали запрет на полеты в боснийском воздушном пространстве. На все это также закрывали глаза. Подобная демонстрация «двойного стандарта» наводила российских аналитиков на размышления, связанные с проблемами, интересующими Россию, к которым наблюдался такой же подход (например, ущемление прав русскоязычного населения в Эстонии и Латвии, фактически проводимая там политика апартеида и нескрываемых намерений осуществить «этническую чистку» под тем или иным предлогом, причем наблюдатели ЕС не увидели в этом нарушения прав человека).

Обострение ситуации вокруг Боснии весной 1993 г. совпало по времени с внутривнутриполитическими осложнениями в России (апрельский референдум, нагнетание напряженности в результате действий сил, оппозиционных президенту). Но даже не спадавшая и впоследствии, вплоть до конца 1993 г.,

---

⁴ Подобные опасения, похоже, начинают оправдываться. Призывы Э Шеварднадзе направить наблюдателей ООН в район абхазско-грузинского конфликта и разместить здесь миротворческие силы западных держав наряду с намерениями ограничить роль России в «горячих точках» СНГ, попытки националистических лидеров балтийских стран и некоторых государств СНГ использовать «партнерство во имя мира» в рамках НАТО как инструмент противостояния с Россией показывают, что такие опасения нельзя назвать беспочвенными.

внутренняя напряженность не означала уменьшения интереса к югославскому кризису. Более того, он перестал восприниматься как международная проблема и становился фактором внутривнутриполитической жизни страны. Такой поворот будет более понятен, если принять во внимание, что со второй половины 1993 — начала 1994 г. усилился процесс осознания различными политическими партиями и движениями в России ее национально-государственных интересов. И все аспекты югославской трагедии — распад федерации, этногражданские конфликты, воздействие внешних факторов и т. д. — стали особенно актуальны под углом зрения собственных проблем и определения будущих задач.

Выборы в Думу и начало ее деятельности выявили большую степень совпадения точек зрения большинства представленных в ней партий на югославский кризис. Так, практически все депутатские клубы считали необходимой отмену экономических санкций против Сербии и Черногории как явно односторонних и усложняющих урегулирование конфликта. Далее, такое же единодушие наблюдалось во мнении, что надо дать самим участникам конфликта договориться между собой и не позволять внешним силам осложнять их отношения путем фаворизации одних и ущемления других. Наконец, все сходились на том, что российская дипломатия способна внести свой вклад в урегулирование и не дать событиям разрастись в общевосточный конфликт. При этом существовало достаточно ясное представление, что, несмотря на важность балканских проблем, они не должны становиться препятствием для развития отношений России с западными державами и США, которые занимают самые высокие ступени в иерархии ее внешнеполитических приоритетов.

В известной степени можно утверждать, что в начале 1994 г. среди политических сил России сложился своего рода консенсус по вопросам, связанным с югославским кризисом. Это сказалось и на деятельности российской дипломатии, которая стала заметно активнее. Все это проявилось в ходе очередного обострения югославского кризиса в связи с событиями в Боснии и Герцеговине.

Сараевский кризис (февраль 1994 г.) и перспективы югославского урегулирования

Новый кризис назревал долго. Больше того, к нему готовились разные стороны, каждая из которых желала распутать боснийский узел по своему сценарию. Наибольшую активность проявляла американская дипломатия, подключившая к деятельности миротворческих сил механизмы НАТО: в

одном из обращений Генерального секретаря ООН содержались призывы использовать возможности этого военного блока для контроля за выполнением принятых решений.

В самой Боснии и Герцеговине в конце 1993 — начале 1994 г. наиболее ожесточенными были столкновения между хорватами и мусульманами. Окрепшие мусульманские силы, получившие неведомыми путями оружие, а также поддержку моджахетдинов-добровольцев из других исламских стран, стали наносить чувствительные удары по хорватам и контролируемым ими регионам. В ответ активизировался появившийся там «ограниченный контингент» регулярных хорватских войск. В целом обстановка в Боснии отличалась крайней запутанностью: в отдельных ее регионах конфликтующие стороны то вели борьбу по принципу «все против всех», то составляли непрочные комбинации по типу «два против одного». Никакой логики в этих комбинациях не было — их эфемерное существование определялось либо временной целью, либо даже личными отношениями лидеров местных группировок. Вместе с тем в Женеве продолжались поиски согласия для урегулирования конфликта. Но они во все возрастающей степени стали наталкиваться на противодействие мусульманской стороны, которая расширяла объем своих требований и претензий, чувствуя усиливающуюся поддержку ряда сил. В итоге наметилось сближение между сербами и хорватами в самой Боснии и Герцеговине. Начались двусторонние контакты между официальными представителями Хорватии и Сербии.

Характерной чертой стала активность исламских государств. В первых числах февраля 1994 г. Сараево посетили премьер-министр Турции Т.Чиллер и премьер-министр Пакистана Б. Бхутто. Визит двух высокопоставленных дам свидетельствовал о новом рубеже в политике исламского мира по отношению к югославскому кризису. Заявления в мусульманских странах о готовности поддержать братьев по вере в Боснии и Герцеговине раздавались уже давно. Появление там моджахетдинов было не случайным явлением. Но для начала широких действий, как известно, нужен повод. А спрос рождает предложение.

7 февраля 1994 г. на сараевском базаре произошел взрыв. Он унес жизни почти 70 человек, более 200 получили ранения. Это трагическое событие произвело удручающее впечатление. Реакция последовала незамедлительно. Среди стран Европейского Союза и Атлантического альянса сразу же сработала «презумпция виновности» сербов в Боснии. Гневные голоса потребовали нанести воздушные удары по сербским позициям вокруг Сараево. Базы НАТО были приведены в боевую готовность. Начались консультации политиков и военных. Короче, пришли в движение все политические механизмы с уже заложенными в них программами действий.

Совет НАТО, созданный по инициативе Европейского Союза, предъявил ультиматум боснийским сербам. 11 февраля Совет НАТО потребовал от них в

10-дневный срок отвести тяжелое вооружение на 20 км от Сараево. Если сербская артиллерия и танки останутся после этого срока в запретной зоне, по ним будет нанесен воздушный удар. Артиллерия мусульман в этом районе также должна была быть взята под международный контроль, но никаких ультиматумов им не предъявлялось. И хотя идея демилитаризации района Сараево, высказывавшаяся и прежде, отвечала целям мирного урегулирования, односторонность подхода к участникам конфликта бросалась в глаза.

Хотя толчком к действиям НАТО стали взрыв и вызванные им жертвы, ответственность сербской стороны так и не была установлена. Более того, другие выдвинутые версии указывали на мусульманскую сторону как организатора этого террористического акта. Доказательств в поддержку такого предположения имелось достаточно, а предыдущие события изобиловали фактами, свидетельствующими о провокационных действиях, предпринимавшихся мусульманами с целью вызвать вмешательство извне в свою пользу. Односторонняя позиция, занятая НАТО, на деле превращала этот блок в прямого участника конфликта. Антисербская направленность его действий была подчеркнута демонстративной рекомендацией членам семей дипломатических представителей США и некоторых других стран покинуть Белград до истечения срока ультиматума боснийским сербам. Тем самым как бы косвенно расширялась сфера возможного применения сил НАТО, осуществлялось давление на Сербию.

Чрезвычайную важность приобрел вопрос о международно-правовой базе действий НАТО. Вправе ли этот блок присваивать себе прерогативы Совета Безопасности ООН и даже подменять его? Ссылки на принятые им ранее резолюции не могли скрыть того факта, что создавался весьма опасный прецедент для всей системы международных отношений.

Начало отсчета срока действия ультиматума НАТО привело фактически к международному кризису. Даже среди ряда участников этого блока возникли опасения, как бы реализация угроз и нанесение воздушных ударов не привели к ответным действиям и эскалации конфликта вплоть до его перерастания в «балканскую войну». Озабоченность непредсказуемостью последствий военных действий стала проявлять и американская администрация. Сами же боснийские сербы, загнанные в угол, готовились к обороне и дальнейшим тяжелым испытаниям. В таких условиях российская дипломатическая инициатива и действия специального представителя Президента России, заместителя министра иностранных дел В. И. Чуркина помогли найти выход из того тупика, который создался в результате акций НАТО.

Действия российской дипломатии показали, что без России, традиционно игравшей одну из ведущих ролей на Балканах, достичь прекращения конфликта на территории Боснии и Герцеговины, а также урегулирования югославского кризиса либо невозможно, либо очень трудно. Она нашла

формулы, позволившие снять возражения боснийских сербов и их опасения, что освобождаемая ими территория будет занята мусульманскими силами. Огромное значение имело при этом доверие, испытываемое сербской стороной по отношению к России.

Российская инициатива положила начало новому этапу урегулирования югославского кризиса. Помимо самих участников конфликта, особую ответственность взяли на себя представители великих держав, конкретно — России и США. Их согласованные действия, основанные на учете всех особенностей югославской ситуации, были бы способны содействовать решению сложнейших вопросов. Помимо прочего, такое сотрудничество великих держав может опираться только на принцип стратегического партнерства между ними как в целом, так и в политике по отношению к балканскому региону. Однако Вашингтон несколько нервно отреагировал на российские действия и постарался принизить их успех. В двусторонних отношениях это проявилось в раздувании «шпионских страстей» (дело супругов Эймс в начале марта 1994 г.), а на Балканах — в ставке на достижение хорватско-мусульманского урегулирования в Боснии и Герцеговине (по принципу «два против одного»).

Американская инициатива в Боснии подавалась рядом представителей американской администрации как своеобразный ответ на «российский вызов». Ее смысл заключался в создании федерации двух этнических групп, которая состояла бы из полуавтономных кантонов (использование элементов плана Вэнса-Оуэна). Такая федерация впоследствии создаст конфедерацию с Хорватией, что будет служить противовесом СРЮ (т. е. федерации Сербии и Черногории).

Американская инициатива объективно была направлена на раскол Боснии и Герцеговины. Однако на словах декларировалась задача сохранения ее целостности. И это было не случайно: такая постановка вопроса ставила сербскую сторону в Боснии, отказ которой от подобной комбинации можно было без труда просчитать заранее, как бы в положение раскольника и, следовательно, облегчала задачу оказания на нее давления. Уже на предварительной стадии не скрывались замыслы резко уменьшить контролируемую сербами территорию, «спрямив» границы, разделяющие этнические группы; заблаговременно были высказаны предостережения от слияния боснийской Сербской Республики с собственно Сербией (не допустить «аншлюса»!). Вместе с тем устранялась перспектива образования самостоятельного мусульманского государства.

Подписание в конце марта 1994 г. в Вашингтоне соглашения о создании хорватско-мусульманской федерации боснийским президентом А. Изетбеговичем и президентом Хорватии Ф. Туджманом стало заметной вехой в осуществлении американского сценария разрешения югославского кризиса. Выска-

занное намерение этой федерации вступить в конфедеративные связи с Хорватией придавало обращению к боснийским сербам присоединиться к хорватско-мусульманскому соглашению в известной мере сатирические черты. Последовавший ответ был дан на том же уровне: сербы соглашались присоединиться к этому соглашению, если реорганизованная таким образом Босния и

Герцеговина проявит желание вступить в Союзную Республику Югославию. В целом американский сценарий носил по-прежнему антисербский характер.

Почти два месяца спустя после сараевского кризиса новое серьезное осложнение в Боснии и Герцеговине привело к очередному международному обострению. Первоначально события развивались по привычному сценарию. Наступление в конце марта 1994 г. мусульманских «зеленых беретов» из района г. Горажде против сербских позиций практически не привлекло внимания наблюдателей сил ООН. Его возбудило лишь сербское контрнаступление, которое привело к занятию сербскими силами командных высот вокруг Горажде. Сербская артиллерия начала обстрел города, где скопилось много беженцев, преимущественно мусульман.

Таким образом, обе стороны нарушили взятые на себя обязательства. Но последствия оказались для них разными. 10 и 11 апреля авиацией НАТО были нанесены удары по сербским позициям. Следующим шагом НАТО стало объявление боснийским сербам ультиматума, угрожавшего уничтожением военных целей в радиусе 20 км вокруг Горажде, если они не прекратят наступления на город и не отойдут от него на 3 км. С некоторым запозданием сербы пошли на принятие этих условий, чем завершились почти трехнедельные бои.

Действия мусульманской стороны имели другой характер. Ее представители на разных уровнях требовали от США и других стран НАТО решительных военных мер против боснийских сербов.

События вокруг Горажде оказали воздействие на позицию великих держав. Для ряда из них встал вопрос: каков был механизм принятия решений о нанесении воздушных ударов? Внешне дело выглядело так, будто решение было принято командующим «голубыми касками» британским генералом М. Роузом и после кратких консультаций с уполномоченным ООН Я. Акаси поспешно реализовано силами НАТО. В итоге «позабыли» проконсультроваться с Россией. Тем самым была нарушена договоренность о том, что в боснийском урегулировании США и Россия будут действовать согласованно. Естественно, это породило раздражение в Москве. Таую же реакцию вызвали и действия боснийских сербов. Возник вопрос: кто же контролирует их военные силы? Помимо противоречий в позициях лидера боснийских сербов Р. Караджича и командующего их вооруженными силами генерала Р. Младича, оба они разошлись также с курсом президента Сербии

С. Милошевича. Неудивительно, что у российской дипломатии сложилось впечатление, будто все они используют Россию как прикрытие для достижения своих целей. Поэтому в период усиления боев вокруг Горажде последовало категорическое требование Президента России отвести сербские войска от города и позволить войти в него миротворческим силам ООН.

В США в те дни вновь зазвучали голоса «ястребов», требовавших подвергнуть бомбардировке не только позиции боснийских сербов, но и территорию собственно Сербии, а также отменить эмбарго на поставку оружия мусульманским силам. Это вызвало разногласия между США и их европейскими союзниками по НАТО, в первую очередь Францией и Великобританией.

С весны— лета 1994 г. поиски мирного урегулирования на югославском пространстве вышли на передний план в международных отношениях и в политической жизни ряда стран. В мае в Женеве состоялась встреча глав дипломатических ведомств России, США, Великобритании, Франции, ФРГ и представителей ЕС и ООН, созванная по инициативе российской и французской дипломатии. На ней было рассмотрено предложение европейских стран о разделе территории Боснии и Герцеговины между ее этническими группами по формуле: 49% территорий передать сербам, а 51%— созданной в марте 1994 г. мусульманско-хорватской федерации. Такое предложение встретило поддержку США и России. Началось составление карты территориального раздела Боснии и Герцеговины; она была передана воюющим сторонам Контактной группой, созданной пятью державами (Россия, США, ФРГ, Франция и Великобритания).

Предложения Контактной группы отражали американскую позицию с присущей ей антисербской установкой. Западная пресса откровенно признавала, что эти планы перечеркивают все проекты создания «Великой Сербии», т. е. объединения в одно государство всех населенных сербами территорий. Предложения были отрицательно восприняты сербскими политическими течениями как в собственно Сербии, так и в боснийской Республике Сербской и в Сербской Краине.

Летом 1994 г. началась широкая кампания давления и запугивания сербской стороны, чтобы заставить ее принять план Контактной группы. Поддержав в основном этот план, российская дипломатия заняла более гибкую позицию в двух вопросах. Во-первых, считала она, если мусульманско-хорватская федерация решила объединиться с Хорватией, то боснийские сербы, в свою очередь, должны получить аналогичное право объединиться с Сербией. Во-вторых, принятие плана Контактной группы должно сопровождаться поэтапным снятием экономических санкций. Обещая свою поддержку в этих вопросах и выступая как бы в роли посредника между странами НАТО и сербами, российская дипломатия добилась согласия президента Сербии С. Милошевича присоединиться к плану Контактной группы. Это

повлекло, в свою очередь, его разрыв с руководством боснийской Республики Сербской, расценившим эти предложения как «смертный приговор». Под давлением Контактной группы правительство СРЮ закрыло 4 августа 1994 г. границу с Боснией и дало согласие на контроль за блокадой со стороны наблюдателей ООН.

Усиление нажима на боснийских сербов шло по всем линиям. Принимались меры по укреплению мусульманско-хорватской федерации. С этой целью приступили к реализации плана введения администрации Европейского Союза в г. Мостар. Одновременно боснийским сербам устанавливались сроки принятия ультимативных требований Контактной группы. Администрация президента Клинтона пригрозила, что если до 15 октября 1994 г. боснийские сербы не согласятся признать предложенный им план, то с 15 ноября будет отменено эмбарго на продажу оружия мусульманам.

Тем временем мусульманская сторона постаралась изменить положение дел в Боснии и Герцеговине в свою пользу. В августе 1994 г. мусульманские (и хорватские) силы развернули военные действия против сербских позиций севернее Сараево, а также в Посавинском коридоре, около города Брчко. Удача сопутствовала мусульманским силам.

Осуществление американского сценария мирного урегулирования в Боснии и Герцеговине вызвало нежелательные для США политические последствия. Ставка на силовое решение и перспектива продолжения натовских бомбардировок сербских позиций вызвали несогласие со стороны Франции и Великобритании. Их позиция, вероятно, повлияла на Генерального Секретаря ООН Б. Бутроса-Гали. В письме членам Совета Безопасности ООН от 25 июля 1994 г. он предложил Контактной группе создать специальные международные силы, которые взяли бы на себя ответственность за поддержание мира также в Хорватии и Македонии.

Тем временем события в Боснии и Герцеговине преподносили новые сюрпризы. Осенью 1994 г. разразился скандал вокруг командующего силами ООН в Боснии генерала М. Роуза. Его несогласие с односторонней анти-сербской позицией вылилось в острые противоречия с руководством НАТО и представителями Вашингтона. В результате была достигнута договоренность о том, что наследником Роуза с 24 января 1995 г. станет другой британский генерал — Р.Смит, у которого существовали хорошие отношения с американским командованием.

В Вашингтоне боснийские проблемы вызвали размежевание политических сил. Часть их выступила за пересмотр подхода к мирному урегулированию. Наиболее показательным стало выступление бывшего государственного секретаря Г.Киссинджера по американскому телевидению 28 ноября 1994 г. Он констатировал ответственность США за эскалацию гражданской войны в Боснии и Герцеговине, а также признал утопичной их цель

искусственного сохранения боснийского государства, не имеющего исторических основ. «Если сербы, хорваты и мусульмане не могли ужиться в большой Югославии, то как они смогут жить в маленькой Боснии?» — спрашивал Г. Киссинджер.

Причины такого поворота заключались в усилении расхождений, которые вызывали балканские проблемы, в рамках НАТО, а также в наметившейся перспективе «американизации» войны в Боснии. Суммировав эти соображения, министр обороны США У. Перри отлил их в краткую военную формулу: «НАТО важнее Боснии».

Разногласия в НАТО имели более серьезную подоплеку. В начале декабря 1994 г. турецкая газета «Хуриет» опубликовала интервью с только что вышедшим на пенсию начальником турецкого генштаба генералом Д. Гюрешем. Он заявил, что у НАТО имеются три плана вооруженной интервенции против сербов, в которой должны были бы участвовать не менее 60 тыс. человек. При этом США должны были предоставить дивизию, Турция — бригаду. Германия, Франция и Великобритания с этим не согласились. Складывалось впечатление о наличии обширного замысла по превращению всей территории Балкан в своеобразный заповедник НАТО.

Наметившийся в таких условиях поворот в подходе ряда государств к конфликту в Боснии был использован президентом Республики Сербской Р. Караджичем, который неоднократно заявлял, что главным препятствием на пути к мирному разрешению боснийского конфликта была политика США. Поэтому он обратился к бывшему президенту США Дж. Картеру с предложением выступить посредником в деле боснийского урегулирования. Картер после консультаций с администрацией президента Клинтона дал свое согласие.

Миссия Картера в Боснию и Герцеговину 18-20 декабря 1994 г. стала крупным дипломатическим событием. Он посетил города Пале (местопребывание правительства Республики Сербской), Сараево, Загреб, Белград, неоднократно встречался с Караджичем, а также с боснийским президентом Изетбеговичем, сербским президентом Милошевичем, представителями США и миротворческих сил ООН. Центральным моментом стала достигнутая между Картером и Караджичем договоренность о прекращении огня, заключении перемирия сроком на четыре месяца, во время которого будут возобновлены переговоры между конфликтующими сторонами. В их основу лег план Контактной группы, но в новой интерпретации, а именно: никаких предварительных условий и требований, возможность обсуждать любые вопросы и добиваться взаимоприемлемых решений. Одновременно с перемирием должна быть обеспечена свобода доставки и оказания гуманитарной помощи, свобода передвижения населения и соблюдение всеми сторонами гражданских прав, обмен военнопленными. Текст соглашения, подписанный

Дж.Картером, Р.Караджичем и генералом Р. Младичем, был передан мусульманской стороне как база для возобновления переговорного процесса.

Итоги миссии Дж. Картера давали основания для умеренного оптимизма, хотя настораживали попытки принизить ее значение, подчеркнуть ее частный характер и т.д. В осуществление достигнутых договоренностей было подписано соглашение о перемирии в Боснии, которое вступило в силу 31 декабря 1994 г. Возобновила свою деятельность Контактная группа. Начались встречи конфликтующих сторон.

Но, как выяснилось позднее, последовавший четырехмесячный период был заполнен не поисками мирного урегулирования, а разработкой планов силового решения.

Американский сценарий решения конфликта

По истечении срока перемирия, в начале мая 1995 г., хорватская армия организовала «молниеносную войну» против Сербской Краины. Операция (кодовое наименование «Вспышка») с применением авиации, танков и тяжелой артиллерии завершилась оккупацией части ее территории. Она показала, что хорватская армия, перевооруженная новейшим натовским оружием под руководством германских инструкторов и американских советников, значительно повысила свою боеспособность. Ее действия на территории, находившейся под формальной защитой «голубых касок» ООН, привели к многочисленным жертвам среди мирного населения и бегству десятков тысяч сербов на территорию Боснии. Мировое сообщество никак не отреагировало на хорватскую агрессию и по существу смирилось с этим актом геноцида против сербов. Следствием было усиление позиций «ястребов» в Хорватии. Эти события дали «зеленый свет» последующим действиям, явились предварительной пробой возможной реакции мирового общественного мнения.

В июне под прикрытием «зон безопасности» развернулось наступление мусульман против боснийских сербов в районе Сараево. Ставка делалась на накопленные современные вооружения, реорганизацию и концентрацию войск на решающих направлениях, большое

число наемников из стран Востока (более 6 тыс. чел.), а также тяжелое положение сербов вследствие блокады ООН. Вновь ярко проявилась политика двойных стандартов. Действия хорватских и мусульманских сил в лучшем случае встречали словесные упреки. Попытки же сербов предпринять контрмеры привели к ударам ВВС НАТО (как всегда, без предварительного уведомления российской дипломатии).

Начало августа ознаменовалось завершающей операцией (кодовое наименование «Буря») хорватской армии против Сербской Краины. Военных

действий такого масштаба не было за всю историю югославского кризиса. Захват большой территории сопровождался самой массовой «этнической чисткой»: более 200 тыс. сербов бежали с мест, где они проживали многие сотни лет. Нападения на них, убийства и насилие прошли, как всегда, не замеченными для мирового сообщества.

Летние события вызвали разгул шовинизма в Хорватии и среди боснийских мусульман. Руководство последних решило подтолкнуть события в желательном направлении испытанным способом. 28 августа 1995 г. на базарной площади в Сараево прогремел очередной взрыв. По всем параметрам он был «родным братом» взрыва здесь же в феврале 1994 г. Хотя последующая экспертиза установила, что он не мог быть произведен снарядом, выпущенным из тяжелого орудия с сербских позиций, вновь обвинена была в террористическом акте сербская сторона. Телевизионная съемочная группа, прибывшая на место трагедии с подозрительной быстротой, обогнав представителей правоохранительных органов, показала всему миру тела 37 убитых и 85 раненых. И хотя за неделю до этого наблюдатели ООН были уведомлены разведывательными службами о готовящейся провокации мусульманской стороны, западные средства массовой информации обрушили свое негодование на сербов, а НАТО приняло решение о начале широко-масштабных бомбардировок сербских позиций.

С преддвух часов 30 августа 1995 г. военная авиация НАТО стала наносить непрерывные удары по позициям и тылам боснийских сербов. Начавшись с окрестностей Сараево, удары распространились затем на всю территорию Боснии. Бомбардировкам подверглись не только боевые позиции, но и склады вооружения и боеприпасов, склады горючего, заводы и мастерские, дороги, мосты, другие сооружения, имеющие стратегическое значение. Если учесть жесткую блокаду, которой подверглись боснийские сербы (равно как и Союзная Республика Югославия в составе Сербии и Черногории), то будет ясна вся тяжесть последствий этих ударов. Одновременно началось размещение натовских сил быстрого реагирования вначале на базах в Хорватии, а затем и на территории Боснии. Можно констатировать, что с этого времени НАТО из активного пособника мусульманской и хорватской сторон в югославском кризисе превратилось в прямого соучастника войны против боснийских сербов

Под прикрытием натовского воздушного зонтика перешли в наступление вначале мусульманские силы. 11 сентября, поправ все правила и международные нормы, на боснийской территории развернула боевые действия против сербов хорватская регулярная армия. Военная мощь НАТО, брошенная на чашу весов, склонила ее в пользу мусульманской и хорватской сторон. Белград не проявил готовности к вмешательству. Эскалация конфликта приняла гротескный характер. Наступательные действия хорват-

ских и мусульманских войск продолжались больше месяца, до 12 октября (дата очередного перемирия), создавая конфигурацию фронтов, близкую к предложениям Контактной группы по разделу территорий, отвергнутым ранее боснийскими сербами как несправедливые и дискриминационные. Параллельно шли «этнические чистки», делая будущую политическую карту более пластичной для политиков.

Одновременно с активизацией боевых действий, летом 1995 г. на политической сцене появилась специальная американская дипломатическая миссия во главе с Р. Холбруком. Ее действия были синхронизированы с операциями хорватских и мусульманских войск. Миссия стремилась реализовать в политическом плане радикальный стратегический сдвиг, достигнутый вследствие военного вмешательства НАТО. Ее усилия были направлены на изоляцию и устранение с политической арены как самостоятельной силы руководства боснийских сербов, на проведение в жизнь планов Контактной группы. Используя методы челночной дипломатии, миссия стремилась не допустить углубления разногласий с европейскими союзниками США по НАТО и привлечь их к осуществлению намеченных планов. Прилагались усилия, чтобы оттереть в сторону российскую дипломатию. К тому времени ООН уже находилась на втором плане, а Совет Безопасности принимал заявления, воспринимавшиеся как отпущение грехов мусульманских и хорватских войск, продолжавших военные действия даже после подписания соглашения о перемирии. США выступили с грозным предупреждением: любой обстрел Сараево станет поводом для воздушных ударов. Обстрел последовал: мусульманский снаряд взорвался в сербской части города, вызвав жертвы и разрушения. Однако даже слов упрека не было произнесено: угрозы были предназначены только сербам.

«Мирный диктат» в Дейтоне и превращение Балкан в протекторат НАТО

Начавшиеся в ноябре на военно-воздушной базе в г. Дейтоне (штат Огайо) переговоры о мире в Боснии и Герцеговине проходили трудно. Разыгравшиеся аппетиты хорватской и мусульманской сторон, представленных Ф. Туджманом и А. Изетбеговичем, не раз заводили их в тупик. Боснийских сербов представлял С. Милошевич, у которого возникли крупные разногласия с боснийским руководством. Три недели «выкручивания рук» завершились подписанием 21 ноября 1995 г. соглашения, которое отразило новую расстановку сил в мире, в Европе и на Балканах. В основе его лежат предложения Контактной группы, ухудшенные развитием событий. В принципе это «мирный» диктат, навязанный силой НАТО.

Для поддержания военного перемирия было намечено размещение крупного контингента натовских сил (60 тыс. солдат), половина из которых

будет американской. На силы НАТО была возложена обязанность контроля за разведением конфликтующих сторон, соблюдением границ их разъединения за выполнением соглашения в целом.

Среди гражданских проблем в соглашении выделялось по своей значимости положение, предусматривавшее номинальное сохранение единства Боснии и Герцеговины. Намечались контуры ее будущей Конституции. Это государственное образование должно было состоять из двух частей — Хорватско-мусульманской федерации и Республики Сербской, т. е. сербской части Боснии. Провозглашалось намерение возвратить беженцев в места их прежнего проживания, соблюдать права человека, провести выборы в общие органы Боснии и Герцеговины и т. д.

Внимательное изучение Дейтонского соглашения обнаруживает много внутренних противоречий в его положениях. Босния и Герцеговина никогда в прошлом не существовала как единое независимое государство, а всегда была только провинцией в рамках других государств — Турецкой империи, Австро-Венгрии и Югославии. Поставив целью сохранить ее единство, соглашение дало на деле мощный толчок дальнейшему ее этническому расслоению, причем не на две, а на три части. Недостижимость этой цели отмечалась неоднократно многими наблюдателями. Так, например, еще за год до подписания Дейтонского соглашения бывший государственный секретарь США Генри Киссинджер в выступлении по американскому телевидению 28 ноября 1994 г. подчеркнул ответственность США за эскалацию этногражданской войны и искусственность цели сохранения единого боснийского государства. «Если сербы, хорваты и мусульмане не могли ужиться в большой Югославии, то как они смогут жить в маленькой Боснии?» — спрашивал Г. Киссинджер. Вряд ли стоит обвинять составителей Дейтонского соглашения в отсутствии реализма или политической наивности. Постановка заведомо невыполнимой цели свидетельствует скорее о наличии тайных замыслов, которые породили и другие парадоксы и противоречия соглашения.

Характерно, что в конечном итоге соглашением оказались недовольны все непосредственные участники конфликта. Сербы — потому что не могут воссоединиться с Сербской Республикой. Они рассматривают соглашение как дискриминационное. Сербская Крайна — ныне «очищена» от сербов и фактически потеряна ими. Судьба 150 тыс. сербов, проживавших в Сараево, который теперь должен был полностью перейти под юрисдикцию мусульманских властей, оказалась под вопросом. Сейчас в Сараево сербов практически не осталось. Выходит, что эта «этническая чистка» стала прямым следствием Дейтонского соглашения. Хорватское руководство, стремившееся к разделу Боснии и инкорпорации ее части, недовольно существованием хорватско-мусульманской федерации. Мусульманское ру-

ководство считает, что оно не достигло своей главной цели — создания исламского государства, и не скрывает, что будет продолжать добиваться ее. Можно ли считать такой мир (официально он был подписан тремя президентами 14 декабря 1995 г. в Париже) прочным и способным удержаться на длительный срок без военного присутствия НАТО?

На югославских территориях установился «новый порядок». Западные средства массовой информации радуются, что сорван замысел создания «Великой Сербии» (т. е. государства, которое объединяло бы все населенные сербами земли). При этом закрывают глаза на создание «Великой Хорватии», которая близка к существовавшему во времена нацистской оккупации «Независимому Государству Хорватии» не только по территории, но и по функциям. Именно Хорватия и оказалась основным фаворитом Дейтонского соглашения: оно оставляет все хорватские завоевания в ее руках, а перспективы возвращения сербского населения в Сербскую Крайну близки к нулю. Поэтому хорватское руководство выражает умеренное удовлетворение. Для сербов же (причем во всех частях бывшей Югославии) это проигранная война. Кому же она проиграна? Вооруженным силам НАТО! Собственно, и представители НАТО ведут себя по отношению к Республике Сербской как к побежденной стороне. Только в ее адрес сыплются угрозы применить военные, экономические и иные санкции в случае малейшего отступления от Дейтонского соглашения. Хотя в

самом соглашении она и была признана, но поставлена в неравное положение по сравнению с Мусульманско-хорватской федерацией. Последней разрешено впоследствии установить конфедеративные отношения с Хорватией. Об аналогичном праве Республики Сербской на конфедерацию с Сербией или СРЮ умалчивается. Руководству ее было отказано и в праве подписать Дейтонское соглашение: против него уже давно велась пропагандистская кампания и выдвигались обвинения в военных преступлениях.

Летом 1996 г. американская дипломатия предприняла чрезвычайные меры, чтобы свести с политической сцены руководство боснийских сербов — президента Р. Караджича и генерала Р. Младича, не дать им участвовать в намеченных на сентябрь выборах. С этой целью на Балканы в июле был направлен специальный посланник президента США Р. Холбрук. Он дважды побывал в Белграде, посетил другие столицы новообразованных государств. Торг велся как на восточном базаре — с большим запросом. Холбрук угрожал президенту Сербии Милошевичу, что если Караджич не будет выдан Гаагскому трибуналу, то боснийской Сербской радикальной партии не будет позволено участвовать в предстоящих выборах. Такая воинственность встретила возражения европейских членов НАТО. Они опасались, что попытка ареста Караджича спровоцирует возобновление военных действий. Эти опасения разделял и министр обороны США У. Перри. Все стороны

удовлетворились заявлением Р. Караджича об уходе из политики и отказе от всех постов.

Прошедшие в сентябре 1996 г. в Боснии и Герцеговине выборы подтвердили высказывавшиеся ранее прогнозы: в каждой из трех частей этого образования на деле сложилась однопартийная система, партии же (независимо от их названий) строились на этническом принципе. И большинство избирателей отдали свои голоса собственным этническим общинам. В итоге обозначилось их противостояние, чреватое политическим тупиком. Такое положение может повлечь за собой обострение обстановки в любой момент и под любым предлогом. Единственное надежное средство сдерживания— присутствие войск НАТО. Но как раз в этом пункте цель и средства поменялись местами.

В свое время Совет Безопасности принял решение о присутствии войск НАТО на территории Боснии и Герцеговины до декабря 1996 г. С самого начала было ясно, что такое ограничение являлось пропагандистским прикрытием и недобросовестной игрой с общественным мнением. Мероприятия, проводимые командованием НАТО на Балканах и в Боснии, показывают, что они рассчитаны на длительный срок и массированное военное присутствие на территории Боснии.

После завершения переброски войск НАТО в Боснию здесь началось строительство военных баз. Особое внимание привлекли военные аэродромы в городах Тузла и Сараево. Фактически размещение войск в Боснии стало составным звеном более широкого плана развертывания сил НАТО на Балканах. Уже сейчас Хорватию рассматривают как стратегического партнера НАТО. Здесь под городом Славонски Брод началось строительство американской военной базы. Делаются значительные вложения в модернизацию портов Плоче и Сплит на Адриатическом море. Идет реконструкция хорватских военных аэродромов. Три военных базы НАТО созданы на территории Венгрии, для чего были использованы бывшие военные городки Советской Армии. Если принять во внимание создание военно-воздушной базы США на территории Албании и размещение американских войск под флагом НАТО в Македонии, то создается достаточно ясная картина. Балканы превращены в плацдарм НАТО в Европе за пределами границ военной ответственности этого альянса.

Такое расширение сферы НАТО нельзя рассматривать изолированно от планов расширения альянса на Восток. В этой связи можно высказать предположение, что любые события, оправдывающие сохранение войск НАТО в Боснии, не будут идти вразрез со скрытыми замыслами создателей Дейтонского соглашения. Отсюда и противоречивость той его части, которая касается гражданского урегулирования. Постулат о сохранении единства Боснии

и Герцеговины становится удобным оправданием для пребывания войск НАТО и на территории боснийских сербов.

Дейтонское соглашение и интересы России на Балканах

Государственным интересам России отвечает установление этнического мира на территории бывшей Югославии и превращение Балкан в зону мира и безопасности. Поэтому российская дипломатия поставила свою подпись под Дейтонским соглашением вместе с другими членами Контактной группы. Однако Россия подписала соглашение с оговоркой: «за исключением Приложения I». Тем самым она выразила несогласие с двумя его составными частями, а именно: «Приложение I.A. — Соглашение по военным аспектам мирного урегулирования» и «Приложение I.B. — Соглашение по региональной стабилизации». Именно в них идет речь о блоке НАТО и участии его сил в мирном урегулировании.

Пока исследователи не располагают материалами, которые позволили бы судить о мотивах такой оговорки. Можно лишь высказать предположение, что российская дипломатия была заинтересована в прекращении военных действий и кровопролития, но выражала одновременно несогласие с перспективой долгосрочного оставления войск НАТО в Боснии и Герцеговине.

При мирном урегулировании российская дипломатия всегда исходила из необходимости равного отношения ко всем сторонам конфликта. Каждая из них несет свою долю ответственности. Ни одна из них не безгрешна. Дейтонское же соглашение не устраняет такую односторонность, сохраняет практику «двойных стандартов». В долгосрочной перспективе оно не может служить образцом для мирного урегулирования конфликтов. На деле оно закладывает образец механизма для вмешательства НАТО в дела других стран и регионов. В основе соглашения — право силы, а не сила права.

В краткосрочном плане Дейтонское соглашение положило конец кровопролитию. Поэтому Россия поддержала его и даже направила в Боснию и Герцеговину небольшой контингент своих войск — 1 тыс. человек. В долгосрочном же плане соглашение закрепило присутствие войск НАТО на Балканах. Такая ситуация усугубляет нарушение баланса сил в мире и несет потенциальную угрозу безопасности, причем не только для Балкан.

Не снизилась актуальность других балканских проблем, связанных с югославским кризисом. Так, продолжается политический нажим на Союзную Республику Югославию, конкретно на Сербию. В частности, от нее требуют урегулирования положения в Косово, что неминуемо поднимет албанскую про-

блему⁵. Это грозит нЭовым взрывом на Балканах, по сравнению с которым боснийские события покажутся детской игрой. Огнем могут быть охвачены все балканские государства, особенно Греция, являющаяся членом НАТО, а также Македония, положение которой доставляет и так много тревог.

Учитывая все балканские аспекты, а также принимая во внимание деформирующее воздействие югославского кризиса на всю систему международных отношений, следует признать, что Балканы в конце XX в. превратились в своего рода геополитическую ловушку.

На югославских территориях установился «новый порядок». Западные средства массовой информации выражали удовлетворение тем, что сорван замысел создания «Великой Сербии» (т.е. государства, которое объединяло бы все населенные сербами земли). При этом закрывали глаза на создание «Великой Хорватии», которая близка к существовавшему во времена нацистской оккупации «Независимому государству Хорватии» не только по территории, но и по функциям. Тогда она была главным инструментом германской оккупационной политики. Теперь — главным натовским жандармом на югославских землях. Соответственно и вознаграждение: Дейтонское соглашение оставляло все хорватские завоевания в их руках, а перспективы возвращения сербского населения в Сербскую Крайну были близки к нулю. Поэтому хорватское руководство выражали умеренное удовлетворение. Для сербов же (причем во всех частях бывшей Югославии) это проигранная война. Кому же она проиграна? НАТО!

Хорватия уже теперь превращена в протекторат НАТО. Фактически им стала и Босния. Натовские войска расположились на бывших военных базах Организации Варшавского Договора в Венгрии. Имеются они и на территории Македонии. Военно-воздушная база создана в Албании. Не надо быть крупным военным стратегом, чтобы прийти к выводу: Балканы стали новым натовским плацдармом, особенно для размещения здесь американских войск. Ближвизит президента Клинтона на Балканы в январе 1996 г. только подтвердил правильность такого заключения.

Дейтонское соглашение подвело какую-то черту под развитием югославского кризиса, но оно не положило конец балканскому кризису. Последний — много шире. И его конца пока не видно. Обещания НАТО, что через год его войска будут выведены с Балкан, уже сейчас можно назвать в лучшем случае несбыточными надеждами. На деле такие обещания — недобросовестная игра с общественным мнением, в частности с американским.

---

⁵ С сожалением можно констатировать, что этот прогноз, сделанный в 1996 г., нашел подтверждение в «Косовском кризисе» 1998-1999 гг., особенно в ходе ракетных и авиационных ударов НАТО по Союзной Республике Югославии весной 1999 г. Такие действия нельзя расценить иначе как акт прямой агрессии.

Соглашение предусматривало номинальное сохранение единства Боснии и Герцеговины, которая будет состоять из двух частей — хорватско-мусульманской федерации и сербской части. Недовольны остались все непосредственные участники конфликта. Сербы — потому что не имели возможности полностью воссоединиться с Сербской Республикой. Они рассматривали соглашение как дискриминационное. Сербская Крайна оказалась «очищена» от сербов и фактически потеряна ими. Судьба 150 тыс. сербов, проживающих в Сараево, который теперь должен был полностью перейти под юрисдикцию мусульманских властей, оказалась под вопросом. Опасаясь «этнической чистки», они вынуждены были бежать. Хорватское руководство, стремившееся к разделу Боснии и инкорпорации ее части, было недовольно существованием хорватско-мусульманской федерации. Мусульманское руководство считало, что оно не достигло своей главной цели — создания исламского государства, и не скрывало, что будет продолжать добиваться ее. Можно ли считать такой мир (официально он был подписан тремя президентами 14 декабря 1995 г. в Париже) прочным и способным удержаться на длительный срок?

Дейтонское соглашение закрепило все негативные сдвиги, происшедшие в мире во время и под влиянием югославского кризиса. Оно стало новым ударом по престижу ООН: ее «голубые каски» отныне сменены натовскими зелеными шлемами, т. е. на смену миротворческому контингенту пришли боевые части и силы «быстрого реагирования». Не только ООН, но и ОБСЕ оказались отодвинутыми за спину НАТО на международной арене. Это усилило однополюсную структуру мира и связанные с ней угрозы серьезных потрясений. На Европейском континенте эти события прямо связаны с тенденцией расширения сферы НАТО, в данном случае на Юго-Восток Европы.

Российская историческая славистика на пороге XXI века: смена исследовательской парадигмы¹

50-летие Института славяноведения и балканистики Российской Академии наук (ИСБ РАН) пришлось на период разительных перемен в славянском мире и во всем обширном регионе Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Они, в свою очередь, повлекли за собой столь же кардинальные сдвиги в самом славяноведении. Во всех странах, где имеется развитая славистика, и прежде всего в самих славянских странах, идет глубокая перестройка этого комплекса дисциплин. Весьма ярко она проявляется в историко-славистических исследованиях, особенно связанных с новейшим временем. Масштабы происходящих сдвигов позволяют говорить о смене исследовательской парадигмы, которая затронула методологические основы, исследовательские приоритеты, географический охват исследований, организационные формы славяноведения и многое другое. Аналогичные процессы происходят и в России. Пока мы находимся в начальном периоде нового научного цикла, а потому говорить можно только о промежуточных результатах и предварительных выводах.

Историки науки давно уже подметили некоторые отличительные черты развития научного знания вообще, общественных наук в частности. Они характеризуются, с одной стороны, цикличностью, определяемой имманентными законами развития самой сферы познания, а с другой — воздействием на нее общественных процессов, потребностями общества. Для нынешнего состояния славяноведения характерно действие обоих факторов, причем второй (общественный) оказался решающим. Речь идет не об известном тезисе о соотношении науки и политики (хотя и это имеет место), а о таком изменении в самом объекте исследования, которого наука просто не может не замечать.

Наука и общество: новая «интегральная модель» славяноведения

Любой новый шаг в развитии науки опирается на ее достижения (либо на осознание неудач) предшествующих периодов. Славяноведение зароди-

---

¹ Опубликовано в кн: «В.К.Волков. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., Индрик. 2000. С. 296 – 314..

лось как научное осознание процесса возрождения славянских народов в XVIII-XIX вв. Само его развитие было составной частью этого процесса, что оправдывало его филологический «флюс», когда шло формирование национальных литературных языков многих славянских народов.

С начала XX в. славяноведение все более приобретало комплексный характер, в нем постепенно усиливалась роль исторических дисциплин, наряду с филологическими и культурологическими¹. Этому способствовали и три «тектонических сдвига» в славянском мире (Первая и Вторая мировые войны, события 1989-1991 гг.). Особые условия для развития славяноведения сложились в послевоенный период (1945-1989), который принес судьбоносные перемены для всех славянских народов. Во всех славянских странах установился коммунистический режим. Возник «социалистический лагерь». Советский Союз — главная славянская страна — являлся мировой сверхдержавой. Все славянские народы, включая лужицких сербов, более четырех десятилетий (в Советском Союзе — более семи десятилетий) жили при социализме, что стало для них эпохой «экспериментальной истории». Это наложило печать на каждый из них, хотя часто и по-разному, на их культуру, менталитет, социальную структуру и в значительной мере предопределило их последующее развитие. Именно тогда сложилась в них та модель славяноведения, близкая по организационным формам и ориентированная на марксистскую методологию, которая меняется сейчас на наших глазах.

Если поставить вопрос о влиянии славянских народов на ход мировой истории в XX в., то можно смело утверждать, что это влияние было гораздо выше того удельного веса, который они имели в глобальном народонаселении. Общее число славян ныне несколько превышает 300 млн. человек. Другими словами, их численность составляет примерно 5% населения земного шара. При этом две трети их числа (примерно 200 млн. человек) приходится на восточных славян, а половина всех славян (около 150 млн. человек) — русские.

Учитывая былой статус Советского Союза как мировой сверхдержавы, легко представить себе то внимание, которое уделялось в мировом славяноведении восточному славянству. Специфической формой такого внимания в годы «холодной войны» было бурное развитие «советологии» в странах Запада, создание там многочисленных центров по изучению СССР и Восточной Европы. Неудивительно, что и в «классическом» славяноведении львиную долю внимания уделяли на Западе русистике. Аналогичным образом обстояло дело и в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ).

На таком фоне организационная структура бывшего советского славяноведения выглядела однобоко. По старому (а главное — устаревшему) обыкновению, сложившемуся по традиции и соображениям практических удобств, славяноведением считалось изучение славянского мира за вычетом отечественной истории, филологии и культурологии. В обоснование такого

положения вещей приводился тот довод, что отечествоведение несравненно более развито в каждой славянской стране, и поскольку славяноведение занимается как славянством в целом, так и отдельными народами, в каждой славянской стране под ним надо подразумевать инославянские исследования. Если подобный подход еще и можно было как-то оправдать для небольших славянских стран, то для Советского Союза такой изъясн был непомерно велик. Отсюда проистекал парадокс в организации советского славяноведения, изучавшего только то, что было связано с зарубежными, т. е. южными и западными, славянами. В итоге из поля зрения выпадал огромный массив восточного славянства. Выборочно разрабатывались только отдельные стороны исторических и культурных связей России с другими славянскими и неславянскими народами, как правило, в рамках исследований двусторонних контактов в конкретных областях.

В новых условиях, после распада СССР, существующее положение стало восприниматься как нетерпимый пробел. Украина и Белоруссия оказались хоть и в «ближнем», но все-таки в зарубежье. Новые грани приобрела русистика. Отсюда проистекает задача восполнить образовавшиеся пробелы и сформировать то, что можно было бы назвать «интегральной моделью» российского славяноведения, которое охватывало бы все без исключения ветви славянства. Естественно, что Институту следует найти свой, славистический ракурс изучения этих проблем, особенно русистики, чтобы не дублировать работу других научных коллективов и академических институтов в области истории, литературоведения и лингвистики.

Для российского славяноведения ныне, как никогда ранее, приобретает особое значение именно изучение восточного славянства во всем его объеме. Только сейчас мы начинаем постигать, в каком мифологическом мире мы жили после Октября 1917 г., насколько наши представления о развитии восточного славянства и существующих здесь национальных проблемах были сформированы первым наркомнацем Сталиным, а также теми догмами, которые были связаны с его именем. За забвение многих простых истин, которые теперь воспринимаются как откровения, мы уже заплатили огромную цену. Однако подлинные величины этой цены в истории еще не проставлены, и платить по счетам придется не только нам, но и нашим потомкам.

Вообще век XX принес огромные перемены в национальном самосознании славян. Изменился даже список этнонимов, которыми мы пользуемся. Например, этноним «русские», который раньше применялся как общий по отношению к трем ветвям восточного славянства — великорусам, малорусам и белорусам, после революции стал применяться только по отношению к великорусам. Сложилось это не случайно. За такими терминологическими новшествами стояла практика советской власти по расколу русского этноса, усилия по разведению трех ветвей восточного славянства,

приданию им свойств отдельных самостоятельных этносов. Подобный курс проводился по политическим причинам. Этапы этого пути известны, но не изучены. Их предстоит исследовать в рамках славяноведения. Эти вопросы неразрывно связаны с настоящим и будущим всех восточнославянских народов, по нынешней терминологии — русских, украинцев и белорусов, с проблемами, которые составляют ныне ядро национально-государственных интересов России. Это обстоятельство придает славяноведению в новых условиях не только огромное научное, но и общественное звучание, большее, чем оно имело прежде.

Осуществление «интегральной модели» российского славяноведения на практике сталкивается со значительными трудностями организационного порядка. Они наглядно проявились при создании в ИСБ РАН научных центров украинистики и белорусистики. Главная трудность — недостаточность научных кадров по этой проблематике в России, а также их распыленность. Прежде считалось, что все связанное с Украиной и Белоруссией, историей и культурой их народов должно изучаться в местных академиях наук и университетах. Такие установки обернулись огромными пробелами в системе знаний. Российская общественность, прежде всего политические круги, оказалась невежественна относительно всего, что происходит ныне на Украине и в Белоруссии. Особенно трудно понять постулаты украинского и белорусского национализма, которые всклокоченной пеной вырвались на поверхность политической жизни, в первую очередь после 1991 г., противопоставить им обоснованную и аргументированную критику.

Как видно, новая «интегральная модель» существенно изменит лицо и облик всего российского славяноведения. Но это — не единственный источник перемен. Не меньшее воздействие оказывают другие изменения в славянском мире, принявшие характер центровых процессов.

Энтропия славянского мира — болезнь посткоммунистической эпохи

Термин «энтропия» означает разбегание звезд, рассеяние энергии, т.е. примерно то, что мы наблюдаем сейчас во всем славянском мире, а именно — «разбегание» славян по национальным «квартирам». Формы такого разбегания очень разные. Мы были свидетелями и «бракоразводного процесса» в цивилизованных формах между чехами и словаками. Мы наблюдали распад многонациональных государств — СФРЮ и Советского Союза. Оба эти государства были построены на одних и тех же принципах, на базе так называемой марксистско-ленинской теории национального вопроса. Точнее даже будет сказать, что Югославия после Второй мировой войны моделировалась «по образу и подобию» Советского Союза. Неудивительно поэто-

му, что оба эти эксперимента завершились с одинаковым результатом. Есть, однако, и различия. Советскому Союзу и составлявшим его республикам удалось избежать развития по югославскому сценарию.

Ретроспективный взгляд на историю формирования и развития так называемой марксистско-ленинской теории национального вопроса раскрывает ныне следующую картину. Эта теория складывалась изначально как инструмент дезинтеграции старой государственной власти и общественного строя, как инструмент борьбы за власть, как проект последующего переустройства общества. Этот «инструментальный» характер теоретических выкладок в данной области изначально вполне сознательно подогревал сепаратизм и национализм, несмотря на словесные отмежевания от таких явлений. Об этом свидетельствовала ставка на национально-территориальные образования как форму решения национального вопроса. Отрицание национально-культурной автономии подчеркивало стремление поставить национальные права выше прав человека и личности, а это как раз то, с чем нам приходится сталкиваться и поныне. Сейчас особенно наглядно видна пропасть между основными постулатами этой теории и общепризнанными нормами международного права. Именно такое расхождение дает основание для постановки вопроса о существовании «двойного стандарта» в подходе к оценке многих национальных явлений как в политике, так и в науке.

Переходя из области теории в область практических действий, можно отметить, что коммунистическая практика в многонациональных государствах, какими были Советский Союз и СФРЮ, выродилась в поощрение и проповедь утонченного национализма. Многие из того, что делалось, например долготеления и фактически никогда не прерывавшаяся политическая практика, называвшаяся на коммунистическом новоязе «коренизация аппарата», фактически привело к созданию этнократических партийно-бюрократических элит в каждой из национальных республик, составлявших эти коммунистические федерации. Данное социально-политическое наследие, отразившееся на структуре общества, привело к появлению нового общественно-политического слоя — этнократии². Этот термин, характеризующий столь непредвиденный феномен, доставшийся посткоммунистической эпохе в наследие от предшествовавшего режима, уже привился в научной литературе. Под ним подразумевается новый общественно-политический слой, который пришел к власти на волне демократических преобразований, но погребил под собой демократические ценности и навязал свою волю другим слоям общества под флагом защиты национальных идеалов.

Этнократический слой вобрал в себя значительную часть прежней партократии, бюрократию управленческих структур, теневой экономики и националистической интеллигенции. Оказавшись у власти, этот слой отбросил старые коммунистические теории как износившееся платье, взял на вооружение националистические постулаты и мифологемы как свое истинное

идейное знамя и разодрал многонациональные государства по тем швам, которые были прошиты еще старым коммунистическим режимом.

То, что произошло в многонациональных государствах, практически одновременно случилось, пусть в несколько иных формах и с некоторым опережением, и в рамках того геополитического образования, которое мы прежде называли «социалистическое содружество» или «социалистический лагерь». Здесь проявили себя те же тенденции. Национальный момент был здесь так же силен. Его реальная роль в ходе «бархатных революций» в различных странах несомненна. Следствием стал распад не только Организации Варшавского Договора, но и Совета экономической взаимопомощи, что повлекло разрыв многих налаженных экономических связей, контактов в области культуры, науки и т.д., что болезненно отразилось на многих сторонах жизни этих стран. Коммунистическое наследие и здесь сыграло зловещую роль в том разбегании наций, которое произошло на наших глазах. Тенденции, взявшие верх во всей Восточной Европе за последние пять-семь лет, развивались в противоположном направлении по сравнению с преобладающими в мире интеграционными процессами. Этот контраст особенно разителен по сравнению с Западной Европой.

Нет нужды быть апологетом того, что делалось за весь послевоенный период. Коммунистические режимы во всех славянских странах эксплуатировали в своих интересах национальные чувства людей, особенно чувство славянской солидарности, чтобы оправдать проводившуюся ими политику, получить хотя бы частичную поддержку своим планам или даже снизить негативный отклик на те или иные шаги. Но мы видим сейчас, что разрушение экономических связей не пошло на пользу ни одному государству. Аналогично обстоят дела с разрушением единого информационного пространства. Это создает большие трудности для повседневной работы ученых, которые к тому же стали много реже общаться друг с другом. Все это побуждает по-новому оценить итоги прошлого развития и, по библейскому рецепту, отделить зерна от плевел.

Особо отрицательные последствия вызывают те очаги вражды, которые образовались в самом славянском мире. Наиболее драматическую картину дает югославский кризис. Вспышки агрессивного национализма, наблюдаемые ныне повсеместно, стали печальным следствием коммунистических режимов, превративших национальные отношения в сферу таких же утопических экспериментов, как и сферу социальную. Марксистско-ленинская теория национального вопроса, став главой в истории науки, оставила после себя политические руины. Не показала она своей продуктивности и в научной сфере. Образовавшуюся пустоту заполняют новые методологические подходы к изучению национальных отношений, сопровождаемые новым

категориальным аппаратом и терминологией, которые развивают в основном западные политологи³.

Для уяснения истинной картины отношений в славянском мире большое значение приобретает в наше время научное направление, именуемое изучением этнических стереотипов (имиджология), т.е. тем, как отдельные народы видят друг друга. Такие труды широко распространены в Западной Европе. В десятках книг исследуется взаимное восприятие, например, немцев и французов, французов и англичан и т.д. Имеются аналогичные труды о взаимных представлениях немцев и поляков. Однако труды о взаимовосприятии славянских народов отсутствуют. Это — крупный пробел в славяноведении, особенно в российском. Первыми ласточками стали научные конференции «Автопортрет славянина» (Москва, май 1996 г.) и «Польша — Россия: какими мы видели друг друга в XX в.» (Варшава, июнь 1996 г.). Сразу же возник ряд серьезных теоретических вопросов, таких, как проблема складывания национальных стереотипов, роль творческой интеллигенции в их создании, их отражение в политической мысли, исторической науке, в литературе и искусстве, на уровне обыденного сознания. Непременным условием подобных исследований является их двусторонний характер, нацеленность на лучшее взаимное понимание. Предполагается проведение такого исследования в рамках российско-болгарского научного сотрудничества.

Для российского славяноведения исследования в области этнических стереотипов имеют особое значение. Во многих славянских странах отношение к России стало своего рода орудием во внутривосточной борьбе. Такая борьба нередко служит питательной почвой для распространения русофобии. Это явление совершенно не изучено в российском славяноведении, хотя представляет для него особый интерес.

Русофобия как исследовательская проблема

В мировой науке проблема ксенофобии (а русофобия является одним из частных ее проявлений) привлекает к себе в наши дни всеобщее внимание. Следует отметить, что это явление возникло не сегодня. Корни русофобии восходят к концу XVIII — началу XIX в. Тогда она носила, условно говоря, скорее теоретический характер. Можно даже назвать одного из ее духовных родоначальников, скорее — политических вдохновителей. Как ни странно это может показаться сегодня, один из первых импульсов был дан Наполеоном. Готовя нападение на Россию и действуя в новых условиях постреволюционной Франции, он прекрасно осознавал необходимость идеологического обоснования своих политических замыслов⁴. Развитие русофобии в Западной Европе отличалось тем своеобразием, что ее эпицентр перемещался из

одной страны в другую, как правило, в ту, которая наиболее ярко выступала против России на международной арене. Из Франции она быстро переметнулась в Англию, где цвела до середины XIX в., достигнув апогея в период Крымской войны, но с рубежа 1830-х — 1840-х годов русофобия все более распространяется в Германии, где пустила глубокие корни. Здесь со временем была создана обширная литература, порожденная германскими националистами, в первую очередь пангерманского толка. В течение долгих десятилетий пангерманизм ковал «образ врага» в лице России. Именно здесь возник термин «панславизм», в котором слились воедино отрицательное отношение к национальным движениям славянских народов и идее славянской взаимности, обвинения России в вынашивании захватнических планов в Европе, в стремлении к мировому господству. Появление этого термина стало этапом в развитии германской националистической идеологии. Он вобрал в себя все элементы русофобии, ставшей ядром пангерманских теорий⁵. С самого начала спекулятивный и одиозный, этот термин превратился в боевой лозунг антирусской и антиславянской империалистической политики, вошедшей в историю под названием политики «Drang nach Osten», и в начале XX в. вылился в формулу «Панславизм — мировая угроза». Совершенно недостаточная изученность идеологии пангерманизма — большой пробел в российской науке.

После Первой, а особенно после Второй мировой войны, в годы «холодной войны» русофобия как бы отошла на второй план. Идеологическая борьба породила целую школу антикоммунизма и плеяду борцов с ним. После окончания «холодной войны» и событий 1989-1991 гг., положивших конец коммунистическим режимам во всех европейских странах, антикоммунизм как течение потерял свою актуальность. Однако бывшие антикоммунисты не исчезли со сцены. Они переквалифицировались, многие стали русофобами.

Классический пример превращения антикоммуниста в русофоба являет собой ветеран «холодной войны», бывший советник по делам национальной безопасности США Збигнев Бжезинский. Он особенно интересен тем, что в своей «большой стратегии» идет по стопам пан германских идеологов начала XX в. Для него распад Советского Союза — подарок судьбы, и он призывает США и НАТО побыстрее заполнить политический «вакуум», образовавшийся после распада Организации Варшавского Договора. Особый его гнев вызывает то, что он именует «имперскими амбициями» России. Эти амбиции он видит особенно в стремлении сплотить страны СНГ, превратить содружество в дееспособный экономический организм, в средство региональной стабильности. О близости, скорее даже о тождественности идей З.Бжезинского с планами пангерманистов можно судить по его трактовке желательных, с его точки зрения, отношений между Россией и Украиной.

Он убежден сам и призывает других противопоставить России украинскую независимость и оказывать Украине всевозможную поддержку в ее противостоянии России⁶.

Тождество взглядов З. Бжезинского с теориями пангерманистов не является случайным совпадением. Они имеют общий базис в виде русофобии. Возрождение, точнее даже — реанимация этого феномена в новой обстановке, после окончания «холодной войны», само по себе представляет явление, заслуживающее специального внимания. Как видим, русофобия не угасла в старых центрах. Основным в развитии этого феномена в современных условиях явилось то, что теперь его эпицентр переместился на Восток. Его новыми очагами стали страны Балтии. Но главное, он набрал силу в самой славянской среде. Носителями русофобии стали националистические элементы на Украине и в Белоруссии, оживились аналогичные течения в Польше и даже в Болгарии.

Многое в этих явлениях для российских славистов — неизвестные страницы. Прежде изучение национальных проблем велось только под определенным углом зрения, где русофобии просто не было места. Между тем феномен русофобии заслуживает пристального внимания и как политическое явление, и как исследовательская проблема. Формы его проявления и социальные функции как выборочной и целенаправленной ксенофобии удивительно напоминают феномен антисемитизма. Это — однотипные, однопорядковые проявления национальной нетерпимости и создания «образа врага». Но для нас история этого феномена, особенно в самом славянском мире, можно сказать, просто «белое пятно». Доскональное и тщательное изучение русофобии (равно как и других «фобий» и «филий») в славянской среде в прошлом и настоящем является важной задачей российского славяноведения.

Смена методологических основ и исследовательских приоритетов

Давно отмечено, что идеологические повороты и перевороты предшествуют политическим. Но те, кто начинают движение, практически никогда не могут представить себе отдаленных последствий первых действий.

В середине августа 1968 г. в Праге состоялся VI Международный съезд славистов. На нем присутствовала большая делегация научных сотрудников ИСБ АН. После их возвращения в Москву у всех на устах были не столько новости со съезда, сколько обстановка в Чехословакии, события «Пражской весны». Ввод в Чехословакию 21 августа советских войск и войск других стран вызвал шоковую реакцию среди московской интеллигенции. Демонстрация на Красной площади в Москве 25 августа 1968г. горстки людей (всего семь человек!) против ввода советских войск в Чехословакию показала каче-

ственные сдвиги в настроениях и поведении людей, наступление нового этапа в общественно-политическом развитии страны — открытый выход диссидентского движения в Советском Союзе на арену политической жизни.

События 1968 г. в Чехословакии делят историю «социалистического лагеря» на два примерно равных по времени периода. Если первый период, несмотря на значительное число политических кризисов внутри отдельных соцстран и в отношениях между ними, можно назвать развитием (хотя и затухающим) но восходящей линии, то после чехословацкого кризиса развитие шло неизменно под уклон. Социализм стал гнить на корню, как «старый режим» во Франции в XVIII в.

В Советском Союзе были свернуты даже слабые попытки экономических реформ, социализм как общественный строй, точнее — как политический режим сложившегося типа проявил неспособность к внутреннему развитию. На практике это обернулось длительной эпохой застоя. Развитие общественной жизни ушло внутрь. Широко распространился «самиздат», ставший в известной мере барометром настроений интеллигенции и как бы подпольной лабораторией новых идей. В общественных науках начался медленный и подспудный процесс переоценки старых методологических основ и исследовательских подходов.

Аналогичные явления наблюдались и в жизни других социалистических стран, причем в некоторых (например, Польше, Венгрии) они протекали даже более интенсивно. Достаточно тесные научные и культурные связи между этими странами и Советским Союзом привели к активному обмену идеями и опытом и в данной сфере жизни, причем эффективность такого взаимодействия была намного выше, чем сотрудничество официальных структур. В результате в ряде стран начали складываться параллельные официальным историография, литература и литературоведение. Мощное воздействие оказывали эмигрантские научные центры, а также западная университетская наука.

Все отмеченные сдвиги, несомненно, рыхлили почву для последующего периода. И все же остается фактом, что многие советские (позднее — российские) обществоведы оказались как бы застигнуты врасплох событиями времен «перестройки», а затем крушения коммунистических режимов в 1989-1991 гг. На первом этапе наибольшую активность проявила публицистика, которая, как правило, отличалась довольно низким научным уровнем, но тем не менее чутко уловила вектор общественно-политических перемен.

Вполне понятно, что первый удар критики пришелся на догмы марксистско-ленинской методологии с ее принципами партийности, гипертрофированно развитого классового подхода ко всем явлениям жизни, а также теорией формаций с заложенным в ней детерминизмом в понимании исторического прогресса. Такой радикальный пересмотр господствовавших в ми-

нувшие десятилетия теоретических основ можно с полным правом назвать методологическим переворотом. Он охватил все общественные науки, но особенно сказался на исторических науках⁷.

Развернувшаяся в конце 80-х начале 90-х годов критика официальной марксистской историографии как в Советском Союзе, так и в странах ЦЮ-ВЕ была сконцентрирована на наиболее очевидных ее грехах. Во-первых, ей ставилось в вину, что она была призвана поставлять историческую аргументацию и факты для обоснования легитимности существовавших коммунистических режимов. Следствием стал жесткий отбор так называемых «актуальных» проблем. Преобладала нацеленность на изучение исторического процесса почти исключительно сквозь призму упрощенно понимаемых социально-экономических факторов и классового анализа. Особое внимание уделялось проявлениям классовой борьбы, которая оценивалась марксистскими стереотипами, а также прославлению революций и революционных потрясений. Во-вторых, она обвинялась в нигилистическом отношении ко многим другим общественным процессам, таким, как цивилизационные завоевания, история религий, роль интеллигенции, значение культуры в широком смысле слова и т. д. В-третьих, в особо идеологизированном подходе к событиям, процессам и деятелям предшествовавшего периода капиталистического развития (что было особенно заметно в историографии европейских соцстран), в их оценке с партийно-прагматических позиций, под углом зрения неизбежности пролетарских революций и установления диктатуры пролетариата. В-четвертых, ее обвиняли в крайней апологетике деятельности радикально-экстремистских групп и течений в рабочем движении во всех странах, а после прихода компартий к власти — в апологии коммунистических режимов, история которых изображалась как непрерывная цепь побед и достижений. В-пятых, ей ставилось в упрек нигилистическое отношение к национальным ценностям и интересам.

В-шестых, отмечалась деперсонификация исторического процесса. Человек как бы пропадал со страниц исторических исследований, а роль личности оказалась отодвинутой на задний план и ограничена жесткими рамками проявления исторической необходимости. Список упреков при желании можно продолжить.

Однако подметить и раскритиковать негативные черты официального марксистско-ленинского обществоведения оказалось легче (такая критика развивалась в кулуарах уже давно), чем предложить новые альтернативные методики и методологии. Старое оказалось более живучим, чем представлялось ранее. Поиски новых методологических подходов заставили обратиться к достижениям различных западных научных школ, к научным завоеваниям современной политологии, социологии, социальной психологии. Обозначился интерес к методологическим и историософским трудам и идеям А.Грамши,

Б.Кроче, Г.Маркузе и других исследователей и мыслителей самых разных направлений, причем особое внимание уделялось их интерпретациям классического марксистского наследия применительно к истории. Итогом стал методологический плюрализм, что благотворно отразилось на состоянии общественных наук, в том числе и на славяноведческом комплексе.

Однако сама по себе «методологическая революция» еще не определяла общего состояния общественных наук. Больше всего бросалось в глаза изменение исследовательских приоритетов и характера освещения поднимаемых проблем. Как всегда бывает вслед за эпохальными событиями, открывающими новый этап общественного развития, наибольшее внимание привлекли вопросы истории предшествовавшего им периода.

В историческом славяноведении и балканистике первопроходцами в этом плане стали публицисты и ученые стран ЦЮВЕ. После «бархатных революций» 1989 г. на передний план вышли вопросы, связанные с историей прихода коммунистов к власти, становлением и развитием коммунистических режимов, их репрессивной политики, их внутренними кризисами, а также конфликтами внутри «социалистического лагеря»⁸. В освещении этих проблем преобладала, особенно поначалу, крайне отрицательная тональность. Напротив, весьма позитивно стали подаваться проблемы развития этих стран в конце XIX — начале XX в., и особенно — в 20-30-е годы XXв. У читателя невольно складывалось впечатление, что исследователи просто поменяли местами алгебраические знаки. Некоторой неожиданностью стало повышенное внимание к роли института монархии в тех странах, где он существовал (Болгария, Румыния, Югославия), равно как и к истории Габсбургской монархии. Кардинальным подчас переоценкам в позитивную сторону подверглись такие исторические фигуры, как царь Борис в Болгарии, король Михай и маршал Антонеску в Румынии, И.Тиссо и А. Глинка в Словакии, возросло внимание к политическим фигурам адмирала Хорти в Венгрии, Т. Масарика в Чехии, Ю. Пилсудского в Польше. Снятие имевшихся ранее «табу» привело к открытому обсуждению территориальных проблем, существующих между странами региона (трансильванская проблема в отношениях между Венгрией и Румынией и т.д.). Распад Югославии породил нескончаемую дискуссию вокруг проблем образования югославянского государства в 1918 г., его дальнейшего развития, событий Второй мировой войны на югославских землях и оценки созданного фашистскими оккупантами марионеточного «независимого государства Хорватии».

Российская историческая славистика и балканистика эволюционировали в том же направлении, однако их подход к истории и культуре народов региона отличался большей взвешенностью и в основном избежал крайностей, характерных для обществоведения стран ЦЮВЕ. Повсеместное открытие недоступных прежде архивных фондов позволило по-новому поставить

многие актуальные проблемы. Естественно, что и здесь публицистика обогнала научные исследования, которые требуют несравненно большего времени для освоения новых документальных массивов. Отличительной чертой стало проведение многосторонних научных конференций по разнообразным вопросам послевоенного развития. Среди них выделялись международные симпозиумы, на которых обсуждались проблемы возникновения «социалистического лагеря», советизации стран ЦЮВЕ, «холодной войны» и т. д. Отдельные симпозиумы были посвящены советско-югославскому разрыву 1948 г., событиям 1956 г. в Венгрии и 1968 г. в Чехословакии. Как правило, материалы этих конференций публиковались отдельными сборниками.

Для преодоления накопленной за долгие десятилетия инерции в научной деятельности значительную роль играют публикации документов. Они помогают развенчивать сложившиеся мифологические представления, наглядно показывают, что возникшее в послевоенный период социалистическое общество и коммунистические режимы требовали именно коренных преобразований, а не «косметического ремонта». Душевной болью отозвались этногражданские конфликты на территории бывшей Югославии, вылившиеся в затянувшееся вооруженное противостояние в Боснии. Югославский конфликт — только часть более обширного балканского кризиса, который оказал отрицательное воздействие на развитие отношений в Европе и деформировал всю систему международных отношений и безопасности на континенте. Его незавершенность отбрасывает тень и на будущее стран и народов региона.

Мировой интеграционный процесс и место славянских народов

Изучение истории славянских народов, наблюдение за их сегодняшним политическим развитием невольно побуждает к размышлениям над их завтрашними судьбами. Что ждет славянство в XXI веке? Пока можно уверенно прогнозировать, что его удельный вес в мировом народонаселении будет уменьшаться: глобальные демографические сдвиги дают полное основание для такого вывода. Общая тенденция мирового развития говорит о мощных интеграционных течениях, ускорившихся после наступления эпохи информационной революции. Возникают новые глобальные проблемы (например, экологические), также требующие объединения усилий. Где место славянских народов в этом процессе?

Несмотря на технологическую нивелировку мировой экономики, этот процесс не сопровождается, как сейчас становится все более очевидно, всеобщей вестернизацией или американизацией, созданием некоей универсальной мировой цивилизации (последняя остается абстракцией). Напротив, происходит довольно заметная консолидация народов и государств в общ-

ности определенного культурно-исторического типа, именуемые цивилизациями. Вполне возможно, что мы находимся в начале длительного исторического периода, который предстоит пройти всему человечеству. Какие отношения сложатся в нарождающемся мире между цивилизациями? Американский ученый С. Хантингтон поторопился нарисовать картину будущего в виде столкновения цивилизаций⁹. Она обоснованно вызвала много нареканий. Критики его «сценария конфликтов» указывали на примеры мирного взаимодействия различных цивилизаций, равно как и на конфликты между странами, принадлежащими к одному культурно-историческому типу. Породил возражения и предложенный им перечень цивилизаций. Ставились вопросы: есть ли достаточные основания для выделения особой латиноамериканской цивилизации, отдельной от европейской? или противопоставления ей цивилизаций русской и православно-христианской? Последнее прямо подводит нас к вопросу о судьбах славянских народов. Характерно, однако, что идея существования цивилизаций не встретила возражений и была воспринята как рабочая гипотеза и одновременно — как объективная данность.

Собственно, культурно-исторические (цивилизационные) общности существовали всегда. Чертой последнего времени является их самоосознание, структурирование, превращение в субъекты глобального развития. Весьма показательным в этом отношении складывание мира исламских государств (исламской цивилизации), несмотря на существование между отдельными его странами серьезных противоречий (в том числе и по линии противостояния исламского фундаментализма и гражданской власти в мусульманских странах). Западная модель отнюдь не универсальна. Больше того, следование ей показало неэффективность усилий, игнорирующих традиции и ценности национальной культуры. Напротив, наиболее успешные процессы модернизации, как показал японский опыт, протекали там, где они опирались на национальные традиции и не были продуктом слепого заимствования. Тем же путем идут сейчас Китай, «азиатские тигры» и многие другие страны. Не случайно центр глобальной экономики смещается ныне из атлантического региона в тихоокеанский.

Вопрос о взаимоотношении процессов модернизации и развития национальных культур чрезвычайно актуален для всех славянских народов. В посткоммунистическую эпоху понятие «модернизация» наполнилось для всех бывших социалистических стран новым смыслом и содержанием. Помимо перехода к рыночной модели экономического и либеральной модели политического развития, оно включает в себя и многое другое, переживая в наши дни новый этап своего существования. Упор на технико-экономические преобразования заставляет по-иному поставить проблемы их духовного и культурного обеспечения и поддержки¹⁰.

Пока что во многих странах ЦЮВЕ основное внимание сосредоточено на реализации краткосрочных интересов. В значительной их части преобладают настроения «возвращения в Европу». Многие из них озабочены вступлением в Европейский Союз, некоторые стремятся в НАТО, что осложняет их отношения с Россией. Характерно, что в первой книге чешских и словацких ученых, в которой предпринята попытка определить национально-государственные интересы Чехословакии¹¹, нет ни слова о принадлежности этих двух народов к славянству, тогда как в прежние времена идея славянской взаимности занимала важное место в их национальном самосознании. Ныне такая идея во многих странах не в почете, что не снимает, однако, проблемы, а требует ее спокойного рассмотрения.

По-видимому, найдется много сторонников того взгляда, что проблема славянской взаимности для каждой исторической эпохи имеет свое содержание. Для посткоммунистической эпохи она все более заметно приобретает культурно-цивилизационный характер. Принадлежность к славянскому миру не дает никому каких-либо особых прав. Напротив, она скорее возлагает обязанности: «категорическим императивом» становится повышенное внимание к нуждам и потребностям, уважение к национальным чувствам, традициям и особенностям любого другого члена семьи славянских народов¹². Сходство стоящих перед ними задач вызывает практическую необходимость взаимного изучения опыта друг друга фактически во всех областях жизни — в экономике, общественных преобразованиях, решении социальных проблем, развитии образования и науки и т. д. Языковая близость облегчает налаживание контактов и более глубокое понимание современных процессов, а также культуры и традиций родственных народов.

В этой связи уместно поставить вопросы: а существует ли вообще какая-либо славянская цивилизация? или, может быть, лучше говорить о круге духовно близких народов? Последний определяется как сфера поствизантийского культурного пространства, куда входят не только славянские, но и другие народы (греки, грузины, румыны). Именно так пытался определить «российскую» или «православную» цивилизацию С.Хантингтон, разрезав славянский мир на две части по конфессиональному принципу. Вряд ли стоит серьезно опровергать подобную конструкцию. Ее искусственность очевидна. В таком случае — где цивилизация европейская, расколотая на католицизм и протестантизм? Другое дело, если вести речь о широком круге европейской христианской цивилизации, к которой, естественно, относится и славянский мир, являющийся ее субрегионом, но сохраняющий внутри нее свою самостоятельность, обладающий, так сказать, определенной «культурно-национальной» автономией. Пусть не вводят в заблуждение раздававшиеся в XIX ст., да и XX в. гневные филиппики о противоположности и даже враждебности «России» и «Европы». Еще большее число филиппик

можно насчитать в истории политической мысли о противостоянии «романского» мира и «германского». Дело не в субъективных представлениях, как бы широко они ни были распространены, а в объективных показателях и чертах, которые особенно ясно видны на примере различных современных цивилизаций.

Славянский мир на протяжении своей длительной истории никогда не был особенно дружной семьей. Идея славянской взаимности принадлежит двум последним столетиям. Она была порождена жизненными потребностями самих славянских народов, нередко подвергалась эксплуатации с разных сторон, равно как ей сопутствовали попытки ее противников исказить ее суть. И все же она оставалась реальной чертой политической и духовной жизни, особенно в критические моменты истории славянских народов. В наше время такая взаимность — это скорее осознанная необходимость. В основе подобной необходимости лежат стимулы, которые побуждают создавать любой «клуб по интересам». Для современности таким стимулом является стремление пройти эпоху модернизации без утраты «национального лица». Эта сторона проблемы особенно остра для малых славянских народов. Нынешние тенденции их развития могут поставить их в такое положение, при котором они окажутся перед угрозой потери национальной самобытности, или, как сейчас говорят, идентичности. В таком понимании славянской взаимности нет призыва к этнокультурному изоляционизму. Это нацеленность на устойчивое цивилизационное развитие, которое будет тем успешней, чем в большей мере оно будет использовать ценности традиционной культуры и искать собственные формы.

В какой мере встречают такие идеи общественную поддержку? Приходится констатировать наличие разнообразных тенденций в разных странах. С одной стороны, широкое распространение в последние годы получило празднование Дня славянской письменности и культуры. Характерно, что он отмечается как православными, так и католическими славянскими народами. В России он стал национальным праздником, справляемым повсеместно 24 мая. Зародившийся первоначально, еще в середине XIX в., в Болгарии, он широко отмечается и в ряде других стран — на Украине, в Белоруссии, Словакии, Сербии, Македонии и т. д. Это движение имеет тенденцию к распространению и свидетельствует о наличии в общественности этих стран достаточно широких слоев, готовых поддерживать традиционную национальную культуру. Интересным явлением стало создание Славянских университетов в ряде стран. Их нацеленность на подготовку молодых специалистов не только в области культуры, но и экономики, юриспруденции, менеджмента и т. д. свидетельствует о желании внести соответствующий вклад в процессы модернизации в своих странах.

К сожалению, с другой стороны, имеются и факты противоположного свойства. Если оставить в стороне прямые антиславянские выпады отдель-

ных общественных сил (например в Словении, где сейчас развернулась дискуссия о славянском происхождении словенцев), сюда следует отнести свертывание в ряде стран изучения Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, включая и славянские страны, либо придание их изучению (и соответственно преподаванию) ракурса, оставляющего в стороне проблемы славянского мира. Сюда же относится создание барьеров (в ряде случаев — искусственных) на пути свободного обмена информацией. Так, существовавшая ранее система обмена программами ТВ, а также газетами, журналами и прочими средствами массовой информации была практически разрушена, причем взамен ничего нового создано не было. И если нарушение прежних экономических связей уже осознается как неоправданная потеря, наносящая ущерб всем странам, то нарушения в области культурного обмена и наносимый ими урон для собственной национальной культуры уяснены еще не всеми.

Сказанное выше имеет прямое отношение к перспективам развития славяноведения. Новые исследовательские приоритеты должны

будут учитывать возросшую потребность в изучении культурно-цивилизационного развития славянского мира. Можно прогнозировать увеличение в славяноведении как комплексном научном направлении удельного веса культурологических дисциплин. Такой сдвиг в сторону культурологии будет отвечать духу времени.

Примечания

¹ Методологические проблемы истории славистики. М., 1978.

² Волков В. К. Эпнократия — непредвиденный феномен посттоталитарного мира // Политические исследования. 1993 № 2.

³ Национализм и формирование наций. Теории — модели — концепции. М., 1994.

⁴ Вскоре после начала русского похода в Париже появилась книга Шарля Лезюра «О возрастании русского могущества с самого начала его до XIX столетия» (*Lesur Ch. L. Des progrès de la puissance Russie depuis son origine jusqu'au commencement du XIX siècle*. Paris, 1812). В приложении к ней было опубликовано (как бы в изложении) ставшее впоследствии знаменитой фальшивкой «завешание» Петра Великого. В нем Петр якобы ставил перед своими преемниками задачу завоевания Европы. В самой же книге Ш. Лезюра делалась попытка доказать, что политика России на протяжении всего XVIII и начала XIX в. развивалась именно в направлении этой цели. Этой фальшивке, сыгравшей исключительную роль в антирусской пропаганде и истории русофобии, посвящена огромная литература. Частично она упомянута в книге В. П. Козлова «Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII-XIX веков» (2-е изд. М., 1996. С. 77-89).

⁵ Волков В. К. К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи М. 1969. С. 25-69.

⁶ Независимое существование Украины, указывает он, имеет более важное значение, чем выполнение ею каких бы то ни было договоренностей по ядерному арсеналу. «Вряд ли нужно подчеркивать, что без Украины Россия перестанет быть империей, а с Украиной, сначала подкупленной, а затем и подчиненной, Россия автоматически становится империей» (*Brzezinski Z. The Premature Partnership // Foreign Affairs. 1994. Vol.23. №2. P. 30*). Не стоит, конечно, обвинять З Бжезинского в вульгарном плагиате. Но остается фактом, что он почти дословно воспроизвел мысли пангерманских теоретиков кануна и периода Первой мировой войны. Последние ставили проблему предельно четко. «Россия должна стать безопасной», — утверждали они. За этой салонной фразой скрывалась твердая решимость убрать Россию с пути Германии к ее великой цели — стать «мировой державой». Лучшим способом считалось расчленение России. В сентябре 1914 г. в программной статье, посвященной военным целям Германии, историк Иоганнес Галлер писал, что путем отторжения от России «Финляндии, Литвы, Польши, Украины. Бессарабии и Черноморского побережья она перестанет быть европейской великой державой и вновь станет тем, чем была до Петра Великого, когда Лейбниц имел основания ставить ее на одну доску с Персией и Абиссинией». Приводя эту цитату, германский историк Ф. Фишер подчеркивал, что особое значение во всех пангерманских планах придавалось Украине. Ее отрыв от России считался главным и основным средством ослабления России на длительный срок. Подводя итог, профессор Ф. Фишер задавал вопрос: «Что это, как не Брест-Литовск?». См.: *Fischer F. Weltmacht oder Niedergang. Deutschland im ersten Weltkrieg. Frankfurt a. M., 1965. S. 49*.

⁷ О протекавших в конце 1980-х — начале 1990-х годов процессах в российской исторической науке см.: *Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. Полемические заметки. М., 1995*.

⁸ О начальном этапе этого процесса см.: *Волков В. К. Новые тенденции в развитии исторической мысли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // Новая и новейшая история. 1991. №4*.

⁹ *Huntington S. P. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. № 3*.

¹⁰ Модернизация и национальная культура. Материалы теоретического семинара. М., 1995.

¹¹ В этой книге, вышедшей в свет еще до «бракоразводного процесса» чехов и словаков, ее главный редактор проф. Иржи Валента специально оговаривал, что она является первой попыткой, а не окончательным ответом на поставленные жизнью вопросы, что она скорее представляет собой приглашение к дискуссии. См.: *Máme národní zájmy? Praha, 1992*.

¹² К сожалению, югославский кризис дал и продолжает давать примеры совсем другого рода. Однако отступления от идеала (какими бы грубыми они ни были) не могут служить доказательством его отсутствия.

«Славянская идея» и русское национальное самосознание¹

В русской общественной мысли и национальном самосознании существуют три проблемы, вокруг которых вот уже более полутора веков не стихают страсти. Каждая из них выражена дихотомией. Это — «Россия и Запад», «Россия и Восток», «Россия и славянский мир». Возникая в разное время и получая различные толкования, ныне эти проблемы составляют своего рода треугольник, отнюдь не равнобедренный, в котором пульсирует вечно живая мысль.

Обращение к ним еще в первой половине XIX в. было связано преимущественно с общественными течениями, вошедшими в историю как славянофилы и западники. Они представляли собой два направления русской общественной мысли. Споры между ними шли по проблемам перспектив общественного, экономического и политического развития России, т. е. по проблемам историко-философской интерпретации национально-государственных интересов страны. Воспринимавшееся первоначально как шутовское прозвище, «славянофильство» проистекало из критики сторонниками этого направления петровских преобразований, идеализации допетровской Руси, а особенно — превознесение достоинств сельской крестьянской общины, которая якобы поможет стране избежать участи «гнилого Запада». Последнюю иллюзию разделяли, впрочем, также Герцен и другие западники, а позднее народники и революционеры-демократы. Ранние славянофилы (И.В.Киреевский, А.С.Хомяков и другие) были мыслителями скорее консервативного и определенно религиозного толка. Отсюда их внимание к зарубежным православным народам, в первую очередь к южным славянам и грекам.

То, что вошло в историю под названием *славянской идеи*, уходит корнями в далекое прошлое. Осознание общности славянских народов прослеживается на всем протяжении их письменной истории, подтверждается древними памятниками (например — «Повестью временных лет»). Сами же термины «славянская общность», «славянское единство» и другие сходные вошли в оборот уже в Средневековье, особенно в XVI и XVII вв., в среде

---

¹ Опубликовано в кн: «В.К.Волков. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., Индрик. 2000. С. 358 - 367.

южных и западных славян, более конкретно — у чехов и хорватов. Наиболее известным представителем «славянской идеи» того времени следует признать Юрия Крижанича. Дальнейшее развитие эта идея и связанная с ней терминология получили в Новое время, в период национального возрождения славянских народов. Именно тогда «славянская идея» стала составной частью их национального самосознания, а терминология пополнилась понятиями «славянская взаимность», «славянская солидарность» и др. Эти словосочетания (и соответствующие им идейные течения) зародились в чешской и словацкой общественной жизни и быстро получили распространение в научной и публицистической литературе других славянских народов, в том числе и в России.

Надо особо отметить, что вся указанная идейная терминология отличалась расплывчатостью и неопределенностью, создававшими условия для самых различных толкований, что порождало многочисленные недоразумения. Их политическая интерпретация приводила к спорам даже среди единомышленников. Для противников же этих идей открывались возможности для недобросовестных спекуляций и попыток их дискредитации. Во второй половине XIX в. основным противником славянских движений, стремившихся к национальному возрождению своих народов и их равноправному положению, стал радикальный немецкий национализм пангерманского толка. Именно в среде пангерманистов родился спекулятивный термин «панславизм», вобравший в себя враждебность к славянским народам и откровенную русофобию. Изначально умозрительный и однозвучный, этот термин превратился в агрессивный лозунг антирусской и антиславянской политики германского империализма, вошедшей в историю под названием политики «Дранг нах Остен». Особое распространение термин «панславизм» получил после объединения Германии в 1871 г. в результате победоносной франко-прусской войны. Со временем он все более и более приобретал характер пропагандистского стереотипа для обозначения русской угрозы Европе. Накануне и в годы Первой мировой войны его раздули до невероятных размеров и придали ему формулировку: «Панславизм — мировая угроза».

О развитии идей «славянской взаимности», национальных программ славянских народов, их общественных и политических движений написаны горы литературы на разных языках. Однако в условиях второй половины XIX — первой трети XX в. особое значение имела литература на немецком языке, который играл тогда в мировой науке примерно такую же роль, как в наши дни английский. Усилиями пангерманистов термин «панславизм» прижился в науке и стал синонимом самых реакционных и экспансионистских планов России по отношению к Европе и другим славянским народам. Был он воспринят и в дореволюционной русской науке, не сумевшей раскрыть его подлинное предназначение. Широкое употребление этого термина

Марксом и Энгельсом для дискредитации царизма, в котором они видели «жандарма Европы», предопределило его последующее использование и в советском обществоведении.

После поражения в Крымской войне и в условиях общественного брожения, вызванного отменой крепостного права, часть русского общественного мнения восприняла точку зрения о вечной вражде Европы по отношению к России. Наиболее ярким выражением такого мировоззрения стала книга Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», появившаяся вначале в журнальном варианте (1869 г.). Причину этой враждебности автор усмотрел в различии «культурно-исторических типов» германо-романского мира и мира славянского. Рассуждения о возможности и даже неизбежности столкновения этих двух цивилизаций приводили его к выводу о целесообразности образования славянскими народами общего федеративного государства с Россией во главе и Константинополем в качестве столицы. Любопытно заметить, что сходное по теоретическим основам видение развития человечества в близком будущем, как столкновения цивилизаций, уже в наши дни, в середине 90-х годов XX в., развил американский ученый С. Хантингтон, с той разницей, что его схема носит глобальный характер.

Несмотря на вспыхнувшую полемику вокруг книги Данилевского и его идей, они не стали основой для каких-либо практических шагов. Правящие круги относились к ним с подозрением, демократические слои не восприняли их. Славянская же идея развивалась в других формах. Возникшие тогда в России славянские комитеты, в которых объединялись лица различной политической ориентации, но преимущественно правой половины политического спектра, особо проявили себя в период Восточного кризиса 1875-1878 гг. и сыграли заметную роль во вступлении России в войну с Турцией, приведшую к освобождению Болгарии от османского ига, а также к изменениям международного статуса и места в системе международных отношений Сербии, Черногории, Румынии и Греции.

Позднее, уже в начале XXв., чувства «славянской взаимности» способствовали вступлению России в Первую мировую войну, хотя мнение, будто Россия вступила в войну ради защиты Сербии, односторонне и явно недостаточно обоснованно.

«Славянская идея» все больше становилась составной частью национально-государственных интересов России и других славянских народов. К тому времени она окончательно оформилась как система взглядов на желательность взаимодействия и сотрудничества славянских народов в различных областях — в политической, экономической, культурной, научной сферах и т.д. Естественно, что существовавшие тогда общественные слои и политические силы трактовали такие возможности по-разному, что позволяет говорить о своеобразии национальной идеологии каждого славянского народа.

Славяне никогда не были особенно дружной семьей. Еще А. С. Пушкин писал об «извечном споре славян между собою», имея в виду прежде всего русско-польские отношения. Высоко оценивая всегда культурное сотрудничество и достигнув успехов в этой области, они серьезно расходились в решении политических проблем. Только общая угроза побуждала славян к взаимодействию. Таковая в начале XX в. олицетворялась для них германской экспансией на Востоке и Юго-Востоке Европы. Ее ощущали чехи и поляки, сербы и хорваты, словаки и словенцы, она будила тревогу в России. В таких условиях родилось неославистское движение, признававшее равенство в славянском мире православия и католицизма, призывавшее к общности и единству перед лицом общего врага и стоявшего на позициях самостоятельного развития каждого славянского народа, а также тех соседних народов, которые захотели бы присоединиться к «славянскому миру». Однако обострение международной обстановки (аннексия Боснии и Герцеговины, политические кризисы в Европе), а также старые противоречия (особенно польско-русские) привели к распаду неославизма, сумевшего за время своего существования провести несколько международных съездов.

Если обратиться к событиям XX в., то начало Первой мировой войны вызвало в России первоначально патриотический подъем и взрыв славянофильских чувств. Однако постепенно затяжка войны, неудачи на фронтах, особенно в течение 1915 г., большие потери в живой силе и экономические трудности стали вызывать усталость в стране.

Дальнейшие внутренние потрясения — свержение царизма, слабость Временного правительства и последовавшая «красная смута» привели к Октябрьскому перевороту и гражданской войне. В антивоенной риторике большевиков не было места славянским мотивам. Теория и практика классовой борьбы подминали под себя национальные чувства. Нет смысла входить в изложение хода событий. Однако следует констатировать, что Октябрьская революция и установление коммунистического режима положили начало более чем 70-летнему периоду, когда вся страна стала полем социальных и национальных экспериментов. Так называемая ленинская национальная политика пресекала развитие идей «славянской взаимности». Эти идеи долгие годы преследовались как проявление идеологии, чуждой коммунистической. Больше того: большевики совершили национальное расчленение России, в первую очередь ее славянского ядра. Применявшиеся ими методы до сих пор либо не осознаны и плохо изучены, либо представлены в кривом зеркале официальной идеологии. Сам этноним «русские», на протяжении долгих веков использовавшийся всеми ветвями восточнославянского этноса — и великорусами, и белорусами, и малорусами (украинцами) — как самоназвание, в советскую эпоху стал применяться только по отношению к первым. Политика социального геноцида последовательно проводилась про-

тив тех слоев населения, которые были или могли быть носителями российской государственности и «славянских идей». Понесенные тогда и позже утраты не восполнены и по сей день.

Все это не помешало сталинскому руководству обратиться к национальной и славянской символике, когда гитлеровская Германия напала на Советский Союз. Инстинкт самосохранения коммунистического режима сработал безотказно. Люди старших возрастов помнят появившуюся тогда песню «Священная война» на музыку Александрова. Слова песни были напечатаны в центральных газетах в первые дни войны. Под ними стояла подпись Василия Лебедева-Кумача. На деле же они принадлежали Александру Адольфовичу Боду, гимназическому учителю из города Рыбинска Ярославской губернии, горячему русскому патриоту, носившему фамилию своих предков, выходцев из Франции, который написал их еще в 1916 г. Появление песни в начале Великой Отечественной войны перебрасывало символический мост между Первой и Второй мировыми войнами. И так же, как Лебедев-Кумач украл чужие стихи, сталинское руководство украло чуждые ему идеи славянского единства, чтобы использовать их в борьбе против германского фашизма. Проведение Всеславянских митингов, создание Всеславянского комитета в Москве, его широкая пропагандистская деятельность нашли свой отклик среди русского и других славянских народов. Они инстинктивно почувствовали германскую угрозу. Она была реальна. Сохранились документы о нацистских планах «нового порядка» в Европе. Уже в годы войны они стали реализовываться. Вошла в историю гитлеровская политика уничтожения евреев, так называемый Холокост. Менее известен так называемый «Генеральный план „Ост“», предусматривавший очищение Восточной Европы от славянских народов для обеспечения «жизненного пространства» германской «расе господ». Созданный нацистами чудовищный механизм массового уничтожения людей показал, что они готовы были осуществить планы другого, «славянского Холокоста», многократно превосходившего по масштабам первый. Только полный разгром гитлеровской Германии, в который наибольший вклад внесли именно славянские народы, особенно русские, украинцы и белорусы, спас их от готовившейся участи.

Послевоенный период составил особый этап в развитии всех славянских народов. Все они без исключения вошли в «социалистический лагерь». Это обстоятельство побудило коммунистические партии славянских стран использовать популярное тогда «новое славянское движение» для укрепления своей власти и упрочения установившихся режимов. В декабре 1946 г. в Белграде состоялся Славянский конгресс, подтвердивший эти намерения. Однако инструментальный характер идей славянской солидарности для коммунистических режимов высветился под влиянием разрыва отношений между Советским Союзом и Югославией в 1948 г. В основе этого конфликта

лежало столкновение двух «культов личности» — Сталина и Тито. Сразу же вслед за разрывом деятельность Общеславянского комитета была заморожена, работа национальных комитетов свернута, а лозунг пролетарского интернационализма привычно выдвинут на передний план.

Теперь всем известно, когда и как завершился крахом крупнейший в человеческой истории социальный эксперимент, именуемый «социализм». Это самым непосредственным образом сказалось на судьбах всех славянских народов и других стран, входивших в «социалистическое содружество». Все они вступили в посткоммунистический мир с тяжелыми «родовыми травмами», особенно в области национальной психологии, разбежались по «национальным квартирам». Распались многонациональные государства — Советский Союз и СФРЮ. Рожденные коммунистическим режимом этнократические кланы разорвали их по швам, наложенным самими же этими режимами. Распад Югославии привел на ее территории к этногражданской войне. Трагедия югославских народов — открытая рана на теле славянства. Создание Содружества Независимых Государств, несмотря на все его несовершенство, позволило народам, входившим в Советский Союз, избежать развития событий по югославскому сценарию. Произошел, наконец, «бракоразводный процесс» чехов и словаков. Распались связывавшие славянские страны и народы формы сотрудничества в рамках «социалистического содружества», причем на смену старым, отжившим формам сотрудничества ничего нового не пришло. Отсюда — разрыв самых разнообразных и неплохо налаженных связей в области экономики, культуры, науки, что болезненно отразилось на многих сторонах жизни славянских народов и стран. Это явление получило название энтропии славянского мира — тяжелой болезни посткоммунистической эпохи. Понятие «энтропия» позаимствовано из физического терминологического инструментария и обозначает рассеяние энергии. «Разбегание» славянских наций, дезинтеграция славянского мира стали полной противоположностью и разительным контрастом в сравнении с интеграционными процессами в Западной Европе, с тенденциями мирового развития. Последнее обстоятельство свидетельствует о временном характере этого явления. Но как долго оно продлится?

Наиболее отрицательные последствия вызывают очаги вражды, возникшие в славянском мире. Драматическую картину в этом отношении дает югославский кризис. Повсеместно наблюдаются вспышки агрессивного национализма. Фиксируется также широкое распространение русофобии в самой славянской среде. Помимо старых очагов на Западе, оживились такие настроения в Польше и, к сожалению, даже в Болгарии. Носителями русофобии выступают националистические элементы на Украине и в Белоруссии. Русофобские страсти кипят в новых странах Балтии. В значительной степени это националистическая реакция на коммунистическое наследие. Однако по

теории фрустрации она направлена на ложный объект — русский народ, который сам стал основной жертвой коммунистических экспериментов.

Невольно возникает вопрос: исчерпана ли идея «славянской взаимности», зародившаяся почти два века тому назад? Она знала приливы и отливы, в целом она сыграла позитивную роль в истории славянских народов, хотя нередко подвергалась политической эксплуатации. Очевидно, ответ на этот вопрос будет разным у отдельных народов, и каждая страна будет подходить к нему с различных сторон, по-своему.

Для России, а точнее — для Российской Федерации, «славянская идея» имеет особое значение. Для нее она напрямую связана с национальным самосознанием, а ныне — с кризисом самосознания, о котором вкривь и вкось толкуют отечественная публицистика и зарубежные «доброхоты». Но кризис действительно есть, и имеет различные проявления, носящие в известной мере вялотекущий характер. Так, распад Советского Союза был воспринят многими в России как одновременное крушение российской государственности — второй раз за XX в. Однако реакция на этот акт протекала как бы под общим наркозом. Теперешняя Российская Федерация — это территориально даже меньше того, что осталось от России по Брестскому миру. Тогда даже Ленин назвал его «похабным». Но наша российская интеллигенция, на которой лежит обязанность осознания и формулирования национально-государственных интересов, таких оценок нынешнему положению не дает. Почему? Ответ надо искать в национально-нигилистических установках российской интеллигенции, в парадоксальном понимании ею патриотизма как безоглядной критики и хулы своей Родины. Есть, впрочем, показательный способ определения степени патриотизма. Согласно Максиму Веберу, его уровень можно измерить откликом населения и отдельных его слоев на призыв в армию. Каков этот показатель у нас? Как в целом по стране, так и среди интеллигенции в частности? Думаю, ответ на эти вопросы затруднений не вызовет.

Не научившись сама защищать свои интересы, а потому не научив этому и народ, наша интеллигенция не смогла сформулировать приемлемой концепции национально-государственных интересов и отстаивать ее. В результате и она сама, и широкие слои общества зачастую не могут распознать суть предлагаемых стране подчас лукавых рекомендаций. Одним из таких искусов является побуждение к великорусскому изоляционизму. Указывая на огромные природные богатства Российской Федерации и апеллируя к потребительским чувствам населения, сторонники такого взгляда нашептывают: зачем нам кормить других? не лучше ли отгородиться от них? Тогда мы все получим себе. И в первую очередь это относится к славянским странам СНГ. В наших газетах, где между строк, а где и прямо можно прочесть такие вопросы: что нам дает союз с бедной ресурсами Белоруссией? зачем

нам вешать на шею украинский хомут в виде Донбасса? Своих горняков хватает... Список таких вопросов можно продолжить, хотя экономисты давно подсчитали, что более половины потерь российская экономика несет от разрыва экономических связей со странами СНГ и в первую очередь — с Украиной и Белоруссией. У этих государств положение аналогичное. Вина же лежит на всех сторонах.

Думаю, что указанные взгляды являются не просто продуктом скудоумия, но и содержат вывернутый наизнанку призыв к великорусскому сепаратизму. Все дело в том, что национальное самосознание великорусов складывалось в едином Российском государстве и носит общероссийский характер. Такой же общероссийский характер носит то, что мы называем русской культурой. Наряду с определяющим участием в ее создании великорусов, белорусов и малорусов (украинцев), не говоря уже об общем для них культурном наследии Древней Руси, значительный вклад в ее развитие внесли также поляки, немцы, евреи, татары и представители других народов, населяющих Россию.

Общность культурного наследия восточных славян сказалась и в истории формирования их литературных языков, в частности современного русского литературного языка, в развитие которого, особенно на первом этапе его становления, чрезвычайно велик был вклад выходцев из белорусских и малорусских земель. Достаточно вспомнить хотя бы имена Симеона Полоцкого и Феофана Прокоповича, да не забыть реформу патриарха Никона с опорой на книжников Киево-Могилянской академии. Поэтому для великорусов (русских) «славянская идея» всегда имела в качестве ее составной части восточнославянский компонент. Последний компонент носит особый характер, поскольку в нем заключено сознание общности всех ветвей восточного славянства, уходящей корнями в эпоху Древней Руси. Именно поэтому великорусы (русские) ощущают свое неразрывное этническое родство с белорусами и малорусами (украинцами), признавая их «своими» во всех регионах Российской Федерации и во всех областях жизни.

В свою очередь, многие белорусы и украинцы также чувствуют свою связь с общерусской культурой, многие считают русский литературный язык родным. Эта многослойность их национального самосознания — обычная вещь для всех исторических эпох — вызывает бурную негативную реакцию украинских и белорусских националистов. Такая реакция находит отклик среди большинства представителей политической элиты Украины, но в гораздо меньшей степени — в Белоруссии. Для борьбы с такими чувствами и подавления их на Украине даже выработано понятие «империалистическая реваншистская Россия». К сожалению, это понятие и образ врага перенесены ныне на страницы школьных учебников. Подозрения же России в злых умыслах пронизывают всю политику официальной Украины. Как

видно, «славянская идея» и ее восточнославянский компонент по-разному проявляется в Российской Федерации, в Белоруссии и на Украине.

Вторая сторона славянской идеи в российском национальном самосознании связана со всем славянским миром в целом. Здесь мы наблюдаем более дифференцированную картину отношений к различным ветвям славянства и разным народам. В части общественного мнения (смею думать, что в небольшой его части) продолжают традиции славянофилов XIX в. и развиваются мысли о духовной близости православных славянских народов. Правда, склонность делить славянские народы по религиозному признаку на православных и католиков исторически оказалась малопродуктивной. От нее отказались уже неослависты начала XX в. Другая часть общественных деятелей видит неиспользованный потенциал в идеях евразийцев. Однако, в отличие от «отцов» евразийства 1920-х годов, действовавших в эмиграции и рассматривавших евразийство прежде всего как культурно-историческое явление, их современные последователи больше обращаются к его геополитической стороне, которая для «классиков» этого направления общественной мысли была второстепенной.

Более перспективными представляются течения, которые задумываются о будущем славянского мира. Где место славянских народов в мощно развивающихся глобальных интеграционных процессах? Общемировая цивилизация пока остается утопией. Напротив, конкретные цивилизации (культурно-исторические типы) и этнокультурные общности существовали тысячелетия. Чертой последнего времени является их самоосознание, структурирование, превращение в субъекты глобального развития. Показательно, например, складывание мира исламских государств, несмотря на существующие между отдельными его странами серьезные противоречия. Как показал, в частности, японский опыт, наиболее успешно процессы модернизации протекали там, где они опирались на национальные традиции, а не на слепое заимствование.

Вопрос модернизации актуален для всех без исключения славянских народов. Но технико-экономические преобразования заставляют по-новому поставить проблемы их духовного и культурного обеспечения и поддержки. Пока же славянские страны сосредоточили внимание на реализации краткосрочных интересов. Во многих преобладают настроения «возвращения в Европу». Значительная часть этих стран озабочена вступлением в Европейский Союз, многие стремятся стать членами НАТО, что осложняет их отношения с Россией. При этом вызывает беспокойство отсутствие духовной перспективы. Что будет с их национальными культурами в условиях агрессивного наступления американизированной поп-культуры? Не будет ли она сведена до этнографического уровня? Такая угроза тем реальнее, чем мень-

ше народ. А большинство славянских народов, особенно после распада многонациональных государств, немногочисленны.

Западная модель отнюдь не универсальна. Если вести речь о широком круге европейской христианской цивилизации, то к ней, естественно, относится и славянский мир, являющийся ее субрегионом, но сохраняющий внутри нее известную самостоятельность, обладающий, так сказать, определенной «культурно-этнической» автономией. Россия также стремится к сотрудничеству с Европейским Союзом на определенных условиях, иногда даже сбиваясь на иллюзию «общеевропейского дома».

В таких условиях следует признать, что сотрудничество славянских народов в культурной области окажется выгодным для всех них, особенно же для малочисленных. Все это говорит о том, что преждевременно списывать со счетов идеи «славянской взаимности», относить их к романтическому периоду развития славянских народов. Такая взаимность в наше время — скорее осознанная необходимость. В основе ее лежат стимулы, побуждающие к созданию любого «клуба по интересам». Для современности таким стимулом является стремление пройти эпоху модернизации без потери «национального лица». А угроза его утраты существует. Кризис национальной самобытности, или, как сейчас принято говорить, идентичности, свойствен многим славянским народам. Достаточно вспомнить прошедшую не так давно дискуссию в Словении, в Любляне, на тему, являются ли словенцы — славянами. Открещивается от принадлежности к южнославянским народам (к Балканам) ряд политических течений в Хорватии. Аналогичные настроения, хотя и не проявившиеся столь ярко, существуют и в других местах. Однако суровая реальность вносит кардинальные коррективы. Сейчас повсеместно признается ошибочность бездумного разрыва межгосударственных экономических отношений. На очереди — признание утрат в области культурного сотрудничества. В таких условиях идею «славянской взаимности» рано сдавать в архив. Можно прогнозировать ее возрождение, конечно, в новых формах. Такой же вывод надо сделать и относительно «славянской идеи» в России. Она продолжает оставаться составной частью национально-государственных интересов Российской Федерации.

Сделанные выводы дают повод для умеренного оптимизма и небеспочвенных надежд.

Научное издание

**СЛАВЯНСКИЙ МИР:
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

(Памяти Владимира Константиновича Волкова)

Сборник статей.

Москва 2006.

Оформление оригинал-макета и верстка С. А. Карасева.

Подписано в печать 16.05.06. Зак.64. Объем 9,0 п.л.

Тираж 500 экз.   Формат 60х90/16   Цена договорная

Отпечатано в ООО «Вельта» г. Москва.

1. В.К. Волков в молодые годы.

2. В.К. Волков в 1953 г. Москва.

3. В.К. Волков в библиотеке.

4. В.К. Волков с женой Лилией Аркадьевной 1956 г.

5. В.К. Волков в 90-е гг. XX века.

6. В.К. Волков среди участников научной конференции в рамках празднования Дней славянской письменности и культуры г. Калуга май 2001 г.

7. В.К. Волков среди участников научной конференции в рамках празднования Дней славянской письменности и культуры г. Новосибирск май 2002 г.

8. В.К. Волков среди сотрудников Института славяноведения РАН во время . IX Конгресса по изучению стран Юго-Восточной Европы в Тиране (Албания) 2004 г.

9. В.К. Волков во время российско-македонской научной конференции в Охриде (Македония) октябрь 2004 г.

10. В.К. Волков в Охриде (Македония), октябрь 2004.

**11. Вручение В.К. Волкову болгарского ордена за заслуги в развитии российско-болгарских научных связей.
Посольство Болгарии в Москве 2003 г.**

12. Вручение В.К. Волкову польского ордена за заслуги в развитии российско-польских научных связей 15 октября 2001 г. Дом ученых Москва. В церемонии награждения участвуют президент Российской Федерации В.В. Путин и президент Польши Квасньевский.

